

ДЕТЕКТИВ - СОБЫТИЕ

Елена Михайкова

улыбка
пересмешника

Annotation

Виктория хорошо усвоила урок бывшего мужа, выбросившего ее на улицу, как котенка, — и стала успешной независимой женщиной. Чтобы окончательно расквитаться с прошлым, осталось сделать только одно...

Когда-то Алиса встала между Кириллом и направленным на него дулом пистолета, и он решил: только такая женщина достойна стать его женой. Она порхала по жизни, как птичка, но что у нее на уме, не знал даже муж...

Кирилл всего в жизни добился сам и не собирался ни с кем делиться своими успехами — лишь позволял женщинам находиться рядом, пока ему это выгодно. Он был искренне в этом убежден...

Вынашивать планы мести упоительно сладко. Но легко забыть, что охотник и жертва в любой момент могут поменяться местами...

-
- [Елена Михалкова](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Эпилог](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Елена Михалкова

Улыбка пересмешника

Моим маме и брату — с глубокой благодарностью на память о ночных разговорах, ураганном домике и прочем, прочем, прочем, из чего появилась эта книга.

— Я бы предпочел, чтобы ты стрелял на огороде по жестянкам, но знаю, ты начнешь бить птиц. Если сумеешь попасть в сойку, стреляй их сколько угодно, но помни: убить пересмешника большой грех.

Я впервые слышала, чтоб Аттикус про что-нибудь сказал — грех, и спросила мисс Моды, почему грех.

— Твой отец прав, — сказала мисс Моды. — Пересмешник — самая безобидная птица, он только поет нам на радость. Пересмешники не клюют ягод в саду, не гнездятся в овинах, они только и делают, что поют для нас свои песни. Вот поэтому убить пересмешника — грех.

Харпер Ли. Убить пересмешника.

Глава 1

Алиса

Вы никогда не замечали странный акустический эффект в метро? Когда едешь на эскалаторе, звуки с соседней ленты иногда доносятся так отчетливо, словно говорящие стоят прямо перед тобой. Нет, не замечали? Поверьте, если вы хоть раз обратите на это внимание, то потом уже не сможете не прислушиваться, ловя обрывки чужих разговоров.

Особую занимательность происходящему придает тот факт, что вы хорошо видите беседующих людей, ведь они стоят на расстоянии всего нескольких метров от вас. Вы сначала слышите что-то, а затем успеваете рассмотреть собеседников за то недолгое время, что они едут мимо на эскалаторе метро. Меня особенно захватывают случаи несовпадения между *видимым* и *слышимым* — тогда я ощущаю себя зрителем на спектакле, в котором актеры неожиданно начали произносить не свои реплики.

Однажды я услышала, как чистый, нежный женский голос сказал:

— Я чувствую себя ужасно старой. Как будто вся жизнь уже позади.

А мужской, некрасивый, надтреснутый, возразил:

— Ну что ты, Ниночка! Тебе нужно почаще глядеться в зеркало.

Я подняла глаза, чтобы посмотреть на Ниночку, портрет которой я мысленно уже нарисовала — бледное юное лицо, темные глаза, обведенные по контуру дымчатым серым карандашом, красная помада, которой позавидовала бы и Кармен, — и буквально споткнулась взглядом. Я знаю, что так не говорят, но я действительно споткнулась взглядом, увидев напротив себя высокую исхудавшую старуху лет семидесяти, а перед ней — пожилого плешивого мужчину, любовно глядящего ее по рукаву черного пальто.

Понимаете, это было неправильно! Только молодые девушки могут произносить такие фразы нежными чистыми голосами — о том, что они чувствуют себя ужасно старыми, что они уже много повидали, что им двадцать один, а значит, вся жизнь позади... Это всегда бывает смешно и немножко глупо. Но когда такие слова говорит действительно старый человек, это совсем не смешно. И еще это трогательное обращение, как к ребенку — «Ниночка»...

Кстати, меня зовут Алиса. Если быть совсем честной — а я почти

никогда не вру, только кое о чем умалчиваю, — то когда-то меня звали Ирой, но я ненавидела это имя так, как собака может ненавидеть привязанную ей к хвосту связку консервных банок. И при первой возможности избавилась от него. Папа спросил, каким именем мне хотелось бы называться, и я сразу же вспомнила свою любимую сказку — мне тогда было девять лет, я мечтала провалиться в кроличью нору, чтобы очутиться в сказочной стране, и с грустью думала, что моя мечта несбыточна.

Но со временем — да-да, с тем самым временем, волочась за которым, люди, как правило, только теряют свои детские иллюзии, — я осознала, что норы поджидают нас на каждом шагу! Нужно лишь уметь выискивать кроличьи следы, узнавать их среди повседневного мусора и быть ежеминутно готовым рвануть, мелькая пятками, следом за ушами, торчащими из цилиндра.

Мой муж говорит, что я чудачка. Но я вовсе не чудачка! Я — ловец! Ловлю обрывки разговоров, забавные мелочи, ерундовые происшествия, запахи, хвостики песен и иду вслед за этими маленькими тайными знаками, ожидая, что они приведут меня к чему-нибудь интересному.

И знаете, почти всегда так и происходит.

В тот день я ехала по эскалатору вверх, и вдруг мужчина на соседней ленте сказал, явно продолжая какой-то спор:

— ...А жить нужно так, чтобы можно было безбоязненно выставить клетку с говорящим попугаем во двор.

— Если бы мы выставили нашего, — едко возразил ему женский голос, — то все соседи были бы в курсе твоих ничтожных интересов. «Здрасьте, с вами футбольный обозреватель Николай Сорокин!»

Я даже не стала оборачиваться на нее — и так знала, что увижу: опущенные уголки губ, пустой взгляд человека, которому смотреть на экран телевизора привычнее, чем на лица других людей, но все-таки упрекающего в этом грехе мужа — а все потому, что тот, бедняга, имеет несчастье не разделять ее вкусы. Футбол и орешки под пиво у одного, сериал и конфетки у второй, и при этом каждый считает, что он-то просто расслабляется после тяжелого рабочего дня, а вот его половина целенаправленно оболванивает себя перед ящиком.

Выходя из метро, я почти выкинула из головы их диалог — мне казалось, что он ничего не значил, — и вдруг заметила на столбе объявление, написанное от руки: «Продается краснощекий неразлучник. Один». И телефон.

Если бы я была животным, то, несомненно, охотничьей собакой. Я тут

же встала в стойку и насторожилась, а все потому, что поняла — вот они, кроличьи уши, мелькнувшие за столбом! Если вы подумали, что это простое совпадение, то вам не по пути с опаздывающими кроликами и не вам падать в глубокие норы, где стоят банки с вареньем. То, что я сперва услышала разговор двух несчастных, в котором они упомянули о попугае, а затем увидела объявление о продаже неразлучника, было своего рода знаком, вешкой для посвященных, и, конечно, я не могла пройти мимо. Меня просто заворожило это объявление. В нем была безысходная трагичность, лаконичная до оторопи история маленького, смешного, нелепого существа, лишившегося всего, что составляло его жизнь.

Мой муж говорит, что я слишком впечатлительна и склонна фантазировать на пустом месте, но вы только вдумайтесь в слова: «Продается краснощекий неразлучник. Один». А когда вдумаетесь, ответьте — разве я была не права, отправившись выручать его, хотя даже не представляла, как выглядят неразлучники?

Я позвонила по номеру, указанному в объявлении, записала адрес и договорилась посмотреть неразлучника. После этого звонка телефон, который я не подзаряжала уже три дня, сел окончательно, и теперь никто не мог помешать мне найти одинокую птичку.

И я ее нашла. Точнее, его. Мне открыла вытертая, как старый плюшевый плед, пожилая дама с дрожащими руками, и в комнате, пропахшей скукой, затхлостью и пьяными слезами, обнаружилась клетка с неразлучником — он сидел, нахохлившись, на жердочке. Стоило мне увидеть его, как я поняла, что куплю попугайчика, сколько бы он ни стоил. Толстенький, желтый, с яркими алыми щечками, краснота с которых переползала на его короткую шейку, словно у диатезных детей, переевших шоколадных конфет... При моем появлении он подвинулся в сторону, как будто по-приятельски освобождая мне место рядом с собой.

— Двое их было, — сказали сзади. — Один-то помер. А этот, вишь, заскучал.

Попугайчик наклонил головку набок и смешно шаркнул лапкой по жердочке.

— Сколько он стоит? — спросила я.

— Двести.

Я обернулась к ней, и тогда она торопливо прибавила:

— И еще за клетку столько же!

Конечно, можно было поторговаться. Но мне было так невыносимо жаль его, что я отдала ей четыре сотенные бумажки, схватила клетку и, не слушая комментариев о том, чем нужно кормить попугайчика, побежала к

выходу. А потом, поймав частника, поехала к ветеринару, от него — в зоомагазин, и к тому моменту, когда я вышла из машины, с трудом удерживая в руках две клетки, в каждой из которых сидело по неразлучнику, уже совсем стемнело.

Я, конечно, догадывалась, что муж разозлится... Когда он открыл дверь и увидел меня, то глаза у него стали узкие, как прорези в маске, и он рывком втащил меня в квартиру, так что одна из клеток едва не выпала у меня из рук. Попугайчики возмущенно закричали и продолжали надрываться до тех пор, пока я не поставила их на пол.

— Ты... где ты была?! Что у тебя с телефоном?!

— Батарейка села, — сказала я с идиотской улыбкой, и он едва не дал мне пощечину.

Я видела, что он взбешен: его собственная жена создала ситуацию, которую он не смог контролировать, а для него это невыносимо... Но ничего не могла с собой поделаться — губы сами растягивались в улыбку. Не то чтобы я очень любила птиц — по правде говоря, у меня их раньше никогда и не было, — но мысль о том, что отныне в моем доме будут жить два пузатых желтых попугайчика с забавным названием «краснощекие неразлучники», веселила меня. Они до смешного похожи на моих родителей — такие же кругленькие, подвижные и обожающие друг друга.

— Мой хороший... ты за меня переживал! Прости, пожалуйста! Я больше так не буду, честное слово!

Он нахмурился, рассматривая меня.

— У тебя нога оцарапана. Черт возьми, где тебя носило?

Я растерянно посмотрела на собственную ногу. Действительно, царапина.

— Наверное, что-то задела в той квартире, где купила попугайчика. Ничего страшного, сейчас помажу зеленкой.

Он по-прежнему хмурился, словно не доверяя мне. Ему идет, когда он хмурится, — как ни странно, гораздо больше, чем когда смеется.

Я разулась, перенесла клетки в комнату, водрузила их на стол и обернулась к мужу:

— Смотри, какие смешные! Давай придумаем им имена, а?

Он посмотрел сначала на птичек, затем на меня, затем снова на них. Развернулся и вышел из комнаты, бесшумно прикрыв за собой дверь. Я вздохнула и снова улыбнулась своим новым маленьким друзьям:

— Ну что, малыши, давайте обживатьсья?

Когда самолет зашел на посадку, я испытала дежавю — на секунду мне показалось, что все это уже было со мной: широкое кресло бизнес-класса, мягкий оранжевый плед, укрывающий колени, слабый запах одеколона от соседа, высокого сутулого шведа, белого, как альбинос, и зеленые острова деревьев за иллюминатором. Словно внизу меня ждала не Москва, а лесная чаща, в которой по чьей-то странной прихоти должен был приземлиться наш «Боинг».

Но затем самолет качнул крылом, накренился, и я увидела город — огромный, растекшийся по поверхности земли, ощетинившийся домами разной степени уродливости. И дежавю исчезло, сменившись чем-то вроде своей противоположности: я остро ощутила, что впервые за много лет прилетаю в Москву.

Я откинулась на спинку, закрыла глаза и почувствовала, что сосед повернул голову в мою сторону и разглядывает меня с беззастенчивым любопытством. Поверьте, я знала это наверняка — как и то, что одна нейтральная реплика с моей стороны, и он тут же пригласит меня на «чашечку кофе»: не потому, что я выгляжу доступной, а потому, что он чувствует во мне существо своего круга, причем существо относительно молодое и безусловно красивое.

Это очень важно, поверьте моему опыту, — находиться рядом с человеком своего круга. Я многие годы не понимала этого и даже не верила в существование «кругов», что лишь доказывает, какой непроходимой дурой я была. Затем, по мере расширения моего ничтожного опыта (который, однако, и расширяясь, оставался ничтожным, хоть я этого не осознавала), мне пришлось признать, что круги все-таки есть. Но и тогда с упорством девочки, воспитанной на пионерских книгах, я считала, что главное в человеке — это ум, порядочность, доброта и прочие качества, которые принято называть положительными, а уж из какого он социального слоя — дело десятое. И только теперь я отчетливо вижу, что все мы крутимся на своих орбитах, и свойства нашего характера зависят от расположения планеты в гораздо большей степени, чем принято считать.

Когда-то давным-давно, около десяти тысяч лет назад, одна очень умная немолодая дама сказала мне о прекрасной юной паре: «Эти люди совсем недолго пробудут вместе». Они казались любящими друг друга, и оттого я возмутилась и потребовала объяснений. Дама снизошла до меня, хотя это было то время, когда окружающие считали излишним что-то

объяснять женщине с таким умом и знанием жизни, как у меня, дабы не тратить времени попусту. «Они смотрят друг на друга, — сказала она. — А должны смотреть в одну сторону». «Но тогда кто-то один обязательно станет таращиться в затылок другому!» — в запальчивости возразила я, и она рассмеялась: «Бедная девочка... Им ведь не обязательно поворачивать голову направо или налево, правда? Они могут стоять рядом и смотреть вперед. Но для этого нужно, чтобы они были *похожими*».

Так вот, с белобрысым шведом, моим соседом, мы были похожи. Разумеется, не внешне. Для подтверждения собственной правоты я быстро открыла глаза и уставилась на него. Он рассматривал меня — как и ожидалось! — и к его чести следует добавить, что изрядно смутился, будучи пойманным за этим занятием.

В другое время, возможно, я бы даже заинтересовалась им — люблю некрасивых и при этом значительных мужчин, — но в Москве меня ждало важное дело. Я сказала «важное»? Господи, конечно, нет! Слово «важное» не просто не подходит — оно звучит смехотворно применительно к тому, что я собиралась сделать. Разве можно говорить «важное дело», когда собираешься убить человека...

По салону прошла стюардесса, красивая особенной деловитой красотой стюардесс, задержала на мне взгляд и улыбнулась приветливой улыбкой, сделавшей ее вдруг очень простой и оттого милой. Я улыбнулась в ответ. У меня улыбка иностранки — открытая, доброжелательная, но при этом не обнажающая зубы... Я долго тренировала ее, и Никлас, добрая душа, помогал мне, объясняя нюансы, которые следует знать, если ты хочешь улыбаться как иностранец. Русские улыбаются совсем иначе, говорил он — человек, долгое время проживший в Москве и Санкт-Петербурге, — они улыбаются так, словно делают тебе одолжение, и выражение их глаз остается недоверчивым. Перед тем как улыбнуться, они раздумывают долю секунды, а затем наконец делают это — но почти всегда ударяются в две крайности: улыбаются либо преувеличенно, показывая зубы, как при смехе, либо не доходят даже до той степени мелкой дежурной улыбки, которая характерна для таможенников в аэропорту.

Я была хорошей ученицей, и в моей улыбке нет ничего русского, поверьте. Я улыбаюсь, как Виктория Венесборг. Венесборг — шведская фамилия, фамилия Никласа, а Виктория, или Вики, как называют меня друзья, — вполне международное имя. Только внешность выдает меня — я слишком привлекательна для шведки, к тому же моя красота совсем другого типа. Но с годами я сумела европеизировать себя — назовем это так, — а хороший хирург изменил мое лицо совсем чуть-чуть, но

достаточно для того, чтобы во мне нельзя было узнать русопятую девчонку из Поволжья.

Поэтому теперь я безбоязненно улыбаюсь людям, а люди часто улыбаются мне.

Они же не знают, что я собираюсь убить своего бывшего мужа.

Если вы спросите меня, зачем я решила это сделать, то мне будет трудно ответить на ваш вопрос. Как хороши простые, всем понятные мотивы: месть, ревность, жадность... Ненависть объяснить уже сложнее: приходится рассказывать предысторию, показывать на карте отношений все ямы, канавы и трещины, в которые провалилась, сломала себе шею любовь или дружба, предшествовавшая ярости.

Но дело в том, что я даже не испытываю ненависти к бывшему мужу. Чувство, которое гложет меня, имеет другую природу.

Пожалуй, мне все-таки придется вернуться в прошлое. Не очень далеко — всего на семь лет назад. Это в вашем исчислении, а в моем прошло не меньше двадцати тысяч лет, и горы от времени стерлись в равнины, равнины стали руслами рек, и только люди не изменились — никто, кроме меня.

Мне тогда было двадцать три, и я была замужем за самым прекрасным человеком на свете. Возможно, меня хоть немного оправдает в ваших глазах то, что я была очень, очень счастлива. От счастья люди глупеют, знаете ли, а уж если речь идет о двадцатитрехлетней девчонке, выросшей под строгим гнетом бабушки, боявшейся «проворонить сироту» и оттого бывшей с ней исключительно строгой, то можно с уверенностью сказать, что счастье вышибло у меня из головы остатки мозгов.

Я росла в маленьком волжском городке, никуда не уезжала из него, и все мои знания о жизни были из книжек и бабушкиных рассказов. Когда пришло время поступать в институт, бабушка продала наш домик, и вырученных денег хватило только-только, чтобы в соседнем городе-«миллионнике» купить комнату в коммунальной квартире — правда, довольно большую, почти двадцатиметровую. Бабушка не могла оставить меня без присмотра, вы же понимаете...

Я вышла замуж, когда мне было девятнадцать. Муж был старше, сильнее, умнее, опытнее — да он был просто богом в моих глазах! Я не могла поверить в то, что такой мужчина выбрал именно меня — простую, глупую, необразованную девочку. Правда, он и сам происходил из очень простой семьи, но тянулся, как он говорил, к свету, к лучшей жизни.

А я и не знала, что такое «лучшая жизнь». Для меня лучшая жизнь была с ним, и, когда спустя год после нашей свадьбы он решил, что пора

переезжать в столицу, я послушно упаковала вещи, и мы переехали.

Кирилл работал с утра до вечера, говорил о себе, что он «крутится», а я сидела дома и занималась домашним хозяйством. Он не раз замечал, что не понимает семей, где женщина делает карьеру, что для него такая баба — будто мужик в юбке, и я, конечно же, не собиралась обманывать его ожиданий. Хранительница очага — вот в чем заключалось мое призвание. Крепкий, надежный тыл. И я варила супы, солила овощи, которые сама придирчиво выбирала на рынке, колдовала над вторыми и третьими блюдами, гладила рубашки и убиралась каждый день — а все для того, чтобы уставший после работы муж видел, как о нем заботятся, и на душе у него становилось бы теплее.

И самое мое полное счастье приходило тогда, когда, наевшись, он засыпал на диване, и на его лице — суровом, жестком, волевом лице настоящего мужчины — появлялось беззащитное выражение. Вот тогда он был мой, весь мой, целиком, вместе со своими снами, мыслями, страхами... Я могла долго-долго смотреть на него, но в конце концов, боясь разбудить взглядом, приносила какое-нибудь рукоделие и пристраивалась рядом с ним, вышивая в тишине.

Мое счастье было нарушено за все это время только один раз — когда умерла бабушка и выяснилось, что она подписала какие-то документы о передаче квартиры в собственность неизвестным мне людям... Оказывается, они ухаживали за ней последние годы ее жизни — удивительно, но она ничего не рассказывала мне об этом. Впрочем, у бабушки было так плохо с памятью, что она вполне могла забыть о таких деталях, как принесенное из аптеки лекарство или вовремя приготовленная еда.

Кирилл хмуро сказал, что он в это дело не полезет, потому что его сожрут с потрохами. Я тогда не поняла, кто может его сожрать, но догадалась, что он придерживается того же мнения, что и я: раз за бабушкой действительно ухаживали какие-то добрые люди, значит, они заслужили эту комнату, а «сожрут с потрохами» сказано про соседей, которые начнут стыдить его, если он вздумает судиться. Мне и самой было стыдно за то, что я ничего не знала о происходящем и ни разу не приехала навестить ее за все эти годы, потому что не хотела выныривать из своего безмятежного, тихого существования. Я из него и не вынырнула: только высунула голову на поверхность, огорчилась и сразу спряталась обратно — в глубокую зеленую воду, спокойную, неподвижную.

А в две тысячи первом году, три года спустя после бабушкиной смерти, грянул гром.

В тот день Кирилл пришел домой очень рано — я даже не успела приготовить ужин, — но стоило мне метнуться к плите, как он схватил меня за руку, заставил сесть и сам сел напротив, глядя на меня своими голубыми глазами.

— Викуша, — сказал он, — мне нужно тебе кое-что рассказать. Слушай и не перебивай, потому что времени у меня не очень много.

И он начал рассказывать. Я слушала его и ощущала, что счастье выскальзывает из моих рук, как подтаявшая льдинка, и вот-вот упадет на пол и разобьется на кусочки.

Оказывается, в его бизнесе возникли проблемы. Фирма Кирилла занималась переработкой мяса, выполняла свою работу честно, никого не обманывала, и, конечно, появились люди, которым это не нравилось. Конкуренты, сказал он, — конкуренты, собиравшиеся захватить его дело, воспользовавшиеся непростой ситуацией, чтобы установить свои правила игры.

— Они хотят, чтобы я уступил им все, — рассказывал он, поглядывая на меня, — и не побрезгуют ничем, никакими методами. Милая, тебе придется уехать.

— Зачем? — Я едва не плакала.

— Затем, что я не могу подвергать тебя опасности. Девочка моя, пожалуйста, послушай!

Он встал, обнял меня, и я не выдержала — уткнулась носом в его рубашку, заревела, обхватив руками. Мой Кирилл, всегда такой скупой на ласку, способный молчать целыми днями, не произнося ни слова, назвал меня своей девочкой! Даже в постели, после изматывавшей любви, он обрывал меня, если я начинала бормотать всякие нежные женские глупости, а теперь сам стал со мной нежен.

— Я тебя не оставлю! — Я вцепилась в него, и он силой разжал мои объятия, присел передо мной на корточки и заставил посмотреть ему в глаза.

— Ты моя жена, и ты должна мне помочь. Кроме тебя, мне больше никто не поможет.

— Я все сделаю! Кирюша, милый...

— Послушай! Необходимо, чтобы ты уехала. Эти подонки ни перед чем не остановятся, и если они тебя схватят... — Он сделал паузу, и сердце мое остановилось на мгновение, — то я этого просто не выдержу. Ты понимаешь?

Я закивала, не понимая ничего из того, что он мне говорил, кроме одного — он меня любит, он обо мне заботится!

— Поэтому тебе нужно будет уехать. Я тебя спрячу, хорошо? Ненадолго — всего на несколько месяцев, пока все не утрясется. Чтобы тебя никто не нашел, мы с тобой разведемся — фиктивно, ты понимаешь? И тогда никто не сможет меня шантажировать тобой. Ты не должна будешь мне звонить, я сам стану выходить на связь. И ни в коем случае не приезжай!

— Кирюша! — взвыла я. — Как же так?! А что с тобой будет?!

— Тихо! Не ори, дура, — соседи услышат! Ничего со мной не случится, все будет в порядке. Разберусь с уродами и заберу тебя обратно. Ты все поняла? Тогда иди, собирай вещи.

— Как?! Уже?!

— А ты что хотела — дожидаться, пока за тобой придут? Быстро пакуй барахло и звони своей подруге, просись на постой.

У меня не было подруг. Но осталась приятельница школьных лет, до сих пор жившая в маленьком приволжском городке, растившая троих мальчишек и опекавшая мужа-алкоголика. Именно к ней мне и пришлось напроситься в гости, наврав, что муж выгнал меня из дома, — Кирилл строго-настрого запретил говорить кому бы то ни было о возникших у него проблемах. Развели нас очень быстро — он заплатил кому-то денег, и все бумажные вопросы решились за один день.

— Никто не должен знать! — Он вколачивал слова мне в голову, повторяя, как для маленького ребенка или глупышки. — Вика, никто не должен знать о причинах твоего отъезда.

— Но Оля... она станет расспрашивать...

— А ты скажи, что тебе тяжело говорить на тему разъезда, и она от тебя отстанет. Поняла? Повтори!

— Оля, мне тяжело говорить на тему разъезда, — послушно повторила я, представив себе Ольгу: маленькую, остроносую, с любопытным взглядом блестящих черных глаз.

— Умница. Запиши это предложение себе в блокнот на случай, если забудешь.

— У меня нет блокнота... — начала я и осеклась: он посмеивался.

— Знаю. Я шучу. Все, все, все, — поспешно сказал он, заметив, что у меня дрожат губы. — Долгие проводы — лишние слезы.

На вокзале, в людской сутолоке, в круговерти тележек, сумок, пакетов, чемоданов, я совершенно растерялась. Кирилл шел впереди, расталкивая зазевавшихся прохожих, а я смотрела в его спину и думала только об одном: «Господи, спаси и сохрани его для меня! Сделай так, чтобы с ним все было хорошо! Мы были так счастливы, и раз уж получилось, что мы

теряем наше счастье, прошу тебя, пожалуйста, отдай ему мою половину».

Меня толкнули, и от удара я выронила сумку, в которой лежали паспорт и деньги. Присев на корточки, схватила ее («*Господи всемогущий, ты же хороший, я знаю, что ты заступишься за него!*»), а когда подняла глаза, Кирилла уже не было видно.

«Только бы он остался жив, Боже, прошу тебя!»

И вдруг меня окатил панический ужас. Я не успела представить себе ничего конкретного — ни убийцы с ножом, ни человека, толкающего его под колеса поезда, — но страшное чувство неизмеримой утраты накрыло меня с головой, как будто, на долю секунды выпустив из рук свою дешевую сумку из кожзаменителя, я выпустила свое счастье — сама, по глупости, — и больше никогда не найду его, останусь навсегда на этом бесконечном вокзале — неприкаянная, никому не нужная.

Кирилла больше не было со мной. И в ту же секунду я почувствовала, что его нет — *совсем*. Понимаете? Я отпустила его взглядом, и с ним сразу случилось что-то страшное, от чего только я могла его защитить... А я не защитила.

Шум толпы вокруг меня стал громче, он нарастал, и я внезапно перестала понимать, на каком языке говорят эти люди, куда они идут и что происходит со мной. Сначала я потеряла мужа, затем потеряла себя. От охватившей меня паники я закричала, какая-то женщина с седой головой шарахнулась в сторону, и я закричала снова — не надеясь, что мне кто-нибудь поможет, просто от детского страха.

Кирилл вынырнул из-за чьей-то спины, наклонив голову, как бычок, собирающийся боднуть меня.

— Ты чего орешь?! — с тихой яростью спросил он и, поскольку я молчала, оторопело глядя на него, заподозрил худшее: — Что, паспорт проворонила?

Выхватил мою сумку, рванул молнию и принялся шарить внутри, а когда нашел, поднял на меня глаза, ткнул сумку мне в руки и, кажется, еле сдержался, чтобы не выругаться.

— Быстро, на поезд опоздаешь!

Справедливости ради нужно сказать, что бог услышал мою отчаянную молитву. Правда, поняла я это позже, гораздо позже. А тогда я еще перекрестила мужа на прощание — чтобы все у него было хорошо, у моего Кирилла, чтобы все обошлось, чтобы его сохранили высшие силы... И, крестя, сама не верила в то, что все наладится.

У подруги я прожила четыре месяца. Мне тяжело вспоминать то время — черное, как провал проруби, обещающей быструю жутковатую смерть. Я

всегда боялась воды, особенно речной, с сильным течением. Теперь же у меня было ощущение, что ледяная вода тащит меня, сковав руки-ноги холодом, и не вскрикнуть, не позвать на помощь, не выпрыгнуть рыбкой на лед... Оле и ее семье я была в тягость, как и мне в тягость был их жалкий нищенский быт, от которого я успела отвыкнуть за годы благополучной жизни с мужем, и вынужденная благодарность, перемешанная с отвращением к окружавшей меня убогости и постоянным страхом за мужа, мне самой казалась противной — словно я принудительно заставляла себя быть признательной этим людям. Так, в общем, оно и было.

Когда моя жизнь рядом с алкоголиком, несколько раз в отсутствие жены пытавшимся затащить меня в постель, стала совсем невыносимой, я нарушила запрет Кирилла и позвонила ему. Я ожидала гнева и приготовилась просить прощения и умолять его забрать меня отсюда, переселить в любую, самую дешевую гостиницу, разрешить мне пойти помойкой к чужим людям... Но услышала бодрый оживленный голос. За все четыре месяца муж звонил мне лишь несколько раз, и всегда бывал мрачен — я прекрасно понимала почему. Теперь же его словно подменили.

— Все, Вика, можно возвращаться, — сообщил он, и сперва я даже не поняла, о чем он говорит. — Завтра вышлю тебе денег, купишь обратный билет.

Возникло ощущение, будто я тонула и вдруг волной меня, задышающуюся, вышвырнуло на берег. Та самая стихия, которая обещала смерть, обернулась жизнью, и я не уставала благодарить бога за то, что все закончилось.

В Москве меня встречал довольный Кирилл и, пока я пыталась насмотреться на него («Рубашка отглажена; кажется, поправился на пару килограмм; новая прическа, ему удивительно идет»), что-то рассказывал мне, а я даже не слышала. И только когда он свернул с проспекта на незнакомую мне улицу, вдруг спохватилась:

— Подожди, куда мы едем?

— Домой! Эй, милая, ты меня слушала?

Пришлось признаться, что нет, и Кирилл, остановив машину, обернулся ко мне и отдельно объяснил: борьба с конкурентами закончилась полным их поражением, и теперь наши финансовые дела куда лучше, чем были до расставания. Настолько лучше, что он решил вложить деньги в недвижимость и купил нам квартиру, в которую меня и везет.

— А... ремонт? — выдавила я, ошеломленная всем, что он говорил. До этого мы жили в съемных квартирах, и представить, что теперь меня ждет шестикомнатное богатство, я была не в состоянии.

— Какой ремонт! — он засмеялся. — Ремонт я уже сделал, голубка!

— Когда же ты успел?!

— Можешь считать, что она с ремонтом продавалась.

Квартира оказалась такой, какую я даже в мечтах не представляла, — двухуровневой, огромной, как библиотека. Вы, наверное, будете смеяться, но до сих пор самым большим помещением, которое я посещала, была именно библиотека в нашем городке — бывшая усадьба каких-то богатых помещиков. Я любила там бывать, и эту квартиру полюбила сразу же, как только увидела, хотя меня не оставляло чувство, что я ей не соответствую. Но оно быстро прошло, потому что я сумела обжить ее точно так же, как обживала любое пространство «под себя», — украсила, отмыла, кое-что изменила, и наш с Кириллом дом заиграл и заблестел.

Прошло еще полтора года — почти таких же безмятежных, как и предыдущие, и воспоминания о пережитом не беспокоили меня. Только иногда снился сон, всегда один и тот же: будто я остаюсь одна на вокзале, а люди вокруг меня превращаются в поезда и начинают с ревом давить друг друга. Всякий раз я просыпалась в холодном поту и прижималась к широкой теплой спине мужа, думая, что он сумел защитить меня от настоящей опасности, а значит, сумеет прогнать и кошмары.

Кирилл много работал, временами становился озлобленным как волк, но никогда не повышал на меня голос, лишь уходил в свою комнату и отмалчивался. Я понимала, что ему приходится тяжело, как любому мужчине, который служит своей семье добытчиком, опорой и защитником, и старалась угадывать его желания, как верная собака угадывает настроение хозяина. Это давалось мне легко, ведь в моей жизни не было ничего, кроме мужа, моей любви к нему и его любви ко мне. Я так считала — до того момента, пока однажды вечером он не пришел домой и не сказал, что больше меня не любит.

Он смотрел при этом прямо на меня, чуть изучающе, будто исследуя мои реакции, и я растерялась — даже не столько от его слов, сколько от этого несвойственного ему взгляда. Слова показались мне абсурдными — что значит «больше меня не любит»? Так не бывает: любил, любил, а потом перестал. Так не может, не должно быть!

Но Кирилл с мягкой полуулыбкой объяснил: к сожалению, именно это с ним и случилось. Он полюбил другую женщину, собирается на ней жениться и просит меня не устраивать скандала и расстаться по-хорошему. Так он и сказал — «по-хорошему».

— Кирюша... а как же я? — спросила я, еще не понимая, что все закончилось.

— А ты сама решишь, как ты дальше, Викуш, — почти ласково сказал мой муж. — Детей у нас с тобой нет, делить нам нечего, так что ты, дорогая, птица свободная.

Да, детей у нас не было — по моей вине. Доктора говорили, что считать себя виноватой в неспособности родить ребенка — неправильно, но иначе относиться к своему бесплодию я не могла. Слабо утешало меня лишь то, что Кирилл не любил чужих детей и был равнодушен к рождению своих собственных. Когда я как-то раз заикнулась о том, чтобы взять малыша из детского дома, он с равнодушной брезгливостью пожал плечами: «Хочешь — заведи...» И я оставила эту затею.

— Постой... — Я еще пыталась что-то выяснять, о чем-то просить, хотя это было то же самое, что хватать уходящий поезд за колеса. — Кирюша, я понимаю, что ты влюбился... но, может быть, ты дашь нам время? Попытаешься разобраться в себе? Нельзя же разрушить семью... вот так... просто...

— Да ничего ты не понимаешь! Вика, пожалуйста, только без истерик. Мы взрослые люди, верно? Я тебя очень любил, но, к сожалению, этого чувства больше нет, оно ушло. Я ничего с этим сделать не могу. Понимаешь? Ничего. У меня другая женщина, и я хочу, чтобы она жила со мной.

«Другая женщина...» Я опустилась на стул, попыталась вдохнуть, но воздух плохо проходил через горло.

— А как же я?

Мне показалось, что я не говорю, а сиплю, но он расслышал.

— Ты... Не знаю. Найдешь себе работу, будешь снимать квартиру, как все делают. Ты же взрослый человек, правда?

Что-то из того, что он мне сказал, задержалось в моей бедной голове и мешало, как заноза в ухе. Наконец я поняла, что именно.

— Снимать квартиру? А наш дом?

— Не понял... Ты о чем?

Мне показалось или в голосе его появилась угроза?

— Я о нашем доме! Об этом!

Он присел передо мной на корточки, ухмыльнулся, глядя своими невероятно красивыми голубыми глазами прямо мне в глаза.

— А это, дорогая Вика, вовсе не наш с тобой дом. Это мой дом, и только мой. Я его купил для себя!

— Но мы... — забормотала я в полной растерянности. — То есть подожди... В браке... Значит, половина или треть принадлежит мне...

— Ошибаешься, детка. Я ее купил не в браке, а тогда, когда мы были

разведены. Так что извини, малышка, но эту квартиру я сам заработал. А тебе свою придется зарабатывать самой.

Мне нужно рассказывать вам, что было дальше? Юрист, к которому я, отупев от горя, пришла за помощью, объяснил, что квартира действительно по закону принадлежит моему мужу. Да, после моего возвращения мы расписались снова, но это ничего не значит — ведь на момент покупки мы были в разводе. Что, фиктивный развод? Преследование конкурентов? И есть свидетели, готовые подтвердить ваши слова? Ах, вот как... тогда, боюсь... Вся эта история с конкурентами звучит, откровенно говоря, не слишком серьезно.

Да... Вот что я услышала от юриста. Больше всего меня поразило не то, что я осталась нищей — без своего угла, без денег, без работы... И даже не то, что муж, составлявший смысл моей жизни, моя единственная любовь, бросил меня. Наверное, это можно было пережить. Но когда я поняла, что вся история с преследованием и конкурентами была выдумкой, рассчитанной на то, чтобы безболезненно развестись со мной и отправить меня прочь, а затем проверить свои дела; когда я осознала, что после этого мой муж еще жил со мной в течение полутора лет, смотрел на меня по утрам, занимался со мной любовью, выслушивал мои признания и вел себя как ни в чем не бывало, *хотя уже тогда знал, чем все закончится*, — вот это ударило меня по голове так, что я окончательно потеряла чувство реальности.

Вы понимаете? Нет, вы в самом деле понимаете? Я спрашиваю потому, что мне понадобилось два дня на то, чтобы после объяснения юриста поверить, что так оно все и было. Он жил со мной, делал вид, что любил, ворчал по утрам, если воротник рубашки был недостаточно отглажен, хвалил мой ужин — зная, что вскоре убьет меня.

Я пыталась представить, что он думал, что чувствовал, что было в его голове, когда он спланировал все это, решив, что использует меня еще пару лет, а потом выгонит, когда он оформлял документы, провожал меня на поезд, когда звонил и скупно ронял, что «пока жив, а там посмотрим»... Но у меня не получалось. Существо, способное на подобный поступок, не могло быть моим мужем, с которым я прожила столько лет! У него не могло быть две руки, две ноги, красивое человеческое лицо и голубые глаза. Скорее оно должно было быть похоже на инопланетное чудовище — с его чудовищной моралью, непонятной нам, обычным людям.

Я до сих пор думаю, что тогда, на вокзале, я каким-то чутьем поняла, что Кирилл действительно нет — точнее, нет того человека, с которым я

жила все годы. Именно это ощущение, в котором я сама не смогла разобраться до конца, вылилось в отчаянный крик, и если бы я умела прислушиваться к себе, то я бы никуда не уехала из Москвы. Но я не умела.

В слабой попытке бороться я подала в суд... Но Кирилл уже тогда имел достаточно средств, чтобы подкупить судью и нанять ушлого юриста, который без труда доказал, что мы постоянно ссорились и наш развод был не фиктивным, а настоящим. Мне все-таки достались кое-какие средства, потому что мы прожили вместе долгое время, но их было совсем мало: как выяснилось на суде, самому Кириллу не принадлежало ничего из того, чем он пользовался, — например, машина была записана на его фирму, которой, по документам, опять-таки владел другой человек. Я видела в коридоре суда, что он открыто подсмеивается надо мной, но ничего не чувствовала — почти утратила эту способность. Когда все закончилось и суд постановил выплатить мне смехотворную сумму, я долго не могла разобраться, чего еще от меня хотят, и моему юристу потребовалось дернуть меня за руку, чтобы я перестала смотреть на мужа и вышла из зала суда.

Состояние мое было таким, что я поймала такси и назвала адрес Сени, приятеля Кирилла, с которым их связывали общие воспоминания юности и кое-какие шалости, как говаривал муж. Я была уверена, что он сможет мне помочь, подсказать, что делать, а главное — сможет снова вернуть этот скособочившийся, сошедший с ума мир в нормальное состояние. Семен всегда симпатизировал мне, и я хорошо к нему относилась, несмотря на то, что он много лет отсидел в тюрьме за жестокое преступление.

Через два часа таксист высадил меня около его дома. Я поднялась на второй этаж, нажала на кнопку звонка, дождалась, пока мне откроет незнакомая пятнадцатилетняя девчонка, и только тогда вспомнила, что Сеньки здесь нет, потому что он уже несколько месяцев как мертв, и я это знала. Вопль, вырвавшийся из моего горла, был отчаянным воем сошедшей с ума собаки, обнаружившей, что ее долго кормили, холили и ласкали лишь затем, чтобы в итоге нарезать из нее тонкие полоски мяса и замариновать их в соевом соусе, а единственный пес, с которым она могла поделиться своим страшным открытием, — сгнившее чучело со стеклянными глазами.

Глава 2

Татьяна раздела Матвея, запихнула шапку в рукав его куртки и бросила взгляд на прелестную девочку, сидевшую рядом. Пока ее мать трещала, прижав плечом к уху трубку сотового телефона, девочка расправляла многоярусные оборки розового платья, казавшегося стеклянным: одну за другой, вдумчиво, неторопливо... И походила то ли на куклу, наряженную принцессой, то ли на принцессу, наряженную куклой.

К девочке подскочил мальчуган лет шести в костюмчике, с галстуком-бабочкой, и оба принялись оживленно болтать, причем девочка точно так же наклоняла голову, как ее мать, хмурила брови и взрослым жестом то и дело поправляла у мальчугана бабочку, и без того сидевшую ровно.

«Все дети как дети, — грустно размышляла Таня, одергивая на сыне джемпер, как всегда, собравшийся где-то под мышками и из симпатичной вещицы превратившийся в невнятную тряпочку, — наряжаются, красуются, общаются! Один мой...» Она не договорила про себя и только красноречиво взглянула на Матвея.

Мальчик сидел молча и явно скучал. Его не интересовали ни другие дети, ни оживленная суматоха возле лотка с заманчивыми детскими глупостями вроде париков, карнавальных масок и волшебных палочек, ни даже буфет, хотя Татьяна пообещала ему купить любое пирожное, какое он захочет. Он послушно сложил руки на коленях и ждал, когда же мама наконец уведет его куда-нибудь из этого шумного, суетливого и весьма беспорядочного места.

— Посиди, подожди меня, — сказала Татьяна, примеряясь к очередям в гардероб, — я сейчас.

Когда она вернулась, девочку в розовом сменила девочка в красном, а Матвей так и сидел, безучастно глядя перед собой.

— Послушай, — начала она, чувствуя, как в ней закипает беспричинная злость, и всеми силами стараясь подавить ее, — а ты вообще хочешь идти на спектакль?

— Ну-у-у... хочу, — без энтузиазма ответил сын.

— Вот и пойдем! — приказала Татьяна, хотя секунду назад решила, что сейчас же, немедленно, отведет его домой без объяснения причин, и пусть он там сидит с выражением лица «мне ничего от вас не надо».

— Пойдем, — согласился Матвей, поднялся и вопросительно посмотрел на нее: — Куда идти?

Он видел, что мать рассержена, но не понимал почему. Да ему было и не до того, чтобы обдумывать причину, потому что среди большого скопления детей и взрослых он всегда чувствовал себя неловко и, если признаться честно, чуточку боялся. Он, конечно, тщательно скрывал свой страх от матери, и даже от самого себя скрывал опасения, что его заберут чужие взрослые — возьмут деловито за руку, как будто он их сын, и уведут в свою семью. А оттуда он уже не сможет сбежать, потому что все время забывает номер квартиры, и мама ругает его за это. А она, наверное, будет бегать, искать, сначала начнет зло ругаться, а потом испугается, как всегда бывает, но в конце концов подберет себе другого мальчика и успокоится. Решит, что теперь этот мальчик будет ее сыном.

Поэтому Матвей мрачновато поглядывал на мальчишек, попадавших на их пути. Одного, самого неприятного, он заметил, когда они поднимались по лестнице. Тот шел им навстречу из полутемного коридора и смотрел как-то особенно пристально и исподлобья, словно понимал, о чем думает Матвей, и заранее претендовал на его маму, хотя сам Матвей еще никуда не потерялся и вообще крепко держал ее за руку. Насупившись, Матвей даже подумал о том, что неплохо было бы толкнуть его плечом, будто невзначай — тем более что мальчишка шел напрямик к нему, — и вдруг понял, что смотрит в зеркало. Он остановился как вкопанный, заморгал, и мальчик сделал то же самое, отчего лицо у него стало глуповатое и смущенное.

— Ну что ты встал? — недовольно спросила мать. — Пойдем, уже второй звонок.

Матвей прыснул со смеху, и она удивленно покосилась на него. А ему неожиданно стало легко и радостно, и даже поездка в незнакомый театр, слишком большой и шумный, перестала казаться наказанием за скандал, который он устроил у бабушки с дедушкой. И он хихикал до тех пор, пока они не сели на свои места и не заиграла музыка — легкая-легкая, щекочущая, стрекозиная.

Первые десять минут Татьяна боялась, что сейчас придет кто-нибудь с билетами на их места и попросит их удалиться. Она купила билеты с рук за день до спектакля и опасалась, что ей всучили подделку — раньше ей никогда не доводилось приобретать билеты не в кассе. По правде сказать, она крайне редко выбиралась в театр и ругала себя за это. Вон, даже собственный сын смотрит дичком — настолько ему все непривычно.

За безобразное поведение в гостях у ее родителей она хотела лишить Матвея театра, но передумала: слишком дорого достались ей эти билеты, во всех смыслах, и к тому же она никогда прежде не водила его на

музыкальные спектакли. «Сначала смотрел букой, потом на лестнице вдруг начал смеяться ни с того ни с сего... Господи, ращу какого-то истерика! Гроблю ему жизнь, иду на поводу у родителей... Ну что он такого сделал, в конце концов? Сказал Леше, что тот дурак... Так он вовсе не имел в виду его слабоумие, а просто обозвал, как ребята во дворе обзываются. Устроили из этого целый показательный процесс — неудивительно, что он стал рыдать и обзывать их. А ведь он славный мальчик, добрый, и хорошо относится к Лешке...»

Татьяна покосилась на сына. Тот сидел, открыв рот, и смотрел на сцену, где король ругал Лесничего за то, что тот не помешал мачехе измываться над Золушкой. Ей вспомнилось, как кричали родители, требуя немедленно наказать Матвея, выпороть его, лишить сладостей до конца года, а еще лучше — лишить всех радостей, всех! Как визгливо, перебивая друг друга, докладывали о его преступлении, а сын рыдал и заикался в соседней комнате, куда его выставили после инцидента. Как отец, поняв, что немедленная порка откладывается, зашипел на нее: «Избалуеть своего байстрюка, вырастет такое же чмо, как его папаша, будет окрестным девкам детей заделывать!», и впился глазами ей в лицо, ожидая реакции — не выдаст ли себя дочь? не проговорится ли?

Она ничем себя не выдала. Сжала зубы и пошла в комнату к сыну, приговаривая про себя как заклинание то, чем спасалась каждый раз, приезжая к родителям: «Только ради Лешки... Только ради Лешки». Так что очередная попытка ее отца выяснить, кто же «папаша» его внука, провалилась.

Лешка расстроился, когда они уехали... Он не понимал, почему они пробыли так недолго и почему на него кричат — а отец, конечно же, разорался и на него тоже. К приходу сестры Лешка сидел, забившись в угол, — большой, нескладный, с жирным свисающим подбородком, и теребил в руках одну из тех коробочек, которые по настоянию матери сам клеил. От постоянного пребывания в квартире кожа у него была бледная, водянистая, и Татьяне остро захотелось вывезти его в деревню, на свежий воздух, где он сразу начинал чувствовать себя лучше и совсем ничего не боялся, даже мотоциклов. «Еще месяц до отпуска — и я его заберу. Только месяц. Только месяц».

На сцене маленькая Золушка с вьющимися золотистыми волосами, обрамляющими усталое личико, пела, обращаясь к залу, и от проникновенной грустной мелодии Татьяне захотелось плакать.

Добрые люди, добрые люди,
Будет ли чудо со мной иль не будет?
И неужели на белом коне
Счастье мое не приедет ко мне?

Золушка умоляюще протягивала руки к молчащему залу, и на трогательно детские, худые запястья падал яркий свет, словно просвечивая их насквозь. Золушка кружилась с метлой, и под ее руками распускались цветы, а высокий нежный голос пел песню о том, что жизнь проходит мимо, а счастья все нет, и дни похожи один на другой. Во всяком случае, так слышалось Татьяне.

Добрые люди, добрые люди,
Кто пожалеет, а кто-то осудит,
Но все равно не устану опять
Верить, надеяться, ждать и мечтать...

«Нет, — озлобленно подумала Татьяна, прогоняя прочь жалость к несчастной девчужке, затравленной мачехой и сестрами, брошенной отцом, — никакого чуда с тобой не будет. Чудес не бывает, детка! Никакой принц в тебя, конечно же, не влюбится, через пару лет из миленькой девочки ты превратишься в несвежую девицу, и закончится все тем, что завалит тебя соседский конюх на сеновале, обрюхатит, и родишь ты еще одну такую же замарашку-неудачницу, обреченную на метлу и грязную тряпку. Никакого чуда, Золушка. И не проси о нем, не раздражай лишний раз окружающих, вынужденных развенчивать твои детские фантазии. Чудес не бывает — в твоём возрасте пора бы это знать».

Когда спектакль закончился и улыбающиеся артисты ушли, сжимая букеты, Татьяна наклонилась к сыну.

— Тебе понравилось? — Она не рассчитывала, что он скажет «да», и ожидала хотя бы снисходительного «ну так себе, неплохо».

Но он повернул к ней сияющее лицо, и Татьяна увидела, что в глазах его плещется восторг.

— Очень! Ужасно понравилось! А ты видела, как Кот в сапогах прокатился по сцене колесом? Видела? — Он захлебывался от впечатлений, жестикулировал, оборачивался к занавесу, словно надеялся, что у спектакля

будет продолжение. — Ма, а мы еще раз пойдем на «Золушку»? Пойдем, пожалуйста!

— Посмотрим, — небрежным тоном ответила Татьяна. — Если будешь хорошо себя вести, то, может быть, и пойдем.

Вставая, она мысленно поклялась купить билеты еще на один спектакль. Как только получит зарплату, надо сразу же отложить денег и купить. Наплевать на то, что все траты рассчитаны до рубля, можно на время даже забыть про то, что Лешке требуется очередная упаковка лекарства, которую родители, конечно же, не торопятся покупать... Два билета на хорошие места обойдутся ей в тысячу двести, и она найдет способ выкроить их из семейного бюджета, раз Матвей просит.

Подходя к дому, Татьяна едва не наступила в лужу, погруженная в размышления о финансовой стороне предстоящего похода в театр. Схватила сына за руку, чтобы удержаться на бордюре, и вдруг в нескольких шагах от себя увидела знакомую фигуру. Не поверив своим глазам, она остановилась, и на нее налетел сзади прохожий, сам же басовито извинился, а Матвей принялся дергать ее за рукав курточки:

— Мам, ты чего встала?! Мам, пойдем, мы мешаем!

Татьяна машинально сделала несколько шагов в сторону и снова встала как вкопанная. Человек, которого она меньше всего ожидала увидеть в своем дворе, стоял возле машины — лицо у него было одновременно растерянное и испуганное, и ей пришло в голову, что сейчас они выглядят одинаково.

Он быстро взял себя в руки, кивнул ей, перевел взгляд на Матвея, и Татьяне захотелось закрыть мальчика собой, чтобы его не разглядели, не запомнили.

— Быстро, — сквозь зубы сказала она, но уйти не успела.

Данила Прохоров направился к ним. Испуг и растерянность исчезли с его лица, и он по-прежнему не сводил глаз с Матвея.

— Ну здравствуй, — хрипло сказал он, остановившись перед ними — высокий, выше Татьяны, загорелый до черноты, как цыган, несмотря на то, что стояло самое начало мая, с обветренными скулами и короткими усами над губой, придающими ему сходство с пиратом. В свои тридцать Прохоров выглядел старше — лет на тридцать пять, не меньше. — Давно не виделись.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался Матвей.

— Матюша, нам пора идти, — быстро проговорила Татьяна.

— Я по делам приехал. Ненадолго. — Данила присел на корточки перед мальчиком. — Тебя как зовут?

— Матвей.

— Матвей... А вы с мамой когда в Голицыно приедете, а, Матвей?

«Не говори! — мысленно взмолилась Татьяна. — Только не говори ему! Соври что-нибудь, а еще лучше скажи, что не знаешь!»

— Наверное, в самом начале июня, — солидно, по-взрослому сообщил Матвей. — Когда у мамы отпуск начнется, тогда возьмем дядю Лешку и приедем.

Прохоров поднял голову, уставился на Татьяну снизу.

— Значит, когда у мамы отпуск начнется...

— Еще не факт, — процедила Татьяна, холодея от ненависти к нему. — Может быть, мы к морю поедem.

— Мам, да ты чего! — возмутился Матвей. — Сама же говорила, что на море денег нет! Я хочу в Голицыно! Там...

Мать метнула на него короткий взгляд, и он осекся, как будто его задело острым краем ее ненависти. Что он такого сказал?!

— К морю — это тоже хорошо, — усмехнулся Прохоров. — Хотя у нас все-таки лучше. Так что приезжай, я тебе в лесу покажу дупло, где дятлы гнездо соорудили.

Теперь он обращался только к мальчику, подчеркнуто игнорируя Татьяну.

— А вы откуда про дятлов знаете? — заинтересовался Матвей.

— Так я тоже в Голицыно бываю. Последние шесть лет, правда, не приезжал, но в этом году обязательно приеду. Гнездо тебе покажу, если захочешь.

— Что, там и дятлята будут? — восхитился Матвей.

— Обязательно будут. Приедешь?

— Сто пудов!

— Вот и договорились. Ну, бывай. Мать не давай в обиду.

Он поднялся и зашагал к машине, не обернувшись на Татьяну.

— Мам, а что это значит — не давать в обиду? — затеребил ее Матвей. — Тебя что, кто-то обижает? А? Ну скажи!

— Нет, — выдавила она, провожая взглядом отъезжающий джип. — Никто меня не обижает, Матюша.

Она представила, как Прохоров несется на своем джипе по трассе, отчетливо вообразила «КамАЗ», вильнувший на встречную полосу, и груды железа, в которую превратится машина Прохорова, попав под его колеса. Она отдала бы двадцать лет жизни за то, чтобы стать ведьмой и иметь возможность насылать проклятия на людей. А еще лучше — просто убивать их силой мысли. Хотя бы одного. Только одного.

Сегодняшний день выдался солнечным и безветренным, и по дороге к родительскому дому я с удивлением наблюдала людей, кутавшихся в плащи и куртки. А они платили мне таким же недоумением во взглядах, которые бросали на мои летние хлопковые брюки и топ на тонких бретельках. Папа называет эти бретельки, а за ними и сами топики «лямочками». У него это звучит смешно и нежно: «А, опять ты сегодня в лямочках!»

Мои неразлучники, разбудившие меня с утра своей болтовней, умеют смеяться. Да-да, не удивляйтесь — они издают негромкие звуки, похожие на простуженный смех очень старого человека, радующегося тому, что ему отпущен еще один день жизни. Муж хохотал до слез, услышав их, и ушел на работу посмеиваясь. Я рада, что они привлекают его внимание.

Знаете, я классифицирую людей по смеху. Есть люди, которые смеются, как вода звенит в ручье — обычно такой смех свойственен стеснительным женщинам. Есть гогочущие, как гуси. Есть похрюкивающие — их очень много. Как ни странно, самым прелестным смехом, какой я когда-либо слышала, смеялась одна из самых глупых девушек, встретившихся в моей жизни. Я бы даже сказала, что она была набитой душой. Но при этом смех ее был просто удивителен — заразительный, звонкий, переливистый, ну просто рассыпающаяся драгоценность, а не смех.

Мой муж смеется резко, словно выкашливая из себя звуки, и услышать это можно нечасто. При мне он расслабляется, к тому же я умею рассмешить его — не специально, так получается само собой. А моя мама смеется тихо, словно хитрая мышка, утачившая сыр из мышеловки и радующаяся своей ловкости. От ее смеха я сразу начинаю улыбаться во весь рот, и папа говорит, что я становлюсь похожей на мартышку.

Возле родительского дома я на секунду останавливаюсь, потому что мне кажется, будто привычный порядок их тихого двора нарушен. Но затем убеждаюсь, что все на своем месте: Викентий Степанович из второго подъезда висит на турнике, «пистолетиком» поднимая ноги в растянутых трико — ему скоро семьдесят, но он собирается прожить до ста десяти и «выглядеть в гробу бодрым старикашкой», как он сам говорит; тетя Света, прозванная детьми «Полбатонша» за любовь к сильно декольтированным платьям, выгуливает на поводке свою беспородную кошку; Ираида Карловна, кряхтя, рыхлит клумбы, которые она из года в год засаживает нарциссами, а те упрямо вянут — она уверена, что ей назло.

Помните песню «Биттлз» — «Элеонора Ригби»? Она и про этих людей тоже. Я здороваюсь с ними, а Викентий Степанович подмигивает мне и, спрыгнув с турника, показывает большой палец — это значит, что ему пришелся по душе мой сегодняшний наряд. Он у нас большой эстет, особенно если дело касается открытых женских плеч и спинок.

По лестнице мне навстречу сбежал человек, которого я узнала еще на первом этаже по шагам, и мне захотелось проскочить мимо него как можно быстрее, а еще лучше — стать незаметной и слиться с чужой дверью. Но не получилось ни первое, ни второе. Максим Белоусов, которого я знаю как Макса, а его пациенты — как Максима Степановича, остановился, заметив меня, а затем стал спускаться неторопливо, словно считая про себя шаги. Я-то их точно считала. Он прошел пять ступенек, прежде чем встал возле меня и улыбнулся — но так, будто он совсем не рад меня видеть, вежливой холодной улыбкой.

— Привет, Алиса.

— Привет.

Максим — мануальный терапевт. Люди записываются к нему в очередь за месяц, потому что его огромные грубые руки — красные, устрашающего вида, в веточках лопнувших сосудов — умеют избавлять их от боли. Когда у папы заболела спина, Максим вправил ему позвоночник двумя нажатиями. Дело происходило при мне, но я даже не заметила, чтобы он что-то сделал: всего лишь дотронулся растопыренными ладонями до папиной спины, подержал так, а потом лицо у отца изменилось — расслабилось, будто потекло. «Ну вот и все, — сказал тогда Максим Степанович. — Не нужно больше тяжести на спор поднимать». И подмигнул мне, как будто знал точно, что именно поднимал папа. Маму, да. Вместе со стулом, на котором она сидела.

Максу тридцать восемь лет, и у него невероятно красивая жена. Даже деревья перестают качаться от ветра, когда она идет к дому, и замирают всеми ветвями. Даже подвальные кошки забывают о своих мисках и оборачиваются ей вслед. Чуют свою, наверное, потому что жена Макса похожа на рысь в человеческом облике, и, когда я встречаю ее, мне всегда кажется, что по ночам она носится по крышам и охотится на крыс — просто так, ради тренировки.

Они были отличной парой, Макс и Маша. Она — длинная, гибкая, с раскосыми глазами и волосами до пояса, вышагивающая по нашему дворику так, словно идет по подиуму, и он — неторопливый, очень спокойный — из тех людей, которые уверены в себе и в окружающем мире. Мне кажется, что нет ничего, что могло бы выбить Макса из колеи. Он из

рода людей-скал, за которых хочется уцепиться тем, кто барахтается в ледяной воде.

Я говорю «они *были* отличной парой», потому что два года назад развелись, и с тех пор Макс остался один в этой квартире, а Маша уехала неизвестно куда. Он частенько выпивает с друзьями, но я никогда не видела его пьяным — за исключением одного-единственного случая, когда мы столкнулись на лестнице поздно вечером и он... Впрочем, об этом я стараюсь не вспоминать. Нельзя.

Но навязчивое воспоминание все-таки прорывается сквозь заслон, который я пытаюсь установить, и мне кажется, что я чувствую легкий запах водки, которую заедали жвачкой с ментолом. От Максима в тот вечер пахло именно так.

Я тогда первый раз появилась у родителей после свадьбы — прошло около двух недель — и налетела на него, совсем как сегодня. До меня не сразу дошло, насколько он пьян, потому что прежде я ни разу не видела его пьяным. Макс стоял покачиваясь, перегородив проход, и сгреб меня в охапку прежде, чем я успела сказать: «Пропусти меня, пожалуйста».

Меня никогда так не обнимали. Мой муж — очень сильный человек, но его сила другого рода. Макс обнимал меня так, будто и хотел сделать мне больно, и очень боялся этого. Минуту мы молча смотрели друг на друга, а потом он протянул с горечью и тоской:

— Алиска, зачем?! Ну скажи, заче-е-ем?!

Я молчала.

— За кого ты вышла замуж, а? — пьяным нетвердым голосом спросил он. — За какую сволочь? Или он не сволочь? Мне плевать! Алиска, глупенькая ты моя... И я идиот!

Я попыталась вырваться, и тогда он наклонился и поцеловал меня. Он целовал меня долго, требовательно, прижимая к моей спине ладони — такие горячие, что казалось, они вот-вот прожгут мне платье. А потом отпустил, почти оттолкнул, сел на ступеньки и сказал, не оборачиваясь на меня, сухим и холодным тоном, словно вдруг протрезвел:

— Иди. Быстро. Обещаю, что больше такого не повторится.

Это больше и в самом деле не повторилось. И не повторится — мы оба знаем.

— Как ты?

Сейчас своим коротким вопросом Максим вышибает у меня почву из-под ног. Чужие друг другу люди не должны нарушать установленных границ, разделительные столбы на которых заменяют удобные общепринятые фразы: «как дела?», «летом смотались в Турцию на

недельку», «а помнишь Светлану Изольдовну?»... Можно разговаривать пятнадцать минут и не произнести ничего, что содержало бы какой-то смысл — лишь расставить эти столбики и отойти за демаркационную линию.

Но вопрос Максима — вопрос не чужого человека. «Как ты?» — это попытка перешагнуть на мою сторону, а туда доктору Белоусову нельзя. Ему нечего там делать.

— Все хорошо, — говорю я и улыбаюсь.

И тут же чувствую, что улыбка была лишней.

Так мы с ним и стоим на лестнице: он улыбается своей вежливой улыбочкой, я — глупой, а тем временем стены вокруг нас замерзают, и лед отваливается с них кусками и с тихим звоном разбивается у моих ног.

— Я пойду... — говорю я и, поскольку он не двигается с места, осторожно обхожу его, фактически втираюсь между ним и стеной, и бегу вверх по лестнице, чувствуя, что доктор Белоусов смотрит мне вслед. Я стараюсь о нем больше не думать, потому что некоторые мысли просто нельзя впускать в голову — если они попадают туда, то начинают бродить там, словно неприкаянные гости, и громко стучатся изнутри, требуя что-то сделать.

Войдя в квартиру, я кричу: «Мам, пап, это я!» В кухне на столе ждут помидоры, которые я купила для салата, а рядом стоят банка со сметаной и бутылка подсолнечного масла. Дело в том, что мои родители никогда не ссорятся. Если только дело не касается салата! Папа уверен, что заправлять помидоры, перемешанные с репчатым луком и огурцами, можно только подсолнечным маслом, а мама настаивает на сметане. Мне-то все равно, но ради удовольствия послушать, как родители будут в шутку пререкаться, я готова покупать помидоры каждый день.

Впрочем, сегодня я просто кричу:

— Пап, я заправлю салат сметаной!

И щедро выливаю полбанки в миску.

Потом я ношусь с тряпкой из комнаты в комнату, рассказывая папе и маме все мелочи, происходившие со мной. В родительской комнате работает телевизор, с улицы доносятся голоса, солнце расплзается по квартире, кувыркается в стеклянной миске с салатом, из которого торчит деревянная ложка. Безмятежность — это когда ты знаешь, что все то же самое будет и год спустя, и десять лет спустя, и двадцать, и твоя уверенность приправлена счастьем, как салат майским солнцем.

Между прочим, я не рассказывала вам, как познакомились мои родители? Нет? Ну что вы — это же наша семейная легенда!

Дело в том, что моя мама оказалась в мужском туалете. Когда ее спрашивают: «Оленька, послушайте, но как же можно перепутать мужской туалет и женский», она разводит руками и объясняет, что ах, такая глупость, она никогда не различает нарисованных на дверях человечков, которые символизируют мальчика и девочку. Это правда — мама у меня человек ужасно рассеянный и порою впадающий в ступор от самых элементарных проблем. Для этого и нужны мы с папой — чтобы опекать ее. Иначе она давно потерялась бы в лабиринте слишком сложных для нее вещей — таких, например, как стеклянные вращающиеся двери, которых она не любит и боится. Так и вижу маму, пойманную дверями и не понимающую, как из них выбраться, умоляюще глядящую из-за стекла, похожую на маленькую экзотическую рыбку, где-то потерявшую свой вуалевый хвост.

Так вот, в тот день мама пробегала по одному из корпусов своего института, куда редко заходила прежде, и искала туалет. И когда она увидела две двери, то, не раздумывая, метнулась в ту, где была нарисована девочка в юбочке — во всяком случае, так ей показалось.

Не обратив внимания на некоторые нетипичные детали интерьера, мама пролетела к кабинке, и тут навстречу ей из другой кабинки вышел мой папа.

Мама рассказывала, что от возмущения у нее перехватило дыхание. Мужчина! В женском туалете! Идет, словно так и полагается, и еще имеет наглость коситься на нее. Нет, она все понимает, но должен же быть предел бесстыдству! И моя мама, забыв о деле, которое привело ее в туалет, громогласно высказала отцу все, что она думает по поводу его поведения.

Папа говорит, что речь ее была пылкой, убедительной и вдохновенной. Ему даже стало искренне стыдно — вот что значит сила слова. Он раскаялся, попросил у мамы прощения, обещал, что больше никогда не будет так делать — и все это почти от души, заметьте, — дождался, пока она смягчилась, а затем подвел ее к тем деталям интерьера, которых она не заметила, — то есть к писсуарам. И молча стал ждать результата.

По утверждению отца, никогда прежде ему не доводилось видеть на чьем-нибудь лице такую выразительную смену чувств. Пока мама таранилась на писсуары, папа таранился на нее, и закончилось все тем, что он расхохотался, а она залилась краской, и пролепетала какую-то ерунду вроде «простите меня, месье», после чего предприняла попытку удрать. Но не тут-то было! К этому моменту папа, как он уверяет, осознал, что встретил женщину своей мечты и что позволить ей сбежать будет самой большой ошибкой его жизни.

Он и не позволил.

Они поженились спустя три месяца после той встречи. На свадебной фотографии мои родители хохочут: молодой отец похож на симпатичного большеголового лягушонка, которого нарядили в жилетку, а мама — на застенчивую пухлую мышку в фате. Смешные, милые, ужасно трогательные. Они такими и остались.

Салат оказался до того вкусным, что я незаметно для себя подъела весь, разглядывая в окно чинно прогуливающуюся пару старушек с первого этажа. Затем, быстренько собравшись и крикнув на прощанье: «Пока-пока, цветы я полила!», выскочила на улицу и даже успела пройти несколько шагов, как вдруг поняла, что именно изменилось в знакомом мне с детства дворе.

Не изменилось — появилось. Машина, стоявшая возле соседнего подъезда. В ней не было бы ничего удивительного, если бы я не была уверена, что уже видела ее сегодня утром возле моего дома. Вы знаете, что я обращаю внимание на слова, на разные мелочи, которые могут не значить ничего, а могут — очень много... Утром я заметила красный «Фольксваген», буквы на номере которого складывались в слово «нос». По простейшей ассоциации мне сразу представился красноносый хозяин-алкоголик машинки, и меня это позабавило.

Теперь «Фольксваген» прятался за кленами, а его хозяин сидел внутри. Конечно, нет ничего удивительного в том, что машина переехала из одного района в другой, но мне все-таки стало не по себе. Замедлив шаг, я подумала, не рассмотреть ли водителя поближе, но затем отказалась от этой мысли.

Мне очень хотелось верить, что появление красной машины никак не связано со мной.

Виктория

Я остановилась в посредственной гостинице, главным достоинством которой было ее расположение — неподалеку от офиса моего бывшего мужа. Советский сервис не исчез с появлением на карте вместо СССР страны России, как можно было бы ожидать, а только сильнее укоренился в местах своего господства: магазинах, службах коммунального хозяйства и, конечно же, гостиницах. Горничная, убиравшая мой номер, посматривала на меня с чувством классовой ненависти, которое она даже не давала себе труда скрывать, и на лице ее было написано презрение к иностранцам с их

сытой, но духовно бедной жизнью. Я по-шведски попросила ее убраться в мое отсутствие, и тогда она с удовольствием сообщила на плохом английском, что не понимает меня. Нагловатые глаза навывкате, раскормленное лицо с пухлыми губами, желтые завитушки волос и вопрос «чо?» в качестве первой реакции на любой раздражитель: вот вам портрет блохи, разносящей эту заразу — «совковый сервис», — по местам скопления людей, комфорт которых полностью зависит от чужой воли.

— Пошла — отсюда — вон, — отдельно проговорила я на русском, не глядя на девицу.

От неожиданности она даже не задала своего фирменного вопроса. Лишь замерла в дверном проеме, моргая накрашенными ресницами.

— Ты тупая? — Я коротко взглянула на нее, сняла с запястья часики и бросила на кровать. — Тебе сказано: пошла вон. Вернешься, когда номер будет свободен. Вздумаешь пакостить — уволят в пять минут.

Она попятилась, наткнулась на шкаф и тут же испарилась, стоило мне отвернуться к окну. У меня даже возникло подозрение, что она спряталась в шкафу и телепортировалась куда-нибудь — например, в подвал. Удивительно понятливая оказалась девушка.

Не подумайте, что рявканье на дуру-горничную принесло мне моральное удовлетворение. Вам нравится давить тараканов? Надеюсь, что нет. Но эта неприятная процедура неизбежна, если вы не хотите созерцать омерзительных насекомых на вашей кухне.

На кухне, куда пятнадцать тысяч лет назад я устроилась работать посудомойкой, жили невероятные тараканы: темно-коричневые, как орех фундук, лоснящиеся, перемещающиеся бодрой тараканьей рысью по всем поверхностям. Каждый — размером с пулю. Я боялась их и поначалу плакала, стоило мне завидеть таракана, но это быстро прошло: понимаете, когда плакать приходится больше двадцати раз за день, слезы почему-то очень быстро заканчиваются.

Но давайте по порядку. Мой муж выставил меня из квартиры на следующий день после того, как получил в руки решение суда. Он не разрешил мне взять хороший дорогой чемодан, и я свалила вещи — их оказалось удивительно мало — в спортивную сумку, с которой он когда-то ходил в тренажерный зал. У сумки оторвалась одна ручка, а молния на кармашке заедала, и Кирилл купил себе новую, фирменную, а эту по какой-то причине не выкинул.

Именно ее он сунул мне под нос со словами: «Это тебе, барахло упаковать», и я машинально ответила ему «спасибо» — ведь я привыкла говорить ему «спасибо» за все добрые дела, которые он мне делал. И

Кирилл, как хорошо воспитанный человек, даже ответил «пожалуйста».

Когда я вышла из подъезда, прижимая к себе грязную спортивную сумку (нести ее за одну ручку оказалось очень неудобно), пошел дождь, и я долго стояла под козырьком подъезда, ни о чем не думая. Нет, все-таки одна мысль в моей голове была — я хотела, чтобы дождь шел вечно. Тогда я бы вечно стояла и смотрела на его струи, и в конце концов все-таки тихо умерла бы, а затем проросла возле стены дома травой с узкими зелеными листьями.

Но дождь прекратился, и мне пришлось спуститься на тротуар и пойти куда глаза глядят — в прямом смысле. Я не знала, куда мне идти и что делать. И дело было даже не в том, что у меня не осталось родных, а все знакомые жили в другом городе, и не в том, что денег, спрятанных в потайном кармашке сумки, мне хватило бы примерно на неделю... Просто у меня возникло ощущение совершенной бессмысленности всех действий, которые я могу предпринять. И еще — не забывайте, что на протяжении многих лет единственными вопросами, по которым я принимала решение, были вопросы уборки, приготовления еды и рукоделия. Я не умела распоряжаться собственной жизнью, и самым очевидным решением, маячившим передо мной, было сделать с собой что-нибудь такое, чтобы эта проблема — проблема распоряжения собственной жизнью — отпала навсегда.

От самоубийства меня удержала мелочь. Такая ерунда, что, видит бог, даже рассказывать неловко. К тому же я боюсь, что вы мне не поверите. Дело в том, что на предыдущий день моего рождения Кирилл подарил мне компьютер, на котором я довольно быстро освоила рукодельные и кулинарные сайты. Как-то, убивая время, я зашла на один из многочисленных женских форумов, зарегистрировалась и принялась общаться под ником Малинка, делаясь с незнакомыми женщинами секретами выпечки правильных бисквитов и засолки хрустящих огурцов.

За несколько дней до того, как мой муж сообщил мне об ожидающих нашу семью изменениях, после которых она переставала быть семьей, я пообещала милой девушке под ником Дульсинея рецепт вареников. И не успела его передать.

Не странно ли, что человека, готовящегося к самоубийству, может задержать на этом свете такая ерунда, как смехотворное обязательство перед незнакомой девчонкой? Видит бог, жить мне было незачем. Я не боялась смерти. Мне не нужно было оставлять завещание. Но кто-то ждал от меня рецепта вареников — правильных, в меру мягких, — и я, уцепившись за эту мысль как за единственный ориентир, пошла, держа

неудобную сумку, в кафе возле станции метро — там можно было подключиться к интернету. Кирилл не разрешил мне взять с собой ноутбук — просто увез его из квартиры, и все.

Я быстро вышла на форум, открыла конференцию, написала рецепт и уже собиралась выйти, не дожидаясь ответа, как вдруг мне пришла в голову мысль, что единственные люди, с которыми я могу поделиться случившимся, — это незнакомки, болтающие в Сети на любые темы. Не думая о том, что я делаю, не зная, чего жду, я записала все, что со мной случилось, и нажатием клавиши отправила сообщение в форум.

Первые ответы появились в течение минуты.

«Я не совсем поняла: муж выгнал вас из дома?»

«Где вы сейчас? Откуда вы пишете?»

«Я понимаю, как вам тяжело, поскольку сама была в похожей ситуации. Самое главное — верьте, что все наладится. Пожалуйста, поверьте мне. Все будет хорошо».

От этих простых слов лед, замерзший у меня внутри, вдруг растаял и хлынул слезами. Я плакала, сидя в полутемном кафе за дальним столиком, спрятанным от посторонних глаз, и быстро, буквально захлебываясь прорывающимися словами, писала ответы: да, мой муж выгнал меня из дома, да, я пишу из кафе, спасибо за сочувствие, оно мне очень нужно. И, наконец, большими буквами ту правду, которая рвалась из меня наружу, — криком, единым воплем без знаков препинания: «УМОЛЯЮ ПОМОГИТЕ Я НЕ ЗНАЮ ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ».

Официант поставил передо мной чашку чая, посмотрел на мое лицо и отвел глаза. В другое время я бы страшно смутилась, но сейчас меня волновало только одно — ответы, ответы на зеленом экране, которые я обновляла каждые две минуты. Они появлялись с невероятной быстротой. Люди задавали мне вопросы, спорили друг с другом, шумели, ободряли меня и проклинали моего мужа, но во всей этой разноголосице — а за каждым придуманным интернет-именем я слышала чей-то голос — выделялось несколько человек, которые словно бы вместе держали меня на тонких, но прочных нитях. Не давали мне упасть.

Лита: «Самое главное для вас сейчас — успокоиться. Я понимаю, сказать легче, чем сделать, но нужно попытаться. Очень вам сочувствую».

Mercury: «Напишите мне в почту, если не хотите делать этого публично, подробности судебного разбирательства. Я юрист и, может быть, смогу чем-нибудь помочь. Обещать ничего не обещаю, но постараюсь».

Ольга-13: «У тебя есть где переночевать? Знакомые, подруги, друзья? Любовники?»

Zeta: «Оля, я тя умоляю — какие у нее любовники?! Не видишь, что ли, — приличная женщина перед тобой! Действительно, приличная женщина, давайте решим вопрос с вашей ночевкой. Одну ночь можете перекантоваться у меня».

Даритта: «Овца она, а не приличная женщина! Развели ее как лохушку, честное слово! Прямо злость берет. Зета, на вторую ночь я ее у тебя возьму, если она твои серебряные ложечки не стащит».

Голоса, голоса, голоса... Меня заставляли отвечать, и я опомниться не успела, как уже договаривалась с женщиной, подписывавшейся Зета, о встрече через два часа и оставляла свой номер телефона, а затем созванивалась с другой, Дариттой, и послушно записывала адрес, по которому должна была подъехать завтра. Меня вновь подхватывало течением, но на этот раз оно было теплым.

На всю жизнь я запомнила это ощущение: ошеломление от свалившейся на меня безвозмездной доброты совершенно незнакомых людей, которых тревожила моя судьба. Я говорю не о тех, для кого разговор со мной был не более чем болтовней виртуальных собеседников, а о тех, кто договаривался друг с другом, где мне переночевать, решал, кто встретит меня возле метро, чтобы мне легче было найти адрес, успокаивал меня. Оупение, в котором я пребывала последние две недели, исчезало так быстро, словно таял кусок грязного льда, оставляя после себя серые разводы и потеки.

Спустя некоторое время, когда я устроилась на работу, оно вернулось снова, но тогда пережить его оказалось куда легче.

В тот же вечер я сидела на крохотной кухоньке и невыносимо робела от хлопот красивой кудрявой женщины лет тридцати пяти, которая с пугающей частотой метала на стол передо мной тарелки, заполненные салатами, супом, котлетами... Одновременно она успевала призывать к порядку дочь, варить на плите что-то булькающее и гонять голубоглазую кошку, упорно лезущую ко мне на колени. К моему облегчению, она ни о чем меня не спрашивала, а все больше рассказывала о своих хлопотах: о том, как отдавала дочь в школу, как чинила машину в автосервисе, как присматривала себе дом в деревне... Я слушала ее, и мне хотелось полностью погрузиться в ее заботы, чтобы забыть обо всем, что случилось.

Однако погрузиться мне пришлось в свои заботы, а не в чужие. Уже к вечеру следующего дня я начала работать — через десятые руки меня устроили в привокзальную столовую: я должна была мыть посуду,

убираться, а также исполнять мелкие поручения поварих. Я продолжала мыкаться по квартирам незнакомых людей, пока наконец не пристроилась в общежитие — знаете, из тех, где в одной комнате живет двадцать человек. Мне повезло — в моей жило всего двенадцать, а из душа на нашем этаже временами даже текла горячая вода.

То, что происходило со мной дальше, рассказывать долго и неинтересно. Спустя два месяца я перебралась из столовой в кафе классом выше, еще через три — в следующее, а после этого неожиданно для самой себя устроилась диспетчером в таксомоторный парк. Общежитие сменилось съемной комнатой, и моя жизнь со стороны, наверное, казалась относительно наладившейся — если так можно выразиться о человеке, с которого заживо содрали кожу, и он пытается, как может, прикрыться наспех сорванными листьями.

Я не видела своего мужа и не знала ничего о нем. Меня снова накрыло волной равнодушия к окружающему миру и к своей судьбе, запеленало в паутину безразличия, но где-то в глубине этой паутины маленькое насекомое — то ли бабочка-однодневка, то ли муха — слабо дергало лапками, будто напоминая себе о том, что оно еще живо. Пока живо.

Временами моя безучастность сменялась вспышками ярости, но направлены были эти вспышки исключительно внутрь, на себя саму. В такие моменты я принималась с удесятеренной энергией работать, чтобы заглушить обличающий голос, просыпающийся в моей голове, — он бросал такие жуткие обвинения, что я бы закричала, если бы не боялась попасть в сумасшедший дом. Я чувствовала себя человеком, которого разрывают изнутри на тысячу частей, и он колоссальным усилием воли пытается собрать себя из кусочков; самое пугающее заключалось в том, что и то и другое делала я сама.

Все это время я ни с кем не разговаривала. Не в буквальном смысле, конечно: волей-неволей мне приходилось сосуществовать с другими людьми, но я ограничивалась общением, необходимым по работе. Вне ее некое чувство намертво запечатывало мои уста, не позволяя отвечать даже на безобидные расспросы соседок по квартире, отсекая всех, пытавшихся приблизиться ко мне, словно тюремщик, захлопывающий двери одиночной камеры перед пришедшими не вовремя визитерами — к скрытому облегчению узника, благодарящего бога за свою изоляцию.

Я знала название этому чувству. Страх.

Я всерьез боялась, что у людей, улыбающихся мне, вдруг обнажатся клыки, а из красной пасти высунется раздвоенный язык. Мои ночи были наполнены кошмарами, развивающимися по одному сценарию: те, кого я

знала, являлись мне в моих снах с приветливыми лицами, и поначалу я доверчиво шла им навстречу, хотя внутренний голос надрывался, запрещая мне приближаться; затем я хотела повернуть обратно, но ноги сами несли меня, и я с ужасом видела, как преобразаются знакомые лица: с одних ключьями слезает кожа, обнажая черные, слепые провалы глазниц, другие сминаются, как пластилиновые, — носы съезжают на сторону, языки выдираются, вытягивая за собой клубки внутренностей, и обматываются вокруг шеи, преобразая человека в изуродованную куклу — жуткую, движущуюся, протягивающую ко мне руки. Чудовища хватили меня, отрывая мне руки и ноги, а затем отшвыривали в сторону, и я пыталась ползти, как червяк, извиваясь всем телом, захлебываясь грязью, беззвучно крича.

Днем я видела людей, которые приходили ко мне во снах, и не могла открыть рта, чтобы заговорить с ними.

Если бы я была умнее или опытнее, то поняла бы, что мне стоит показаться врачу. Но я боялась психиатров и не знала, где их искать, к тому же у меня не было денег. Осознавая, что мне нужно зацепиться хоть за что-нибудь, чтобы не сползти в омут безумия, я принялась искать спасения не вовне, а внутри себя.

Это оказалось сложно. Люди лгут, говорила мне та Вика, что сидела во мне, закрыв глаза руками, как ребенок. Люди предают. Они разваливают твой мир и саму тебя на части, и ты не можешь уберечься от них. Они задумывают *плохое*. Если бы ты была другой, говорила она мне, то с тобой такого не случилось бы. Это *ты* во всем виновата.

Как ни странно, в конце концов именно этот тонкий детский голосок, упрекавший меня, подсказал мне путь к спасению. Если это я *сама* виновата в том, что произошло, значит, нужно сделать так, чтобы от прежней меня ничего не осталось. Моя глупость, мое незнание людей были причиной исчезновения моего мира — значит, следует начать с себя, а затем уже менять мир. Я представила дом с множеством комнат, каждую из которых требовалось разрушить и перестроить заново, разломать стены и возвести на их месте другие, куда более прочные, и первый раз за все время искренне рассмеялась, примерив к себе выражение «прохудилась крыша». Предстояло ее залатать.

Знаете, мне до сих пор кажется, что за те полгода я поумнела больше, чем за всю предыдущую жизнь. Совершила, так сказать, качественный интеллектуальный скачок. Наверное, мне не хватало хорошей встряски или такого удара, какой я получила. От него я стала молчуньей, наблюдающей

за людьми и пытающейся понять скрытые мотивы их поведения. Прежде я совершенно не задумывалась над этим и теперь чувствовала себя ученым, открывающим новые миры.

Именно в то время у меня начал вырисовываться план. Если раньше я существовала, будто погруженная в воду, не думая ни о чем, кроме того, что нужно плыть, то теперь я стала оглядываться вокруг и думать над тем, в какую сторону меня несет течение.

План мой заключался в том, чтобы уехать отсюда. Я имею в виду, из страны. Много лет я жила в коконе, возникшем благодаря деньгам мужа и моим собственным стараниям и куриной слепоте: я не видела очевидных вещей. Теперь эти вещи сами бросались в глаза.

Существа вокруг меня пили, курили, били жен и детей и беспрестанно ругались. Нищая беспросветная жизнь, полная унижений и заискиваний, поисков «своего» врача, «своего» сантехника, «своей» заведующей детским садом... Самые простые действия обставлялись массой преград, превращались в бег с препятствиями по пересеченной местности: взять одну бумажку, выпросить вторую, угрозами добыть третью — и все это лишь затем, чтобы на финальном этапе выяснить, что требуемую справку тебе все равно не дадут, неважно, по каким причинам. Я ненавидела существующую вокруг реальность, где меня растоптали, а купленный моим мужем судья лишил меня всего, на что я имела право, и отдавала себе отчет, что не смогу приспособиться к ней — слишком дорого бы мне это далось.

Самым логичным выходом была «заграница». Та самая, где я никогда не была, но о которой имела представление из фильмов: с низким уровнем преступности и с уважением к человеку, с чистыми улицами и одинаковыми домиками, слипшимися боковыми стенами.

Перебрав затратные по времени варианты вроде получения востребованного в Европе образования и переезда туда для работы, я остановилась на том, который предполагал минимум усилий: на замужестве. Мне казалось, что я иду путем, которым до меня шли немногие, и готовилась пробивать стены головой в поиске женихов. Однако выяснилось, что агентств, промышляющих сводничеством, в Москве пруд пруди, и мне невероятно повезло, когда, придя в одно из них, я попала к Тамаре Васильевне.

Сейчас мне очевидно, что тогда я представляла собой жалкое зрелище в своих поношенных, вышедших из моды вещах, которым я тщетно пыталась придать если не благородный, то хотя бы пристойный вид. Но в глазах у меня, как сказала позже Тамара Васильевна, горел фанатичный

огонь, а она уважала фанатиков.

Ее фамилия была Плих. Низкая, широкая в кости, массивная и значительная, как языческий божок, Тамара Васильевна подбирала партии «своим девочкам» на протяжении пятнадцати лет. Она говорила низким красивым голосом, сидела неподвижно, совершенно не жестикулируя, и основную работу поручала своим помощницам, за исключением редких случаев. Таким редким случаем стала и я.

Придя первый раз в фирму госпожи Плих, я растерялась от атмосферы деловой озабоченности, царившей там. Мне казалось, что меня ждет подобие борделя, и я настроила себя соответствующим образом, чтобы не быть шокированной и смущенной. Действительность не имела ничего общего с моими представлениями: хороший офис, просторные кабинеты, персонал, похожий на учительниц... Меня усадили в кресло, вкратце узнали, чего я хочу, и попросили принести удачные снимки — две штуки: лицо крупным планом и портрет во весь рост. Я пробормотала, что как раз снимков-то у меня и нет, и почувствовала себя очень глупо — действительно, можно было догадаться о том, что фотографии понадобятся сразу.

— Сделаете снимки, напишете резюме и приходите, — не терпящим возражений тоном сказала беловолосая девушка. — Тогда получите анкету.

— Нет. — Я сама услышала, что в моем голосе лязгнул металл. — Я сначала заполню анкету, раз уж пришла, а завтра принесу все остальное.

Мне почему-то показалось принципиальным закрепиться в этом месте, не дать беловолосой отправить меня прочь под предлогом отсутствия фотографий, и я всерьез собиралась доказывать, что имею право на свой кусок заграничного счастья. В комнате ощутимо повисло напряжение.

— Заполняйте. — Девушка бросила передо мной лист, спланировавший на стол, и я судорожно принялась записывать ответы, боясь, что анкету вот-вот отнимут.

Вот тогда-то в дверях и возникла Тамара Васильевна, совершавшая ежедневный обход, как хирург по палатам или военачальник, проверяющий свою армию. Она бегло осмотрела меня, сделала свои выводы и поманила смуглым пальцем, будто цыганка, собирающаяся выманить у встреченной тетки единственную золотую цепочку.

— Идите, идите за Тamarой Васильевной! — торопливым шепотом приказала девушка, забирая у меня анкету. — Господи, да идите же!

Оказавшись в новом кабинете, я села, настороженно глядя на женщину, заманившую меня. Не улыбнувшись, не представившись и не спросив мое имя, она глянула на анкету, неизвестно как успевшую попасть

к ней на стол, и заявила:

— Учю жизни только один раз. Слушаешь и запоминаешь. Молча. На вопросы отвечаешь кратко. Ясно?

Полгода назад из меня горохом посыпались бы вопросы. Теперь же я лишь открыла рот, но тут же закрыла его и кивнула.

— Кем ты себя считаешь?

— Я... э-э-э... Женщиной, которая ищет...

— Достаточно. Забудь об этом. Ты — товар.

— Что?! — Я все-таки оскорбилась.

— То-вар, — по слогам произнесла Тамара Васильевна. — Ты здесь для того, чтобы продать себя и получить наиболее выгодную цену. Если тебя это не устраивает, наш разговор окончен. Возвращайся к Жанне и захвати анкету.

Она протянула мне лист бумаги, подержала и, увидев, что я не сделала ни одного движения, небрежно бросила на стол.

— Хорошо. Итак, ты должна себя продать. Перед твоими покупателями широкий выбор. Почему они должны выбрать именно тебя?

Она наклонилась, ожидая ответа, и я задумалась.

— Потому что у меня хороший характер... — Не успела я договорить, как в ее глазах промелькнуло разочарование, и я тут же исправилась: — Нет, потому что я симпатичная.

— Теплее. Только забудь слово «симпатичная». Ты — привлекательная. И можешь дать мужчинам то, что они хотят.

Видимо, я покраснела, потому что она едва заметно усмехнулась:

— Девочка, если ты думаешь, что мужчин интересует только юное крепкое тело, то ошибаешься. Иначе они ограничивались бы проститутками и не приходили бы к нам. Им нужно *самоощущение*. Им нужны эмоции. Им нужна Игра. И секс — лишь небольшая часть этой игры.

— Что я должна...

— Чем привлекает тебя незнакомый товар в витрине? — Она не дослушивала, обрывала на полуслове, выстреливая в меня вопросами.

— Упаковкой, — не задумываясь, ответила я.

— Верно. На первом этапе ты должна выделиться, чтобы тебя заметили из сотен девушек. Взгляни.

Она вынула из ящика и протянула мне большой тяжелый фотоальбом. Открыв первую страницу, я увидела снимки женщин — точно такие же, какие мне нужно было принести.

— Это не рабочий альбом, а для памяти, — сказала Тамара

Васильевна, наблюдая за мной. — Разумеется, сейчас мы используем «цифру». Но тебе и это подойдет для наглядности.

Я перелистывала одну страницу за другой. Женщины, женщины, женщины... Молодые, пожилые, с естественными и натужными улыбками, часто нелепые, в вульгарных позах... Если бы я была мужчиной, то потерялась бы в этом море разновозрастных и разномастных теток, выставявших напоказ вислые груди, дряблые плечи, кривые ноги с некрасивыми коленками, и, пожалуй, сбежала бы прочь.

— Ужасно, правда? — вполголоса спросила Плих, верно трактовавшая мое ошеломленное молчание. — А теперь представь, что и твой снимок будет среди этих. И как прикажешь мужчине обратить на тебя внимание?

Я подняла на нее глаза с немым вопросом.

— Фотография! — Она щелкнула пальцами. — Ты должна сделать долгосрочный вклад в саму себя и найти грамотного фотографа, который хорошо тебя снимет. Забудь о том, чтобы показать лицо. Для начала ты должна сняться в полный рост, в такой одежде, которая подчеркнет все твои достоинства. Не будь вульгарной! Идеально — маленькое черное платье. Туфли. Распушенные волосы и минимум украшений.

— Но у меня нет платья...

— Найди, — оборвала Тамара Васильевна. — Возьми у подруг. Сшей. Укради. А потом соблазни фотографа, если у тебя нет денег, чтобы заплатить за фотосессию. Но фотографии должны быть профессиональными и очень выгодными для тебя. И в идеале нужен визажист. Покажи, что у тебя есть грудь, бедра, талия и длинная шея. Помни — мужчины сперва оценивают фигуру, потом все остальное. Если ты будешь следовать этому простому правилу, оно тебе поможет.

— Но мое лицо...

— Второстепенно. Для них. Хотя тебе повезло, и у тебя милая мордашка. Подрисуй ее и сфотографируй, но обязательно с улыбкой. Не превращай себя в куклу, не изменяй макияжем до неузнаваемости. Кстати, купи утягивающее белье — фотография прибавит тебе три-четыре килограмма, а этого не должно быть.

Я кивнула, уже не задавая вопросов, на какие деньги я куплю утягивающее белье и что это такое.

— Естественность — вот что привлекает большинство мужчин. Тебе нужно ориентироваться на них. Когда сделаешь фотографии, займись своим резюме. Десять строчек, и каждое слово должно быть продумано. Тебе следует быть легкой, но не легковесной, забавной, но не чересчур, и романтической, потому что тебе это подойдет. Дети есть?

— Нет...

— Отлично. Балласт тебе ни к чему. Выставляй поменьше требований к мужчинам и больше пиши о себе. Отсев будешь производить потом. Свободна.

Я встала, села и снова встала. Голова у меня распухла от обилия информации, хотя с начала нашего разговора прошло не больше десяти минут.

— А вы... — нерешительно начала я, — вы не могли бы показать мне образцы резюме других девушек? Я имею в виду удачные образцы.

— Нет. Иначе ты займешься копированием, пусть и невольно. А твои слова должны быть искренними. Ступай.

Она больше не смотрела на меня, и я пошла к выходу. В дверях остановилась и обернулась к ней:

— Спасибо вам большое...

— Пока не за что. Ты услышала мои слова ушами, но до ума они у тебя не дошли. Вот дойдут — тогда скажешь спасибо.

Забегая вперед, могу заверить вас, что слова Тамары Васильевны дошли до моего ума. Правда, до того были поиски фотографа, попытки найти денег на съемку, маленькое черное платье и туфли, резюме, которое я переписывала двадцать четыре раза, пока не догадалась выйти на тот самый сайт, где мне так помогли полгода назад... Коллективный ум оказался на высоте, и я получила несколько идей, которые использовала для резюме. У меня ушло много времени на все это, но я больше не думала о том, что мне необходимо «зацепиться здесь и сейчас». Я ставила перед собой маленькую цель, крохотными шагами двигалась к ней и лишь затем ставила следующую. Тихо, тихо ползи, улитка, по склону Фудзи... Не подумайте, что тогда я знала японские хайку и Иссу Кобаяси. К нему прирастал меня второй муж, Никлас Венесборг, за которого я вышла замуж спустя восемь месяцев после опубликования моей анкеты на сайте агентства Тамары Васильевны Плих.

Глава 3

Алиса

Иногда возникает ощущение, будто бог держит тебя в ладонях. И легонько дует на тебя — тогда в совершенно безветренный день чувствуешь нежнейшее прикосновение теплых пальцев ветра, как если бы кто-то приложил ладонь к твоему лбу или поцеловал.

Мой муж говорит, что временами я кажусь ему дурочкой. Я знаю, что он это не всерьез — скорее любя. Если то чувство, которое он испытывает ко мне, можно назвать любовью. Мне бы очень хотелось, чтобы это была именно любовь, и случаются такие прекрасные дни, когда я совершенно уверена — да, он меня любит. И тогда я снова чувствую, что бог держит меня в ладонях.

Но последнюю неделю меня преследует противоположное ощущение: как будто одним движением меня стряхнули с ладоней вниз, и я полетела с небольшого обрыва, обдирая локти о колючие кусты и больно ударяясь о землю. Самое неприятное, что совершенно непонятно, где же я приземлюсь.

Все началось со столкновения на улице. Я шла за девушкой, от которой пахло незнакомыми мне духами — нежными, тонкими, совсем весенними, с легким привкусом мимозы и детской пастилы — и раздумывала, спросить у нее их название или не стоит. Я не стала бы покупать себе такие же — мне просто хотелось услышать, как прозвучат слова. Она завернула за угол, и я ускорила шаг, потому что почти решилась догнать ее, и тут на меня вылетел этот парень с папкой в руках.

Я ударилась прямо об него, и от удара папка выпала у него из рук, и из нее разлетелись листы: много исписанных листов, некоторые — с рисунками. Я ахнула и присела, стараясь помочь ему их собрать, и тут же забыла про девушку и знакомые духи, потому что на одном из рисунков увидела женское лицо, нарисованное карандашом.

Не считите меня странной... Но оно было похоже на мое! Я потянула лист к себе, а затем вопросительно посмотрела на парня. И только тут заметила, что он, оказывается, очень красивый.

Самым красивым в нем были брови: прямые, темные, густые... По контрасту с выгоревшими волосами они смотрелись очень яркими — как

будто кто-то провел черной сажей на его лбу две полосы и едва растушевал. А лицо — такой лепки, будто мастер лепил грубо, наспех, но поскольку все равно был очень талантлив, то и вышло талантливо. Взгляд оценивающий, резкий — но, возможно, все дело было в том, что не станешь же мягко смотреть на человека, практически сбившего тебя с ног.

Рассмотрев хозяина рисунков, я помахала у него перед лицом тем, который держала в руках. И увидела, что он ошеломлен не меньше, чем я.

— Отдай, пожалуйста! — Он попытался вырвать у меня лист, но я увернулась. — Слушай, верни!

— Это я, на рисунке? — У меня не было желания ходить вокруг да около, узнавать что-то обвиняками. — Кто это нарисовал?

— Ну я нарисовал! — Он посмотрел с вызовом.

— Ты?! Мы разве раньше встречались?

Он наконец собрал все листы и встал, а я поднялась следом за ним. Он оказался на две головы выше меня.

— Нет, не встречались. Я ни разу тебя не видел.

— Тогда откуда...

— Понятия не имею! Если ты мне отдашь рисунок, я тебе все объясню!

Я уже говорила вам, что ужасно любопытна? Мне показалось, что ему можно верить, и я протянула лист, который он тут же любовно разгладил, смахнул пыль и спрятал в папку. Только теперь пришло в голову, что я веду себя не очень красиво по отношению к незнакомому человеку.

— Слушай... извини. Я не хотела в тебя врезаться!

— Надеюсь. — Он хмыкнул, огляделся и увидел неподалеку скамейку в сквере. — Пойдем? Мне нужно прийти в себя. Я сам, мягко говоря, удивлен... Кстати, меня зовут Роман.

— Алиса.

Он резко остановился и уставился на меня, подняв свои красивые брови.

— Как?!

— Меня зовут Алиса. Что тебя так удивило?

— Да нет... нет... ничего.

Хотя я видела, что его и в самом деле что-то изумило, вопросов больше задавать не стала. Мы уселись на шершавой скамейке под зеленеющей липой, и он вкратце рассказал историю, которая звучала очень просто и одновременно неправдоподобно.

Честно говоря, истории никакой и не было. Роман оказался дизайнером, работавшим в крупном рекламном агентстве. Два месяца назад

для одного из проектов ему понадобилась Алиса в стране чудес, но брать уже имевшиеся иллюстрации он не хотел и решил придумать ее сам, тем более что требовался современный и повзрослевший образ. Креативный, как сказал Роман с улыбкой, которая словно просила: «Извини за это словцо».

С современной Алисой возникли сложности, потому что он никак не мог представить себе ее лицо. И что еще хуже — нигде не мог ее встретить. Образы актрис, знакомых девушек, случайных девушек — никто ему не подходил.

И тогда он решил ее выдумать. В один прекрасный вечер, сидя в кафе, за пять минут набросал на салфетке черты взрослой Алисы и помчался домой, чтобы поработать над рисунком нормально.

— Я решил, что она обязательно должна быть рыжей, — рассказывал Роман. — И с прищуренными глазами. В общем, что я тебе рассказываю? Ты и так все видишь.

Действительно, я видела. Нельзя сказать, чтобы девушка на рисунке была списана с меня, но сходство, безусловно, имелось.

— Надо же... — Я улыбнулась парню, смотревшему на меня все так же озадаченно. — Получается, ты меня выдумал.

— Получается, так. На самом деле ничего удивительного в этом нет — в конце концов, возможно, я тебя просто случайно как-то раз увидел, и в подсознании сохранилось твое лицо. Странно то, что мы встретились.

Я встала со скамейки, возвратила рисунок, который он не выпускал из рук во время своего рассказа и только под конец нехотя отдал его мне.

— Удачи тебе с твоим проектом!

— Подожди! — Он вскочил, и я остановилась. — Слушай, я не могу тебя так просто отпустить. В конце концов, не каждый день встречаешь персонаж, который ты вроде бы выдумал! А пойдём... — Он обернулся, будто ища место, куда можно было бы пойти немедленно. — Пойдем в кафе, а? Ты голодная?

Он пристально смотрел на меня, и взгляд его просил, чтобы я согласилась. Забыла сказать: глаза у него были сине-серые, такого промежуточного оттенка, какой бывает у речных волн под набегающими облаками.

Я поразмыслила и кивнула. Мне не хотелось есть, но у меня были причины на то, чтобы согласиться.

Хотя именно в тот момент я ощутила, что, кажется, оцарапала локоть о куст на склоне, в который меня скинули.

— Дело в том, что мы в основном занимаемся розыском *живых* людей.

Макар Илюшин с виноватым видом развел руками. Он не испытывал ни малейшей вины, но считал нужным продемонстрировать несостоявшемуся клиенту огорчение от того, что не сможет с ним работать. Точнее, с ней.

Начало июня выдалось на редкость дождливым. Потoki воды словно пытались смыть стекла, чтобы ворваться в квартиру и устроить наводнение, город плыл, и отражения домов в лужах дробились и расплывались под натиском дождя.

Женщина, сидевшая в квартире Илюшина, вовсе не выглядела промокшей, в то время как Сергей Бабкин, появившийся за четверть часа до ее прихода, напоминал ньюфаундленда, только что вытащившего со дна реки нескольких неудачливых купальщиков. С порога он проворчал напарнику, что даже зонт его не спас, и он успел вымокнуть за ту минуту, что бежал от машины до подъезда. Теперь Бабкин сидел, погрузившись в кресло возле окна, и молча изучал посетительницу, предоставив ведение переговоров Илюшину.

Чуть выше среднего роста, прекрасного сложения, с русыми волосами, собранными в гладкую прическу, и широко расставленными глазами, она была бы красавицей, если бы не некая странность в ее правильном лице, которую Сергей никак не мог уловить. Глаза внимательные, серые, опущенные густыми ресницами. От нее оставалось противоречивое впечатление открытости и неуловимости одновременно, как от бабочки, которую можно рассмотреть, пока она сидит на цветке, но невозможно схватить.

— В основном, но не всегда, — мягко возразила клиентка, обращаясь к Макару. — Когда несколько лет назад вы работали по делу Элины Гольц, то знали, что девушка мертва. Это не помешало вам согласиться на расследование обстоятельств ее смерти^[1].

Бабкин вскинул брови. Илюшин ничем не выразил своего удивления, но Виктория Венесборг сразу заработала несколько очков. То, что она навела о них справки, прежде чем приехать, говорило в ее пользу.

— Случай с Элиной отличался от вашего.

— Да, мое дело будет проще.

— Хорошо, — сдался Макар. — Я слушаю вас.

— С чего начать? — деловито осведомилась она.

— Начните с того, кого вы хотите найти и с какой целью.

— Последнее обязательно? — Она нахмурилась.

— Да. Мы не работаем вслепую. Если вы скажете неправду и на

каком-то этапе это всплывет, мы немедленно прекращаем работу без возвращения аванса. Такое условие есть в договоре.

— Понятие всплывшей «неправды» можно трактовать очень широко!

— Боюсь, тут вам придется нам довериться. Мы не собираемся вас обманывать — это всего лишь страховка от того, чтобы нас использовали «втемную».

Виктория подумала немного, откровенно рассматривая Илюшина, и кивнула.

— У моего бывшего мужа был друг, долгое время сидевший в тюрьме за убийство, — начала она и покосилась на Бабкина, успевшего достать блокнот и сделать несколько пометок. — Сеня Головлев. Я была знакома с ним недолго, но он успел мне понравиться и я ему, кажется, тоже. Спустя полгода после того, как Сеня вышел из тюрьмы, он бесследно исчез и через какое-то время был признан умершим. Тело его так и не нашли.

Она замолчала.

— Что-то еще? — вежливо поинтересовался Макар, понимая, что с такими вводными работать по делу безнадежно.

— Я знаю, кто его убил. Это сделал мой муж.

— Вы были свидетельницей преступления?

— Нет, но я знаю, о чем говорю. Поверьте мне.

В ее голосе звучала такая убежденность, что Илюшин с Бабкиным переглянулись. Она заметила взгляды, но истолковала их по-своему:

— Вы считаете меня сумасшедшей?

— Нет. — Макар отрицательно качнул головой. — Продолжайте, пожалуйста.

— В те выходные мой муж и Сеня отправились на рыбалку. Они иногда выбирались вместе — еще до того, как Головлев оказался в тюрьме, я знаю это от мужа. Поехали на несколько дней, но с рыбалки Кирилл вернулся один. Потом он утверждал, что оставил Сеню возле шалаша, живого и невредимого, но я совершенно уверена, что это не так. Он его убил, а труп спрятал. Никто не стал заниматься поисками бывшего уголовника, и дело благополучно закрыли.

— Зачем вашему мужу понадобилось убивать приятеля? — подал голос Бабкин.

— Этого я не знаю. Дело в том, что в те годы я была значительно моложе и глупее, чем сейчас, и не поняла, что произошло. Как и все, я считала, что Головлев пропал без вести. К тому же я беспрекословно верила мужу. Только много лет спустя, когда я поняла, что Кирилл — жесткое, беспринципное, изобретательное существо, воображаемая картина

произошедшего стала заменяться реальной. Я вспомнила мелкие подробности, которые по одной ничего не значат, но все вместе складываются в убедительную картину.

— Например?

— Это невозможно рассказать. Знаете, я хорошо запомнила вот какой момент: утром накануне их отъезда я подкрашивалась перед зеркалом и сказала Кириллу, что по их возвращении приглашу Сеню на пироги. Он ответил: «Само собой!» — и добавил: — Сенька любит с рыбой, порадуешь его». И улыбнулся. Я видела его отражение, хотя муж стоял ко мне спиной — напротив него была стеклянная дверь. Даже тогда мне стало не по себе от его улыбки. Это был оскал хищника. Сейчас я вспоминаю его улыбку и понимаю, что она лучше всего остального говорила о том, что мой муж собирается сделать. Но ведь это смешно называть доказательством, не так ли?

— Смешно, — согласился Бабкин. — Что-нибудь еще?

— Ничего, что было бы важнее той улыбки. Все остальное в том же роде.

— Зачем вашему мужу понадобилось убивать приятеля? — повторил Бабкин.

— Я не знаю. Это вам придется выяснить. Нет-нет! — Она подняла руку, видя, что Илюшин собирается что-то сказать. — Я отдаю себе отчет в том, что моя задача кажется невыполнимой. Сначала дослушайте до конца, потом принимайте решение. Хорошо?

Макар кивнул.

— Так вот, я ничего не знаю об отношениях моего мужа и Сени. Но зато знаю, где он спрятал тело.

— Тогда зачем вам мы? — не удержался Бабкин.

— Потому что я не собираюсь бегать с лопатой по лесу площадью полтора квадратных километра, — невозмутимо ответила женщина.

— Значит, вы уверены, что тело в лесу?

— Да. Дело в том, что еще до выхода Головлева из тюрьмы мой муж однажды взял меня с собой на рыбалку и показал место, где они с Сенькой устроили шалаш. Это в трехстах километрах от Москвы, возле крошечной деревушки, на одном из притоков Волги. Посреди него есть небольшой остров, добраться до которого можно только на лодке, да и то нелегко — река неширокая, но течение очень быстрое, и даже встречаются места, где лодку кружит, будто в водовороте. Сам остров густо зарос ивами и соснами, и там Сеня с Кириллом когда-то соорудили шалаш — настоящий, не подростковый. Это было их убежище. Думаю, муж пожалел, что отвез меня

туда, потому что раньше о шалаше знали только они одни: жители из деревни вряд ли перебирались на остров, да там почти никто и не живет. Как бы то ни было, после он никогда не звал меня на рыбалку и не вспоминал о том, что мы приезжали туда, словно надеялся, что от его молчания и я все забуду.

Мой бывший муж хитер и злобен. Они наверняка приехали на свое обычное место и даже, наверное, пару дней рыбачили. Но потом он убил Сеню и спрятал его тело, а раз они были на острове, значит, он его там закопал — других вариантов нет.

— Утопил, — Бабкин пожал плечами.

— Нет. Кирилл слишком осторожен. Тело могло всплыть, его могли увидеть случайные ныряльщики — ничего нельзя исключать. В конце концов, они могли оказаться не единственными рыбаками в тех местах. Нет, я уверена, что он его закопал.

— Сколько лет назад все случилось?

— Восемь.

— За это время труп истлел до костей. Его съели черви.

— Пускай. Пускай будут кости. Я сделаю все необходимые экспертизы и докажу, что мой муж виновен в Сениной гибели. После насильственной смерти на трупе должны остаться следы.

— Один вопрос... — протянул Макар. — Зачем? Допустим, вы действительно правы, и труп приятеля вашего мужа не уплыл по реке, а лежит в земле под ивами. Вы настолько тепло относились к Сене, что хотите покарать убийцу?

Она негромко рассмеялась, откинув голову назад.

— Полагаете, я собираюсь шантажировать бывшего мужа? Ошибаетесь, Макар Андреевич. Иначе я бы не заводила речь об экспертизе. Нет, я хочу...

Клиентка вдруг замолчала и прикрыла глаза. Лицо ее приобрело спокойное, почти умиротворенное выражение. В ту секунду, когда Бабкин повернулся к Илюшину, она открыла глаза и сказала, словно и не замолкала:

— ... уничтожить его. Поверьте, у меня на то есть свои причины. Я не собираюсь нарушать закон. Мой муж — убийца, и я хочу, чтобы он сидел в тюрьме. Это сокрушит его. От такого удара он не оправится.

Илюшин внимательно смотрел на нее. Несмотря на некоторые странности, госпожа Венесбург не походила на сумасшедшую. Скорее наоборот — она походила на очень, очень здравомыслящего человека. Пожалуй, ему было бы приятнее с ней общаться, если бы в ней оказалось

поменьше здравомыслия. Оно представлялось чем-то сродни программе, заложенной в робота.

— Полтора квадратных километра? — хмуро произнес Бабкин, оценив молчание напарника как готовность согласиться. — Как вы себе это представляете?

Она обернулась к нему. Серые глаза стали похожи на две льдинки.

— А вот это уже ваши сложности. Проявите фантазию.

Кирилл

По дороге на вокзал водитель Николай косился на меня — никак не мог взять в толк, зачем шеф решил лично встретить с поезда клиента. Но водители у меня мужики дрессированные, вопросов лишних не задают: сел Кирилл Андреевич в машину — значит, так и надо. Второй раз Николаша удивился, когда на Курском я велел ему идти к поезду, а сам направился в противоположном направлении: он-то решил, что клиент — мой знакомый, а тут выясняется, что я на вокзал приехал по собственной надобности. И на туповатом Николашином лице было написано: «Зачем? Можно было меня сгонять...»

Можно, да не нужно. Никаких дел у меня на вокзале не было, а просто захотелось взглянуть на поезда. Детское желание, глупое. А может, не такое уж и глупое — как посмотреть.

Вокзалы я ненавижу с детства, а особенно — станции на пути следования поездов. Чья-то неведомая жизнь пролетает мимо на всех парах, а ты стоишь в пыли и смотришь ей вслед. Если и повезет куда-нибудь поехать, так только в плацкартном вагоне, где вонь от тел и туалетов, любопытные глаза, сквозняки, желтоватое белье и ненавистные с детства колючие пледы. Попробуй запихай их в пододеяльники! Сволочь какая-то придумала эти пледы, точно.

А станции? Кучи щебенки и песка между путями, серая от пыли крапива, заброшенные ржавые вагоны, лопухи — тоже серые... Одно слово — убожество. Как вся эта страна.

Я родился и вырос в поселке, который называется Сортировочный. Понятно почему: через него много путей проходит, грузовые вагоны *сортируют*: одни на север, другие на юг, третьи на Москву или в Архангельск... Только никакой сортировкой мне в этом слове и не пахло, а пахло сортиром, вот чем! Вонью, мочой и нищетой. Правильное было название у нашего поселка, очень ему подходящее. А следующей, в десяти

минутах езды на электричке от нас, была остановка под названием Четыреста пятьдесят третий километр. Ясно? Даже имени собственного не присвоили станции, лишь трехзначный номер.

В нашем поселке, конечно, происходила сортировка, правда, немного не та, о которой все думали. Людей сортировали по сортам дерьма. Ведь в сортире-то что? Правильно. Оно самое. Что полегче — всплывает, что потяжелее — ложится на дно.

Вот только мне не хотелось вливаться в эту струю. Я с восьми лет, стоя в пыли перед несущимися мимо, жаром обжигающими поездами и электричками, знал: уеду отсюда, уеду, выкарабкаюсь из этой выгребной ямы. Ни на кого рассчитывать, кроме себя, не приходилось: батя пил, мать и вовсе стала слаба на голову после того, как ее клиент приложил об косяк за то, что порезала его при стрижке... Да я их, честно говоря, плохо помню. Кормили, поили, одевали, сильно не били — и на том спасибо.

У нас было так: кто сильнее, тот и выживет. Не можешь защититься — значит, не судьба тебе жить спокойно в поселке Сортировочный. В двенадцать лет я первый раз лег под электричку между рельсами — всех так проверяли, кто хотел доказать, что он настоящий пацан. Хорошо, старшие парни предупредили меня, чтобы рот держал открытым, а уши, наоборот, зажал, и еще сказали, чтобы по-маленькому сходил за пять минут до «свистульки» — так у нас электричку называли. Потому что если встал с мокрыми штанами после «свистульки» или, еще хуже, с обгаженными — все, считай, не прошел испытания: позор на всю жизнь и такие клички, от которых не отмоешься.

Были у меня какие-то мысли в голове или нет, пока я на шпалах лежал, — этого я не запомнил. Только помню, что очень жарко было, а в нос мне набилась мелкая галька оттого, что я голову вжал в землю, когда надо мной понеслось — с визгом, грохотом, с такими звуками, которым и названия-то нет, как если бы дом уронили на рельсы и потащили с огромной скоростью, а все жители внутри заорали изо всех сил. И уши у меня лопнули, да. Это я тогда так решил, по незнанию. Думал — встану, а из ушных дырок у меня кровь хлещет, и больше я ничего никогда не услышу.

Так оно и случилось, кстати. Когда утащили дом, я, не помню как, встал, камешки из носа отшмыгнул, покачнулся и сел прямо на землю. Ко мне Вовка-Чирей бежит, рот разевает, а я его не слышу — только гул в ушах и крики тех, кто в «доме» надо мной мчался. Потом выяснилось, что так у многих бывает, только об этом мало кто говорит.

Когда в шестнадцать лет я выбрался из родной дыры, то поселился у

своей двоюродной бабки в городе, где можно было уместить двести наших Сортировочных. Но для меня он почти ничем не отличался от родного поселка. И здесь нужно было доказывать, что ты сильнее всех.

Одиночки не выживают нигде, и я не собирался противостоять всем — так поступают только дураки. В бабкином дворе была неплохая компания, к которой я примкнул, и летом мы решили подработать на заправке мойкой машин.

Знаете, что это такое? Тупая работа — но работа на скорость, выдержку и смекалку. Так бывает, поверьте: поначалу вам нужно научиться разбираться во многом, зато потом вы действуете, словно идете по накатанной колее. Скорость нужна, когда вы подсакиваете к притормозившей возле заправки машине и выливаете воду на лобовое стекло. Выдержка — когда водитель начинает орать на вас (а орет каждый второй), а вы под его ор размазываете воду, макая тряпку в ведро со скоростью пулеметчика, перезаряжающего ленту. Смекалка — когда вы понимаете, что от этой машины стоит держаться подальше, а с этим водителем можно и пошутить — он даст больше остальных. Я научился всем премудростям за первый же день работы.

А потом появились парни, которые держали место на этой заправке. Их было не больше нас, но они были старше. Я видел ухмылки на лицах рабочих заправки, видел, как мятые купюры переходили из рук в руки, и не сомневался в том, на кого они ставят. Мы для них были вроде бойцовых петухов. Даже, пожалуй, тараканов. Если бы могли, они бы сами стравили нас для своего развлечения, но мы прекрасно обошлись и без поддержки этих ублюдков.

Идя на следующее утро к заправке, мы все знали, что нам предстоит. И лица у нас были тупые и сосредоточенные. Когда вам показывают по телевизору фильм, в котором гладиаторы идут сражаться, и выражение на лицах у них как у героев, которые собираются совершить подвиг, не верьте дуракам-актерам. И режиссеру не верьте. Он никогда не шел в пять утра на заправку, зная, что его будут бить кастетами, цепями, палками — всем, что подвернется под руку, и он будет делать то же самое, пока не упадет.

Мы победили тогда, хотя взрослые твари ставили не на нас. Может быть, именно потому и победили. Иногда нужно, чтобы все ополчилось против тебя — тогда ты на что-то способен. Я оказался способен бить долго, с яростью, получая от драки удовольствие. Этого они в конце концов и испугались — *мне нравилось* делать с ними и с собой то, что я делал.

После того как заправка закрепилась за нами, я продержался там всего две недели и свалил. Нужно было искать работу поумнее, чем полоскать

тряпку возле чужих тачек. Но у меня появилась кое-какая репутация, и то, что не дали бы сделать новичку, только переехавшему в город, позволили Кириллу Кручинину, входившему в группу Толика Кубанского.

Став постарше, я понял, что везде есть люди особенной категории, которых я придумал называть материалом — дурачков, лохов, на которых сам бог велел тренироваться. Я и тренировался. Но после одного дела, окончившегося для меня куда удачнее, чем можно было ожидать, я решил залечь на дно: прикинуться одним из дурачков, бегущих с утра на работу, а вечером к жене под юбку. Даже женился для пущей правдоподобности картины. Первая моя жена была из тех ленивых баб, которые притворяются, будто у них полно дел по дому, а сами лишь хотят сидеть на шее мужика, свесив ножки. Я бывало приду вечером домой, уставший как собака — даже в койку не хочется, — а она болтает, не переставая, какую-то чушь. И цеплялась за меня, как репейник. Я пару раз устраивал ей проверку — специально подкину то тюбик помады от какой-нибудь из своих любовниц, то волосы светлые вокруг расчески обмотаю... И подложу на видное место. Она увидит, дернется и тут же сделает вид, что не замечает, а сама косится на меня испуганным взглядом, как лошадь — вдруг я ее заставлю заметить? И что тогда ей делать? Ну, я человек не злой, не доводил до этого.

Потом мы в столицу переехали, и, когда дела у меня пошли на лад, я стал задумываться: почему я должен кого-то на своем горбу везти в ту жизнь, которую для себя потом и кровью выбивал, для которой выцарапывал шансы у судьбы, хватался, как голодный пес, за любую брошенную кость? Жена моя каталась как сыр в масле, жизнь проживала в свое удовольствие — хорошо, что оказалась неприхотливой, — а я в это время из кожи вон лез, чтобы обратно в выгребную сортировочную яму не свалиться.

Потому-то перед покупкой квартиры я все продумал и решил: заработана она мною, а значит, жена никаких прав на нее не имеет. Моральных. Но закон в нашей стране таков, что, вздумай она развестись со мной, получила бы половину имущества, в том числе и квартиры. Разве это справедливо? Нет. Совсем несправедливо.

Обойти дурацкое правило оказалось не очень сложно: сначала мы развелись, затем я жену сплавил подальше, чтобы глаза не мозолила и вопросов лишних не задавала, а когда четыре месяца прошло, разрешил ей приехать обратно. И по тому, как загорелись у нее глаза, когда она в новую квартиру вошла, понял, что все сделал правильно. Люди алчные, за копейку удавят, а за десять на кусочки разрежут.

Видели бы вы, какое у нее лицо стало, когда она поняла, что ничего ей от моего имущества не перепадет! Ей-богу, я бы посмеялся, да только, говорят, грех смеяться над убогими. И когда уходила, бормотала: «Кирюша, как же так... Кирюша, за что же?» Хотел я ей сказать: «Нет, дорогая, ты должна другие вопросы задавать: «За какие такие заслуги Кирюша должен мне половину московской квартиры отдать, которая для многих — целое состояние? Есть ли в этой квартире хоть плиточка, положенная на мои деньги, хоть дверная ручка?» Да не сказал. Все равно не поняла бы — что время зря тратить... Есть люди, которые считают, что им все по жизни должны — вот Вика как раз из таких.

Дальнейшей ее судьбой я и не интересовался... Не маленькая, выкрутилась как-нибудь, а если не выкрутилась — сама виновата. Сильный выживает — таков закон.

Никому нельзя верить — вот что главное в этой жизни. Любой продаст тебя с потрохами, только дай ему кто-нибудь за это хорошую цену, а еще вернее — испугай его. За страх, за деньги, за жизнь, в конце концов, вы купите любого героя. Редко, очень редко встречается на пути человек, который за вас в огонь и в воду, жизнь за вас отдаст и денег за это не попросит. Если встретился вам такой, нужно его держаться, потому что это большая удача. Считайте, что выиграла в лотерею — один шанс на миллион. Такие люди не предадут, они исключение из общего правила.

Сразу скажу, что сам-то я не такой, и слава богу. Я — из удачливых, из тех, кому подфартило купить выигрышный лотерейный билет. Только потому я и женился во второй раз.

Выигрышный мой билет — это моя вторая жена.

Когда я Вику выгонял, то сказал ей, что собираюсь жениться, и, кажется, что-то наплел про любовницу... Но это все было пустое — жениться снова я не планировал, не на того попали. С бабой в койке покувыркаться — это одно, а в свою жизнь пускать — лишнее. Покушать вкусно можно и в ресторане, в квартире домработница приберется в десять раз чище жены, а рубашки погладить — на то химчистка имеется. Так что резона заводить новую жену не было никакого, хорошо, что от старой избавился.

Но судьба распорядилась иначе.

У меня тогда в собственности было два цеха... Этот тип работал на разделке в одном из них и, по словам управляющего, неплохо справлялся. Но мне было все равно. Он мне не понравился сразу, как только я его увидел: мелкий, в оспинах, руки трясущиеся, вместо носа — пористая слива. Урод, одним словом. Еще и пьющий. Правда, все в один голос

твердили, что руки у него трясутся не от пьянства, а оттого, что болеет чем-то, и на результате это не сказывается... Но посудите сами: как же не сказывается, если клешни дрожат? Сейчас не сказывается, завтра скажется. И в глазах у него было что-то нездоровое, я такие вещи нутром чую. Позже выяснилось: именно я был прав, а не они.

Уволить его просто так я не рискнул: по опыту знал, что в суде восстановят и мне же придется деньги за вынужденный прогул выплачивать. Поэтому дождался повода и все сделал честь по чести: провел медицинское освидетельствование и вручил ему трудовую. Не сам, конечно, — через юриста. Ничего личного, как говорится, — просто я считаю, что человеческому шлаку у меня делать нечего.

И ведь на следующее утро чутье меня не подвело: орало во весь голос, что не нужно в офис ехать. А я его не послушался и поехал. До конца жизни мне тот день запомнится... Как на фотографии: секретарша Нинка, виляя пухлой задницей, идет к выходу и такие взгляды бросает на Лису, что смешно становится, Лиса стоит возле окна и браслетами позвякивает, и тут из дверей выпрыгивает этот придурок. А следующий кадр — длинные Нинкины ноги, на одной чулок порван, и брызги кофе на стене.

Что самое противное-то? Не то, что мне предстояло очень быстро переселиться в мир иной, которого не существует. А что придется принять смерть от руки такого ничтожества, как то, что стояло передо мной, сжимая пушку в трясущихся руках. Вот о чем я думал, глядя на него и кляня себя за то, что не послушался внутреннего голоса.

Я и не заметил, как Лиса успела выскочить вперед, и чуть не онемел от удивления. А она знай себе стоит передо мной и твердит этому козлу, как ребенку: «Не надо, не надо...» А потом добавила: «Лучше в меня стреляй».

Вот тогда-то я и попал. Спать с ней было приятно, хотя девчушка совсем не в моем вкусе, разговаривать нам особо было не о чем — да о чем вообще с бабами можно говорить? — и встречался я с ней лишь для того, чтобы шлюх не снимать каждый раз, когда захочется, а хотелось мне часто. Никаких видов я на нее не имел, как и на десяток других таких же, как она. Я ей, само собой, нравился, и как-то раз мне даже пришло в голову, что она в меня не на шутку влюблена. Ну, влюблена и влюблена, черт бы с ней, хочет страдать — ради бога... Но чтобы свою жизнь за меня отдать — этого я от нее не ожидал, честно скажу.

И что-то во мне перевернулось, когда она стояла передо мной и тихим голоском просила: «Не надо, не убивай его, пожалуйста, пощади его, лучше меня». Жалость вдруг взялась и одновременно восхищение. А я ведь сам никого не жалел — ни своих, ни чужих. И страх перед этим мужиком с

пистолетом куда-то пропал, а секунду спустя он пушку опустил, и я понял, что сегодня точно жив останусь. Так оно и вышло.

После того случая я уже знал наверняка, что женюсь на Лисе. По-хорошему, всех баб именно так нужно проверять перед свадьбой: отдаст она жизнь за своего мужика или нет? Девяносто девять браков из ста тогда бы точно не заключались. Вот только мой случай — это сотый.

Она, конечно, дура дурой... Но ведь в бабе не ум главное. И пару раз мне хотелось проучить ее кулаком — крепенько, чтобы запомнила и чтобы дурь из башки выветрилась. А потом вспоминал, как она перед тем уволенным мной уродом стояла, и сразу все мысли о наказании выветривались из головы. Глупенькая она и глупенькая, что с нее взять! Зато такая не предаст, не продаст и не бросит никогда. Я как-то раз проверил ее: подговорил одного человечка, чтобы тот ей денег предложил за развод со мной, хороших денег. Придумал целую историю: о богатенькой сучке, которая в меня влюблена и хочет выйти замуж, а Лису сплавить с глаз долой, чтобы не мешала ей. И детали продумал, и даже денег в чемодан насовал — кукол, конечно, но смотрелось впечатляюще.

Честно скажу: я почти знал, чем дело закончится, и затевал его просто так, на всякий случай, для проверки. Как я предполагал, так и вышло: когда до Лиски дошло, что ей предлагают, она на моего человечка как на дурака посмотрела. «Передайте, говорит, вашей даме, что я своего мужа люблю и сама могу за него убить. И деньги спрячьте, не позорьтесь». На том и закончился их разговор.

А мне она об этом случае ничего не рассказала. Я долго ждал и даже пытался ее спровоцировать, намеки разные бросал, только без толку. Не стала она передо мной хвастаться ни своей принципиальностью, ни тем, как дорого ее оценили. А была бы на ее месте другая — все уши бы прожужжала, так что двадцать раз бы подумал: лучше б ты, дорогая, деньги взяла и свалила с глаз долой.

Глава 4

Виктория

Я сидела в офисе, подальше отодвинув от себя чашку отвратительного кофе (во всей Москве, куда бы вы ни пришли, вас напоят отвратительным кофе), и рассматривала из окна людей, бегущих мимо. В основном, конечно же, девушек. Забавно: столько разговоров о моде, и при этом в Москве одеваются на редкость однообразно, я бы даже сказала — однотипно. Правда, в последнее время появились готы, смешные и трогательные в своих попытках цветущим внешним видом подчеркнуть эстетику тлена, а также девочки в розовом с длинными челками, неуклюже рисующие теними вокруг глаз последствия драки с пьяным отчимом.

Впрочем, насчет отчима не ручаюсь — возможно, «розовые» пытаются показать что-то другое. Но все они удручающе похожи друг на друга — в первую очередь именно своими потугами выделиться. Попытка выделиться ставит на человеке невидимое клеймо, печать неудовлетворенности «собой-таким-какой-я-есть», и внимательному взгляду это сразу заметно. Большинство из них не понимает, что смотреть на их одежду интереснее, чем на их лица.

Девушка, чьи фотографии лежали передо мной на столе, явно не собиралась выделяться. Именно поэтому она привлекала внимание — и, уверена, не только мое.

Первое, что бросалось в глаза, — это короткие рыжие волосы, ослепительно-рыжие, красно-рыжие, пружинками торчащие в разные стороны. А затем уже обращали на себя внимание прищуренные глаза, словно ее постоянно слепило солнце, большой рот и курносый нос в веснушках. Чем-то она была похожа на обезьянку — веселую обаятельную обезьянку из мультфильма. А выражение лица, даже когда она улыбается, немного отрешенное, словно она улыбается не только вам, но и кому-то еще, невидимому.

Видеозапись кардинально меняла впечатление о ней. Невысокая и худая, с острыми локтями-коленками, как у подростка, и выступающими косточками ключиц, эта девочка казалась бы нескладной, если бы не отточенная, грациозная плавность ее движений. Когда она сидела или стояла на месте, замерев, вы даже могли подумать, что она некрасива. Но

стоило ей начать двигаться, и все менялось: вы удивлялись своей готовности наклеить на нее ярлык дурнушки.

И потом, эта рыжая копна вокруг головы... Как будто вскочила девчонка утром с постели и, не расчесавшись, отправилась гулять. «Взрыв на макаронной фабрике» — вот как раньше называли такие прически. И не захочешь, а обернешься вслед такому буйному цвету.

Просто не верится, что на такой своеобразной девочке женился мой бывший муж.

Ну, здравствуй, Алиса Кручинина. Давай познакомимся с тобой поближе. Вернее, это я познакомлюсь с тобой поближе, побуду рядом, а ты не обращай на меня внимания, пожалуйста. Чем меньше ты знаешь обо мне, тем лучше.

Итак, ты вышла замуж за Кирилла всего год с небольшим назад, когда тебе было двадцать два. У тебя очень неплохое экономическое образование... раньше ты вела бухгалтерию мужа, помогая главбуху... но сейчас не работаешь. Ты ходишь в танцевальную студию три раза в неделю и занимаешься по два часа, а еще любишь плавать в бассейне. У тебя нет любовников, и ты частенько бываешь в квартире родителей, хотя для этого тебе приходится ездить через пол-Москвы. У тебя есть права, но ты не водишь машину, и у тебя много знакомых, но нет друзей. У тебя занятная привычка: ты частенько меняешь маршруты, подчиняясь какой-то своей прихоти. Бедные мальчики, следившие за тобой, одно время были уверены, что ты заметила слезку и пытаешься их запутать... Но это не так. Ты много гуляешь, забираешься в такие места, где жене Кирилла Кручинина совершенно нечего делать, и кажешься любопытным подростком, а не молодой женщиной двадцати трех лет.

Ты совсем не во вкусе моего мужа. Я видела фотографии его шлюх, которых он регулярно снимает, — все они одинаковы: низкие, грудастые, с вислыми жадами и толстыми, накачанными гелем губами, которые кажутся непристойными на их лицах. Его вкус — это вкус мужика из поселка Сортировочный. Ты познакомилась с ним в ночном клубе, и если бы я меньше знала о твоей жизни, то предположила бы, что ты танцевала настолько зажигательно, что свела его с ума. Но я достаточно хорошо осведомлена, моя маленькая Алиса.

Наверное, это ты сошла от него с ума. Я могу тебя понять: когда-то я точно так же, как и ты, была влюблена в него, и если бы кто-то его убил, могла покончить с собой от горя. Ты не допустила, чтобы его убили.

Он уволил одного из своих работников... Уволил подло: сам же разрешил отпраздновать день рождения начальника цеха и даже прислал

выпивку, а затем, за пятнадцать минут до окончания рабочего дня, когда все уже были навеселе, лично явился в цех и устроил фарс. Зная Кирилла, не сомневаюсь, что это доставляло ему удовольствие. Вытащил ничего не понимающего мужчину при помощи своих амбалов из кабинета и устроил показательное выступление на тему «Пьянству — бой!». Никто и пикнуть не смел — ну что вы, хозяин развлекается!

Но он немного просчитался. Привык иметь дело с трусливыми крысами и не ожидал, что нарвется на большую крысу, которая решит перегрызть ему горло. Мужчина, которого Кирилл уволил, оказался вдовцом, полгода как потерявшим жену. Он один воспитывал трех дочерей, младшей из них было всего четыре. Дома у него хранился пистолет, и на следующий день после сцены увольнения он пришел с пистолетом в главный офис Кирилла для того, чтобы убить его.

Ты оказалась у Кирилла случайно. К тому моменту вы уже два месяца встречались, и ты несколько раз в неделю заезжала за ним по вечерам в его офис, а потом он вез тебя к себе в большую квартиру в центре — купил ее вместо той, из которой выгнал меня. Когда несчастный вдовец поднялся в кабинет Кирилла и наставил на него пистолет, ты встала перед ним и каким-то образом уговорила опустить оружие. Он не захотел стрелять в тебя. Ему нужна была не ты, а мерзавец, лишивший его работы.

Больной крысе дорого обошлась ее слабость. Три года тюрьмы... Хотя год спустя его, кажется, выпустили досрочно... Нужно проверить эту информацию — я предпочитаю знать как можно больше о тех людях, с кем жизнь сталкивала Кирилла. Тем более — о таких людях.

А мой бывший муж женился на тебе.

На свадебной фотографии, которую раздобыли мне мальчишки из агентства, у тебя немного растерянное лицо, как будто ты сама не веришь своему счастью. Вы совершенно не смотрите вместе, и ты, похоже, это понимаешь. Зато Кирилл — красивый, с волчьим взглядом и кривой усмешкой — все время покровительственно держит руку на твоём плече, и ты, наверное, считаешь, что он защищает тебя, и так будет всегда.

Я расстрою тебя, маленькая Алиса. Не будет. Я приложу к этому все усилия.

На меня работают три небольшие, но вполне профессиональные команды. Первая в течение нескольких месяцев собирала всю информацию о Кирилле и его семье, окружении, бизнесе, привычках, хобби и прочем — обо всем, что составляет его жизнь. Вторая, классом на порядок выше первой, была отправлена искать следы преступления, когда-то совершенного моим бывшим мужем. Третья отвечала за то, чтобы нанести

прицельный удар по той части его жизни, которая, похоже, очень много значила для Кирилла.

И вот с этой третьей сегодня возникли сложности.

Я посмотрела на двух мужчин, сидевших напротив меня и ждавших, пока я заговорю. Старший из них, молодцеватый бритый мужчина с пронзительными глазами и суетливыми движениями, противоречившими взгляду, похлопывал себя по коленке и пытался изобразить лицом выражение «я весь внимание».

— Значит, Володя, у вас ничего не получается...

Володя дернулся, заготовленное выражение слетело с его лица:

— Все идет по плану!

— Они познакомились три недели назад, — напомнила я. — И за это время дело не сдвинулось с мертвой точки.

— Их отношения...

— Их отношения не развиваются. Три недели — это много, Володя. Не поймите меня превратно: я готова ждать... Но мне нужен результат, а не топтание на месте.

— Раньше у нас не было проколов.

— Меня не интересует ваш предыдущий опыт. Меня интересует то, что есть сейчас.

— Да девка какая-то странная! — не выдержал он. — Гулять с ним ходит каждый день, — он кивнул в сторону помощника, — а больше ей ничего и не нужно. Может, она фригидная?

— Рома? — Я вопросительно взглянула на красавца, сидевшего рядом с маленьким сутулым Володей. Хорош, очень хорош. Практически образцовый экземпляр самца. Что самое удивительное — глаза не пустые, как ожидалось, а с проблесками мысли и чувства.

Он помялся, вздохнул.

— На контакт она идет легко, но близко к себе не подпускает. Раньше бы сказали — «динамо» крутит. Молчуньей ее не назовешь, болтушкой — тоже. Но интереса к себе я, честно говоря, не вижу.

Последнее признание далось ему нелегко — он не привык расписываться в собственном поражении.

— Может, она лесбиянка? — предположил Володя. — А что, похоже! Если она на Романа не запала...

— Если она на Романа не запала, — резко перебила я, — значит, он что-то сделал не так. За ней следят уже три месяца, и у нас не было ни одного основания заподозрить ее в гомосексуальных связях. Все ее постоянные маршруты известны: дом — бассейн — квартира родителей —

магазин — танцевальный клуб.

— Но вы же сами говорили, Виктория, что она неоднократно уходила гулять непонятно куда! Один раз даже на стройку залезла! Ненормальная девица, ей-богу.

— Она всего лишь шла куда глаза глядят. Никакими любовниками или любовницами там и не пахнет. А что касается ненормальности, то, уверяю вас, нездоровые люди способны на влюбленность точно так же, как и мы с вами.

— Она в меня не влюблена, — подал голос хмурый Роман. — Я такие вещи секу. Хотя...

Он сделал паузу, сдвинул густые брови.

— Что — «хотя»?

— Я допускаю, — медленно сказал он, подбирая слова, — что не понимаю ее. Не чувствую. Знаете, как бывает: нет настроения на общую волну. У меня такое впечатление, что я — на волне, а она вообще где-то в космосе летает.

— В безвоздушном, блин, пространстве, — буркнул его шеф. — Короче, Виктория, выбор за вами: или я Рому заменяю, или оставляем его и ждем, упадет на него девка или нет.

Я поморщилась: не люблю дешевые словечки и жаргонизмы.

— Девушка, — тут же поправился он. — Ну так что?

Я молчала, раздумывая. Видите ли, этой девочке отведена значительная роль в том, что я задумала, и проколов быть не должно. Если вслед за Романом появится другой человек, это может ее насторожить. Маленькая птичка, беззаботно напевающая в густых ветвях, ты не должна чувствовать присутствия охотника, внимательно разглядывающего тебя сквозь листву.

Каждый шаг в течение последних трех недель был выверен. Сначала — знакомство, и не банальное уличное «девушка, как вас зовут», а загадочное, удивительное. Володя сказал, что они уже дважды использовали прежде историю с рисунком, и оба раза успешно. Романтика всегда беспроигрышна, это вечная приманка, на которую попадались и будут попадаться маленькие птички.

Мальчика выбирала я, и выбрала лучшего. Никакой слащавости, никакой изнеженной рафинированности, которая стремительно вошла в нынешнюю моду стараниями самих мужчин. Он дорого обходится мне, этот мальчик, и до последнего времени я полагала, что он стоит таких денег. Но никогда нельзя предсказать, где именно тебя поджидают сложности: маленькая рыжая Алиса оказалась неожиданно крепким

орешком, хотя мне казалось, что с ней не должно быть проблем.

Надеюсь, вы понимаете, что в мою задачу не входило соблазнить ее красивым тренированным телом Ромы и подвигнуть на измену мужу? Это было бы слишком примитивно. Мне нужно, чтобы девочка влюбилась, потеряла голову, начала делать глупости и в итоге оставила Кирилла — как раз тогда, когда это станет для него самым сильным ударом. «Уж если ты разлюбишь, так теперь — теперь, когда весь мир со мной в раздоре!» Кирилл никогда не читал сонетов Шекспира, и он не из тех мужчин, что рыдают из-за ухода любимой жены, но эффекта последней капли никто не отменял.

За годы жизни за границей я привыкла просчитывать все последствия своих поступков. Не буду скрывать, что одним из возможных последствий в «линии Алисы» может быть ее смерть. Я хорошо знаю Кирилла — точнее, я хорошо узнала его после того, как мы развелись — и потому не питаю иллюзий по поводу того, что он безболезненно даст развод своей юной жене, влюбившейся в какого-то шалопаю. Но если Роман находится под защитой, то маленькая Алиса одна, и никто не встанет между ней и ее разъяренным мужем, у которого отбирают его собственность.

Признаюсь, для меня это был бы лучший результат из возможных. Вы считаете меня циничной? Наверное, так оно и есть. Но упрятать Кирилла в тюрьму за убийство собственной жены — о, это была бы прекрасная развязка, ироничная и тонкая.

Но всерьез рассчитывать на такой исход нельзя. Поэтому я лишь держу этот вариант развития событий в качестве возможного, но маловероятного, а подготовкой крушения жизни Кирилла Кручинина занимаются другие люди — те, что пытаются найти тело его бывшего друга, Сени Головлева.

Может быть, вас удивляет, что я вернулась из своей благополучной жизни после стольких лет, чтобы отомстить бывшему мужу? Возможно, вы считаете, что я представила себя графом Монте-Кристо в юбке? В таком случае я вас разочарую. Причина в ином.

Я вовсе не испытываю ненависти к Кириллу. Но чувство, которое сидит во мне все эти годы, сродни ощущениям человека, который построил башню из кубиков, собрал ее, подогнал один к другому, как рабы подгоняли блоки египетских пирамид, и вдруг увидел, что один кубик вываливается из сооружения, нарушая гармонию, которая была столь близка. Мой мир, выстраиваемый долго, упорно, мир, в котором я подогнала все детали и склеила их так, что теперь-то башня точно не развалится, этот мир имел несовершенство в основе своей конструкции. И меня преследовало чувство, что если не исправить это несовершенство, то и вся башня не

сможет долго стоять: рано или поздно наступит момент, когда она накроется и рухнет, придавив меня своими обломками.

Несовершенство. Я нашла точное слово. То, что случилось семь лет назад, не должно было случиться со мной. И человек, который придумал все это, не должен остаться безнаказанным. Можете считать меня перфекционисткой, но если один человек в силах исправить несправедливость и воздать всем по заслугам, то почему бы этого не сделать?

Лишь после возмездия можно будет не беспокоиться о безупречности выстроенной им башни.

Деревенька была крошечная, заросшая бурьяном и полынью так, что, казалось, лишь макушки домов выглядывают из серо-зеленого моря, по которому ветер гонит волны. Две улочки пересекались крест-накрест, и на перекрестке, когда-то относительно широко, а теперь сжато высокой наглой травой, чуть в стороне возвышалась гряда песка, в котором возился чумазый мальчишка лет шести.

Сергей Бабкин насчитал шестнадцать жилых домов и около двадцати прочих. Под «прочими» подразумевались сгоревшие, брошенные, состарившиеся и осевшие без хозяев жилища, беспомощно протягивавшие из-под проломленных крыш сгнившие доски.

«Какой идиот придумал здесь деревню строить? Дурное место, бестолковое...»

Сергей ворчал себе под нос, разбирая вещи, хотя прекрасно знал, что когда-то здесь стояла небольшая усадьба помещиков Голицыных, а при усадьбе разбили грушевый сад, и потому-то и выбрал это место старый помещик, что земля была подходящая для груши. Теперь от сада осталось только воспоминание: лес надвигался на деревеньку сзади, бурьян с полынью затопляли изнутри. Никто не хотел строиться в Голицыне, хотя вокруг стояли сосновые леса, а всего в двух километрах с небольшого обрыва открывался живописный вид на стремительную речку Курешу.

К ней-то и собирался ехать Сергей Бабкин, отправленный Илюшиным «на разведку» по заданию Виктории Венесборг.

Он остановился на окраине деревеньки, у тощего жилистого мужичка, представившегося Григорием. Все плечи и руки Григория были в синих наколках, и синие вены на запястьях тоже казались результатом работы татуировщика. Быстро договорившись об оплате, хозяин цыкнул золотым зубом, показал Сергею, куда ставить машину, и скрылся в доме, предоставив Бабкину самому обследовать временное пристанище.

Получаса Сергею хватило, чтобы забросить вещи в маленькую комнату-чуланчик, отведенную хозяином ему для проживания, и пройтись по Голицыну. Увиденное заставило его поморщиться и недобрый словом помянуть Илюшина, всегда отряжавшего напарника для выполнения черной работы.

В конце концов он вернулся в домик, переделся и, разобрав багажник своего «БМВ», уложил обратно надувную резиновую лодку с устрашающим названием «Мурена». Сообщив хозяину, что отправляется на разведку, Бабкин выехал со двора и неторопливо поехал по деревне.

Возле кучи желто-серого песка, где играл мальчишка, стояла молодая женщина и что-то выговаривала ему, наклонившись и показывая рукой куда-то за дом. Непроизвольно проследив взглядом за ее жестом, Бабкин увидел на скамеечке возле ближайшей развалюхи странного человека. В первую секунду ему показалось, что это очень крупный подросток, но уже в следующую он понял, что ошибся: это был парень лет двадцати с печатью слабоумия на лице, широко расставивший ноги в спортивных штанах и ритмично похлопывавший себя по груди. Когда Сергей проезжал мимо, женщина отвлеклась ненадолго от увещеваний и внимательно посмотрела на машину, но на вежливый кивок Бабкина не ответила.

— Неприветливый тут народ, — удрученно сообщил Сергей в пространство. — Некультурный. Одно слово — деревня.

На берегу он быстро накачал лодку и бросил внутрь два спиннинга. Бабкин не рассчитывал, что будет выглядеть опытным рыбаком, но и не хотел разрушать немудреную легенду. Рассказывать деревенским жителям о том, что он приехал на поиски трупа, зарытого около восьми лет назад где-то в окрестностях, Сергей не собирался, а потому требовалось простейшее объяснение для его визита и поездки на островок.

Течение и впрямь оказалось сильным, и, ожесточенно работая веслами, Бабкин следил, чтобы его не снесло мимо островка, где, по утверждению Виктории Венесборг, их новой клиентки, находилось тело человека, убитого ее бывшим мужем.

Семен Головлев, приятель Кирилла Кручинина, был на два года старше его. Где они познакомились, Виктория не могла сказать точно, но из обрывочных фраз мужа у нее сложилось впечатление, что они приятельствовали с юности, еще с тех пор, когда Кирилл жил в небольшом приволжском городе.

С девяносто четвертого года Сеня занимался грабежами и был судим один раз, но получил условный срок. После этого он стал осторожнее, избегал нападать на пьяных мужчин — именно такой с виду совершенно

безобидный подвыпивший мужичок при требовании снять дубленку тут же протрезвел и в два счета скрутил Сеню.

В тот зимний вечер дочь местного бизнесмена возвращалась домой одна. На дне рождения подружки она поссорилась со своим парнем и из принципа, из глупого юношеского куража, решила пойти пешком. Двадцать лет, норковая шубка, золото, часы, крупная сумма денег в сумочке... Девушка представляла собой идеальную добычу для грабителя.

Но все пошло не так, как задумывал Головлев. Вместо того чтобы безмолвно отдать то, что от нее требовали, добыча по имени Лиза Чиркова начала кричать и сопротивляться. Сеня всегда носил с собой нож, однако использовал его тогда в первый раз. Одного удара хватило, чтобы девушка скончалась на месте.

Забрав с собой деньги и украшения, Сеня сбежал и залег на дно, однако предварительно сбыл награбленное. Одни только бриллиантовые сережки потянули на круглую сумму, что уж говорить о кольцах, которыми баловал Лизу состоятельный отец.

Через сбыт краденого на Семена-то и вышли. Он не знал, кем была его жертва. Отец Лизы поднял на ноги всю милицию и прокуратуру, после чего поимка Головлева была только вопросом времени. Он не отпирался, признал свою вину, и в итоге суд вынес приговор — шесть лет лишения свободы. Денег, вырученных им за продажу вещей убитой, так и не нашли, как и пары украшений. Следователь пытался привязать к этому делу и друга Сени, Кручинина, но у Кирилла оказалось алиби — в тот вечер он уезжал к родителям.

Это было в тысяча девятьсот девяносто четвертом году.

А в две тысячи первом Головлев был признан пропавшим без вести. Виктория Венесборг утверждала, что он убит ее мужем, но не могла назвать ни одной причины, зачем Кириллу Кручинину понадобилось убивать приятеля.

Лодку Бабкина подхватило течением и мигом вынесло на стремнину, где поток закрутил ее, намереваясь пронести мимо островка, растекшегося точно посреди реки зеленой каплей с желтыми краями. Ожесточенно работая веслами, Сергей поминал на чем свет стоит и Викторию Венесборг, пришедшую к ним с какой-то мутной историей, и Илюшина, согласившегося на расследование. Бабкин добавил было про себя «заведомо провальное», но, подумав, признал честно, что Виктория действительно могла оказаться права. «В конце концов, женская интуиция... Наблюдательность... Черт его знает, может, и в самом деле на островке уже восемь лет гниет труп грабителя-убийцы».

Именно этим объяснялось его нежелание заниматься делом Венесборг. Основным направлением их с Макаром работы был розыск пропавших людей, и хотя периодически по окончании расследования они находили не живого человека, а его бранные останки, это все-таки принципиально отличалось от задачи, сформулированной новой клиенткой: найти тело. Трупы искать Сергей не любил, несмотря на то, что за свою жизнь повидал их немало. А может быть, именно потому.

Лодка с шуршанием ударилась о берег, подмытый волнами, и из-под нее в воде разлетелись мальки. Выпрыгнув, Бабкин вытащил «Мурену» на песок и осмотрелся.

Противоположный берег был чист. Сергей разглядел свою машину, оставленную в тени старой ивы, и на секунду ему показалось, что неподалеку от нее в кустах кто-то есть, но ветер стих — и кусты перестали шевелиться.

На острове вслед за узкой полосой песка, на котором отпечатались лишь следы волн да его собственные, стеной шли ивы — старые, коряжистые, переплетенные друг с другом ветвями, словно сцепившие руки в готовности не пускать чужака в свои владения. А из-за них плотным частоколом вставали сосны, казавшиеся слишком высокими для такого маленького острова. Птицы не пели, и все, что слышал Сергей, — это мерный плеск быстрых речных волн и негромкое хлюпанье воды под днищем лодки.

«Что ж, пора на разведку».

Он сменил сапоги на удобные кроссовки и пошел вдоль враждебных ив, вглядываясь в переплетение ветвей. Сто метров спустя Сергея стало одолевать нехорошее предчувствие, что придется возвращаться за топориком и вырубать проход, потому что пробраться сквозь эти заросли не было никакой возможности, но тут он увидел узкую тропинку, уводившую с берега в глубь острова. То ли постарались рыбаки, приезжавшие сюда, то ли прокладывавший тропу воспользовался естественным расположением деревьев, но только по обеим ее сторонам ивы отступали, давая место высоким трубкам борщевика, растопырившего крупные пятерни белых соцветий.

Через борщевик Сергей пробрался без особых сложностей и вскоре очутился в лесу. Он ощущал себя человеком, преодолевшим кордон, тем более что за его спиной трава тут же сомкнулась, скрывая тропу. Теперь его окружали редкие золотистые сосны, кора которых переливалась на солнце, как рыба чешуя.

Тропинка потерялась, растаяла в невысокой траве, и Бабкин пошел

сначала вдоль изнанки ивового кордона, а затем резко свернул влево, потому что увидел то, что привлекло его внимание: глубокую яму — видимо, естественный провал, в два человеческих роста, — дно которой вспучилось черной землей, видной даже из-под травяного ковра. Сергей двинулся в обход и вскоре заметил еще одну такую же яму, чуть поменьше, через которую перекинулась упавшая сосна. Рыжие засохшие иголки засыпали склон.

Бабкин обошел лес. Весь он был перекорежен, словно его бомбили много лет назад и раны до сих пор не зажили. Дальняя его оконечность поднималась вверх под сильным углом, и Сергей вскарабкался на обрыв, чтобы быть вознагражденным видом синей Куреши, омывавшей заостренный остров с двух сторон.

На шалаш он наткнулся неожиданно, когда почти решил, что пора возвращаться. Самое удивительное заключалось для Сергея в том, что он уже проходил мимо этого места, но шалаша не заметил — видимо, отвлекся на вторую яму, находившуюся неподалеку. Здесь неведомо откуда выныривала тропинка, потерявшаяся на входе в лес, и приводила к раздвоенной сосне с толстым стволом, в развилке которой уместилась подушка из иголок, мелких веточек и птичьих перьев. А сразу за сосной стоял шалаш.

Он оказался в четыре раза больше, чем представлял по описанию Сергей, и от этого еще удивительнее было, что он смог пройти мимо, не разглядев его. Те, кто строил шалаш, вряд ли ставили своей целью замаскировать это сооружение, но если бы они и постарались, у них не получилось бы лучше. Узкие длинные колья, воткнутые в землю, обросли светло-зеленым вьюном с цветками-колокольчиками, а заросли дикой малины закрыли шалаш сзади и сбоку, разрастаясь с каждым годом и окружая постройку кольцом.

Вход был завешен длинным брезентовым полотнищем, и Бабкин покачал головой: поразительно, что никто не утащил его за все эти годы. «Может, здесь никто не появлялся, кроме тех двоих, Кручинина и Головлева?» Он отодвинул полотнище и забрался внутрь.

В шалаше можно было стоять не нагибаясь. Вдоль стены были выложены сухие ветки, наваленные друг на друга, а в центре стояла перевернутая ржавая кастрюля, вокруг которой проросла мелкая травка. Бабкин оторвал кастрюлю от земли, и под ней обнаружили червяки и жучки.

Пахло сырыми ветками, гнилью и опавшими листьями. Высунув голову наружу, Бабкин вдохнул свежий сосновый воздух и снова вернулся.

Присел на корточки и пошарил вдоль стен, откидывая ветки, превратившиеся в сухие палки.

Тайничок обнаружился быстро — выкопанная в земле ямка, выложенная пакетом и плотно закрытая сверху крышкой от кастрюли — похоже, той же самой, которую он отодвинул пару минут назад. Сергей ожидал увидеть нож, обязательные рыбацкие принадлежности вроде крючков и блесен, бутылку, в конце концов, но вместо этого обнаружил еще один пакет, плотно перемотанный бечевкой, и моток синей изолянтной ленты. Изолянтную ленту он оставил в тайничке, а пакет размотал, и оттуда на ладонь ему вывалилась брошь в виде летящей золотой птицы с глазом-камешком зеленого цвета. Выглядела вещица необычной, и Сергей, аккуратно упаковав ее, сунул брошь в карман.

Дальнейший осмотр внутри ничего не дал. Но хотя бы в этой части рассказ Виктории Венесборг был правдивым, а значит, могло быть правдой и все остальное.

Выбравшись наружу, Сергей окинул взглядом шалаш, с невольным восхищением отмечая, что построен он на совесть. За прошедшие годы большая часть кольев подгнила, ветки, накрывавшие их, давно съехали вниз под тяжестью снега и своей собственной, а малина пробралась через щели внутрь, но Бабкин легко мог представить, как хорошо здесь было восемь лет назад, когда хозяева приводили шалаш в порядок, обновляли ветки, выстилали себе постели из соснового валежника... «Интересно, что же здесь произошло?»

Сергей сделал несколько шагов к старой сосне с раздваивающимся стволом и провел рукой по коре, на которой едва заметен был глубокий след, словно порез — должно быть, в нее втыкали топор. Ладони стало тепло — кора нагрелась под солнцем. На медовой слюде заиграли солнечные лучи, похожие на блики в реке.

Июль две тысячи первого года

Сеня сидел перед шалашом и неспешно занимался делом. Время от времени он отрывал взгляд от своей работы и бросал его на раздваивающийся ствол сосны, росшей в нескольких метрах от входа. На медовой слюде играли солнечные лучи, казавшиеся ему похожими на блики в реке, — солнце уже два часа как встало.

За его спиной из шалаша доносился храп: Кручинин, принявший вчера чуть больше, чем требовалось, не собирался просыпаться, хотя накануне

они договорились о том, что рванут рыбачить с самого раннего утра. Ну да черт с ним, думал Сеня, обводя контур рисунка карандашом, все равно не на рыбалку сюда ездим — так, побаловаться, поиграть в индейцев на природе.

Его кольнула неприятная мысль, касающаяся приятеля, но он не стал заикливаться на ней — сейчас все его внимание было посвящено предмету, который он держал в руках. В тюрьме он научился вырезать по дереву, и оказалось, что у него есть к этому способности. Со своим набором стамесок Сенька мог создать такой рисунок, что люди вокруг только ахали.

Короткий нож с широкой деревянной ручкой всучил ему знакомый, упрашивая хоть чем-нибудь его украсить. Сенька сначала сопротивлялся, объясняя, что не собирается портить сугубо утилитарную вещь, а потом догадался, что никакого практического применения ножу не будет: повесит его хозяин на стену и станет им любоваться. После чего согласился взять заказ, и вот теперь, предварительно расписав ручку тонким карандашом, работал штихелем по контуру рисунка — медведя, стоящего на задних лапах.

День обещал быть жарким, но пока в лесу стояла сонная утренняя прохлада. Косые лучи ложились на землю и стволы сосен, сверкали в росе, высыпавшей на редких травинках. Сеня прислушался к храпу, доносившемуся из шалаша, и понял, что проголодался.

Он вспорол банку тушенки, отрезал ломоть хлеба и принялся с наслаждением поедать всухомятку немудреный завтрак, поглядывая на незаконченную работу, отложенную на ближайший пень.

Какой-то звук заставил его насторожиться. Он сам толком не понял, что ему не понравилось, и даже не отдал себе отчета в своих ощущениях, но весь напрягся, как зверь, услышавший запах охотничьих сапог.

Когда кусты маличника сбоку от него зашевелились, Сеня ничем не показал, что видит это, однако плавным движением потянул из-за пояса собственный нож — не игрушку, а настоящий, охотничий — и замер, дожидаясь, пока незванный гость покажется на свет из кустов. Животных на островке быть не могло, а значит, к ним пожаловал человек. То, что пришелец явно прятался, говорило о враждебных намерениях, и Сеня подумал, не свистнуть ли Кручинину, чтобы тот проснулся, но затем решил, что пока не стоит. Это мог быть всего лишь местный голицынский алкаш, которого сдуру занесло на остров.

Краем глаза он следил за кустами, фальшиво насвистывая себе под нос и делая вид, что увлечен размазыванием тушенки по куску хлеба. Узкое

острие охотничьего ножа плавно приминало кусочки, и на землю падали капельки вкусно пахнущей жидкости.

Прошла еще пара минут, и из кустов наконец выполз человек. Он издал негромкое мычание, и Сеня, повернув голову, увидел, кто это такой.

Идиотик. Узколобый мальчишка непонятного возраста («лет пятнадцати, что ли?») с глубоко посаженными косыми глазами, выпяченной нижней губой и слишком длинными, непропорционально длинными, как веревки, руками, пальцы которых были похожи на распухшие сосиски. Руки Сеня заметил в первую очередь, потому что парень тянулся к ножу, лежавшему на пеньке.

— Эй!

Сенька окликнул его негромко, однако идиот дернулся так, словно и не подозревал о существовании человека, сидевшего всего в нескольких шагах от него. «А черт его знает, — подумал Сенька, — может, и в самом деле не подозревал. Поди разберись, что там у них в голове, у ушибленных».

— Не трогай. Нельзя.

Неизвестно, понял дурачок его или нет, но руку отдернул. Он был в шортах и короткой цветной рубашке, и с его одежды стекала вода.

— Вплавь добрался? — озадаченно спросил Сеня. — Ну ты даешь... Тут же течение.

— М-м-м... — промычал парнишка, выкатив на него мутноватые белки. — Ку-уре-оша...

— Куреша, угу.

— Ку-уре-оша! — настойчиво повторил идиот.

— Да, да. Понял я, понял.

— Ку-уреша! — Мальчик повысил голос и даже головой затряс, словно так ему было легче произносить слова. — Ку-уре-оша — Алеша!

Выговорив заключительное слово, он облегченно плюхнулся на задницу и заулыбался, щеря редкие зубы.

— Алеша! — понял Сеня. — Значит, зовут тебя так, да?

— Але-е-оша!

— Ясно. А я Семен.

С коротких, ежиком стриженных волос слабоумного струились тонкие ручейки воды. Сене неожиданно пришло в голову, что неплохо было бы достать для мальчишки полотенце — не годится сидеть мокрым по прохладе.

Дурачок тем временем отвел взгляд от ножа и уставился на открытую банку тушенки. Из банки вкусно пахло, и он открыл рот, сделал движение, будто жует воздух, и снова закрыл.

— Да ты, значит, голодный... — негромко произнес Сеня с такой интонацией, с какой незлой человек говорит с приبلудной собакой. — Ну, иди сюда, иди...

На его предложение идиот неожиданно отозвался: перевел глаза на Сеню и что-то неотчетливо промычал. Глаза у него были мутноватые, голубые, под безбровыми дугами, сильно выступавшими вперед.

— На, поешь.

Сеня в две секунды сделал ему такой же бутерброд, как и себе, и протянул, глядя на дурачка со смесью брезгливости, любопытства и жалости.

Тот, не раздумывая, выбросил вперед несоразмерно большую руку, схватил еду и, торопливо запихнув в рот, проглотил, будто и не жуя. Из угла рта потекла ниточка слюны, дурачок стер ее тыльной стороной ладони и снова улыбнулся — на этот раз не в пространство, а Сене.

Семен покачал головой, сделал еще один бутерброд и отвернулся. Через несколько секунд, когда он взглянул на дурачка, от бутерброда не осталось ни крошки, а мальчишка сосредоточенно водил пальцем по губам, словно раздумывая, укусить самого себя или не стоит.

Он был очень крупный, ростом почти со щуплого Сеню, но при этом вялый — опущенные плечи, слишком длинные руки, висевшие плетью вдоль тела. Покосившись на него, Сенька все-таки забрался в шалаш, вытащил из сумки полотенце — Кручинин даже не проснулся от его возни — и вернулся к парнишке.

— Одежку свою сымай, — приказал он вполголоса. — Давай, не стесняйся. Просушить тебя надо.

Идиот испуганно шархнул от него, и Сенька не стал связываться. «Все равно обратно поплывет, снова вымокнет». Он перекинул полотенце через ближайший сук и уселся на свое место, забрав с пенька нож, над которым работал.

Парень следил за ним будто зачарованный. Когда Сенька принялся колдовать над фигурой медведя, мальчишка даже язык высунул, и розовый кончик его шевелился между полуоткрытых губ, поблескивавших от слюны. Через некоторое время Алеша не вытерпел и подполз вплотную, весь перемазанный в иголках, земле, налипших на мокрую одежду и тело травинках...

— Кто ж тебя одного отпускает, а? — спросил Сеня. — А если бы ты в реке утонул? За тобой присмотр нужен, так ведь?

Идиот снова заулыбался во весь рот и согласно замычал, руками выделывая какие-то пассы, размахивая прямо перед Сенькиным лицом.

— Но, но! Ты поосторожнее!

От его окрика мальчишка тут же дернулся в сторону, закрыл голову руками и захныкал.

— Да ты чего? — искренне удивился Сеня. — Думал, бить тебя буду, что ли? Брось!

Идиот слабо возил ногами в земле, поднимая пыль.

— Сказал, хватит! — прикрикнул Семен, начиная раздражаться.

Наступило молчание, которое нарушилось сонным голосом из шалаша:

— Э-э, Сень! Ты меня, что ли?

Услышав новый голос, парнишка поднял голову, и на тупом лице его отразился страх. Он попятился и с неожиданным проворством исчез в тех же кустах малины, из которых появился. А секунду спустя из шалаша показалось распухшее спросонья лицо Кирилла Кручинина.

— Здорово! Ты сам с собой разговаривал, что ли? — Зевая, он выбрался наружу, остановился, потягиваясь.

— С тобой-то не поговоришь, — пожал плечами Семен, бросив взгляд в сторону кустов и убедившись, что дурачка не видно. — Всю рыбалку продрых.

— Плевать. Вечером порыбачим.

Кирилл плюхнулся рядом с приятелем, покосился на его работу.

— Как спалось-то? Что рано встал? Совесть мучает?

Он хохотнул — угукнул, как филин — и похлопал Семена по плечу.

— Мучает... иногда, — помолчав, сдержанно отозвался тот, не желая поддерживать шуточный тон. — А тебя нет?

— А с чего ей меня мучить? — искренне удивился Кирилл. — Я зла никому не делаю.

— Неужели? Да ты, Кирюха, святой!

— Я серьезно. Если бог меня таким создал, значит, я ему зачем-то нужен. И все, что делаю, ему нужно. А значит, это бог делает моими руками, не я. Все же в мире по его воле, верно?

— Ого, философию развел! Раньше тебя на умствования не тянуло...

— Повзрослел. — Кручинин пожал плечами, легко поднялся, и Семен со скрытой завистью посмотрел на него: сильное тренированное тело с широкими плечами, загорелое, покрытое светлыми волосками, золотящимися в свете солнца. Сам-то он вернулся из тюрьмы насквозь больным...

— Как Вика поживает? — помолчав, спросил Семен.

— Живет помаленьку.

Сеня подождал продолжения, но Кирилл явно был не намерен развивать тему. Он стоял боком, подставив лицо солнечным лучам и вдыхая густой сосновый воздух. Ноздри у него раздувались, как у коня.

— Ты ее того... не обижай, — сказал Семен Кручинину. — Она у тебя девчонка глупенькая, но хорошая, поверь мне. В огонь и в воду за тебя пойдет. А ты на нее лаешься.

— Брось.

— Я тебе правду говорю. Слышал, как ты с ней говорил, когда последний раз в гостях у вас был. Она на тебя не надышится, и другой бы на твоём месте такую красоту на руках носил.

— Ты сам, что ли, хочешь побыть на моем месте? — Кирилл обернулся к нему, недобро прищурился, насмешливо вздернул верхнюю губу, отчего стал похож то ли на волка, то ли на собаку, готовую укусить. — Так я не против. Пользуйся на здоровье. Мозги мне только не полощи, ясно?

— Да я тебе...

— Все, Сеня! Со своей бабой я уж как-нибудь сам разберусь. Без твоей помощи.

Кручинин снял с сука полотенце, незадолго до того брошенное на него Семеном, и направился по тропинке к реке.

Головлев подождал, пока широкая спина Кручинина скроется из виду, взвесил нож в руке, поразмыслил и вдруг с размаху швырнул его в ближайшую сосну, ствол которой раздваивался на уровне его глаз. Перед броском он был уверен, что ничего не получится: центр тяжести сместился, и теперь одно украшательство стало, а не нож. Однако клинок, просвистев, вонзился в кору.

Поднявшись, Сеня подошел к дереву и осмотрел его. Лезвие сидело глубоко. Ухватившись за рукоять, он вытащил нож, обтер и задумчиво подбросил в руке.

Глава 5

Кирилл с утра был мрачен. Во-первых, около шести его разбудили своими криками неразлучники Алисы — он все время отчего-то хотел назвать их пересмешниками, — а во-вторых, предстоявшая сегодня деловая встреча перенеслась на несколько часов по вине другой стороны. Он терпеть не мог менять планы в последний момент, а из-за этой встречи пришлось перекроить весь день.

— Что, раньше предупредить не могли? — зло спросил Кручинин у своего исполнительного директора, Давида.

Тот виновато развел руками, принимая вину на себя. Контракт был им нужен, поскольку приехавший из Швеции предприниматель предлагал оборудование для цехов на десять процентов дешевле, чем его конкуренты, а шведская сталь, из которой вытачивались диски и ножи, не шла ни в какое сравнение с отечественной.

— Баба... — сказал, будто сплюнул, Кирилл.

Он на дух не переносил женщин в бизнесе, и с теми из них, с кем получалось довести дело до постели, вел себя так, что его просили о пощаде. Ему нравилось демонстрировать выносливость, принуждать самодовольных сучек унижаться и выпрашивать передышку. Большинству из них его доминирование откровенно нравилось, и это заставляло Кручинина относиться к ним с еще большим презрением. «Бизнесменши...»

В довершение нескладностей сегодняшнего дня в нем тонкой иглой засело неприятное чувство. Кручинину оно напоминало свербение в руке, на которую сел комар, приготовившись вонзить хоботок, за мгновение до того, как будет проткнута кожа. Ребенком он развлекался: ждал, пока комариха усядется на запястье или плечо, пристально смотрел, как она выбирает место, затем давал ей проколоть кожу, напиток... И только потом убивал. Среди детей бытовало поверие, что если прихлопнуть комара сразу после того, как он насосется крови, то волдырь не вскочит. Ерунда, конечно... Кирилл сначала в это верил, потом перестал, но, и перестав, продолжал под настроение бить комаров лишь после того, как те напивались его крови.

Ощущение, что внутри свербит, как перед укусом, поселилось в нем год назад — с того дня, когда больной урод пришел к нему в офис с пистолетом и едва не застрелил его. С тех пор оно сопровождало

Кручинина, что бы он ни делал, и постепенно он привык к нему и даже научился извлекать пользу: например, «зуд» появлялся при встречах с определенными людьми, от которых Кириллу, как потом показывало будущее, следовало держаться подальше.

Сегодня зудело особенно сильно.

— Как ее фамилия? — переспросил он у Давида.

— Ве-нес-борг. Виктория Венесборг.

Когда пять часов спустя в зал для переговоров вошла женщина и улыбнулась Кириллу, в первую секунду он посмеялся над шестым чувством, которое предостерегало его и советовало быть осторожнее на этой встрече. Баба как баба — молодая, красивая, с крепким аппетитным телом. Два помощника при ней — лет по пятьдесят оба, в неброских недорогих костюмах — были куда опаснее: Кручинин на таких насмотрелся и с лету определил в них юристов-крючкотворов, от которых стоило ждать неприятностей.

А в следующую секунду он ее узнал и непроизвольно дернул рукой: показалось, что комар проколол кожу.

Она изменилась. Перед ним стоял другой человек, у которого отчего-то были черты его первой жены. От нее исходила уверенность, и в то же время она казалась совсем непохожей на непробиваемых баб, с которыми он частенько имел дело, — с мужским характером и таким же поведением. Она не стала наслаждаться его изумлением и лишь легонько кивнула ему, показывая, что узнала.

— Ба! Викуша! Какими судьбами?!

Кручинин постарался взять себя в руки и сразу выбить ее из колеи: фамильярным «Викуша», крепким объятием — он подошел к ней, не обращая внимания на удивленные взгляды, и сильно стиснул, провел рукой по ее спине, ощутив неровности нижнего белья под тонким деловым платьем.

— Такими же, что и ты, милый. — Она высвободилась, откинула голову, с насмешкой глядя на него серыми глазами. — Приехала, чтобы обсудить подробности договора. Прошу.

Виктория указала на стол и своим коротким «прошу» сразу взяла на себя функции хозяйки, хотя встреча происходила на территории Кручинина. Начались переговоры. Он, не скрываясь, рассматривал ее, и в душе его поднималось восхищение самим собой: ведь не зря он когда-то женился на ней! Значит, рассмотрел большой потенциал в скромной с виду девчонке из такой же дыры, в какой вырос сам. Получается, она вовсе не дура, раз выбилась в люди. Интересно, благодарна она ему за науку?

Прочесть что-либо по лицу Виктории Венесборг было невозможно — она сохраняла ровное приветливое выражение, и на Кирилла смотрела ничуть не дольше, чем на кого-либо из его помощников. Он изучал ее с жадным любопытством, почти неприличным, и пару раз засмеялся хрипловатым смехом, от которого ее бросило в дрожь. Ей пришлось приложить немалые усилия, чтобы скрыть волнение.

Она не ожидала, что его вид так подействует на нее. Несколько месяцев слезки — и у нее были фотографии, записи, по которым она могла отследить весь его обычный день... Но фотографии фотографиями, а в жизни он выглядел иначе — с этой своей звериной ухмылкой, с привычкой улыбаться половиной рта, со взглядом, раздевавшим ее... Он выглядел в тысячу раз привлекательнее, чем ей помнилось.

Он был мужчиной, который к своим почти сорока годам вошел в полную силу и сам осознавал это, и его уверенность передавалась окружающим. Как Виктория ни пыталась защититься, но и она почувствовала это, и впервые в ее душу закралось опасение, что столь тщательно продуманный и подготовленный план может не сработать. Противник оказался слишком силен и хитер.

Давид, понявший, что шеф встретил знакомую из своего прошлого, удивленно посматривал то на одного, то на вторую. Они были похожи. При небольшой доле фантазии их легко можно было представить братом и сестрой: русоволосые, с правильными красивыми славянскими лицами, каждый — воплощение своего начала, мужского и женского. Кирилл Давид знал четыре года, видел череду его меняющихся женщин и понимал, что они в нем находят. Силу, которую не сдерживает нравственность. Кручинин был из породы победителей — тех, кого никогда не судят, потому что они всегда в выигрыше. Давид видел, что для шефа не существует понятий «хорошо — плохо», «порядочно — непорядочно»... Была целесообразность, которой подчинялись все действия Кручинина, и были его собственные желания, которые Кирилл воплощал в жизнь с завидным упорством. Иногда Давид отстраненно думал, что имеет дело со стопроцентным мерзавцем, но поскольку сам он ценил силу куда больше остальных качеств, это его не задевало. Он понимал, что главное — честно находиться на стороне Кирилла Кручинина, чтобы этот танк не переехал его самого.

Виктория Венесборг всерьез заинтересовала его. Во-первых, потому, что она заинтересовала шефа. Во-вторых, она казалась загадочной: женщина-сфинкс, с непроницаемым взглядом и полуулыбкой на красивых губах. Наконец, она была привлекательна: соблазнительная, утонченная и к

тому же молчаливая — эти качества в совокупности давали, с точки зрения Давида, идеал женщины. Все переговоры вели два приехавших с ней юриста, Виктория вступала в беседу лишь изредка — дополняла их своим негромким, не очень выразительным голосом, в котором иногда чуть слышно проскальзывал акцент.

Давид почти не вмешивался в переговоры, которые уже дважды были под угрозой срыва, и оба раза — по вине Кручинина, но про себя крыл шефа нехорошими словами. Что за муха его укусила? Неужели он настолько хочет произвести впечатление на эту холеную бабу, что готов пожертвовать контрактом, лишь бы настоять на своем? «Чертов самец...»

Оба они прекрасно знали, что договор со шведской фирмой, которую представляла Виктория Венесборг, куда нужнее им, чем шведам. Дела последние несколько месяцев шли из рук вон плохо, и в воздухе носились предвестники финансовой бури. К тому же на их фирму обрушилось несколько ударов, неприятных и болезненных, как укусы озлобленного овода.

Сперва, откуда ни возьмись, взялся кретин из перерабатывающего цеха, у которого испортился целый холодильник куриного мяса. В этом не было ничего особенного — порчи случались регулярно, — но кретин, поняв выражение «интересы дела» по-своему, распорядился смешать испортившееся мясо со свежим, и котлеты из куриного фарша отправились в десять крупнейших магазинов города.

Когда поднялся скандал, выяснилось, что ценного специалиста взяли всего за месяц до происшествия, после которого он немедленно уволился и скрылся то ли в селе, то ли в деревне, откуда вытащить его для показательного повешения на рее не было никакой возможности. Чтобы не привлекать излишнего внимания, Кручинин распорядился не трогать дурака, и впредь кого попало на работу не принимать.

Но обойтись без внимания не получилось. Стоило чуть разгореться этой истории, как немедленно активизировались конкуренты. Фирма «Баравичов и компания», в собственности которой, помимо птицефабрики, как и у Кручинина, находился всего один мясоперерабатывающий цех, давно искала повода, чтобы прищемить Кириллу хвост. Служба безопасности так и не смогла выяснить, через кого к Баравичову ушла информация о случившемся, но сутки спустя все мелкие районные газетки пестрели предупреждениями о том, что покупателям ни в коем случае нельзя приобретать развесные куриные котлеты «Мясновских», а также их куриный фарш. История о порченном мясе была подана в таком ракурсе, что даже люди, не страдающие отсутствием аппетита, морщились и воротили

нос от продукции кручининских цехов. Один из журналистов утверждал, что это нормальная практика для «Мясновских»: мол, порченное мясо никогда не выкидывается, и мы с вами, господа хорошие, питаемся замороженной тухлятиной. В конце статьи пакостный журналист добавлял: «То ли дело уважаемая фирма господина Баравичова...», и пел панегирик честности и принципиальности самого Баравичова и тех, кто скрывался под ничего не говорящим словом «компания».

Кирилл рвал и метал, но поделаться ничего не мог. По репутации фирмы был нанесен удар, и хотя все отлично понимали, что два месяца спустя произошедшее забудется, отвечать на каверзные вопросы клиентов о годности мяса было неприятно.

После того случая Кручинина ожидал второй удар: скоропостижно уволилась главный бухгалтер — дама хваткая, цепкая, умная и очень им ценяемая. Некоторое время Кирилл всерьез размышлял, не бросить ли ему на амбразуру Алису — временно, пока не найдут замену. Он не раз удивлялся тому, что сама Алиса не от мира сего, но при том мозги у нее заточены правильно, и в бухгалтерском деле она сечет. К тому же не зря его жена проходила школу Инны Феоктистовны, уволившегося бухгалтера, — о состоянии дел Кирилла она знала не хуже, а то и лучше его самого.

Но Алиса отказалась наотрез, и пришлось Кручинину унижаться перед Феоктистовной: приезжал к ней, просил продержаться еще хотя бы пару-тройку месяцев, сулил золотые горы и поддержку до конца жизни... Тщетно. Непонятно было, какая муха укусила бывшего главбуха, но слушать Кирилла она отказалась наотрез и объявила, что собирается воспитывать годовалого внука, который совсем заброшен родными родителями. О чем бы ни начинал говорить Кручинин, Инна Феоктистовна сворачивала на ребенка, и в конце концов Кирилл утвердился в мысли, что тетка немного поехала крышей. «Может, и к лучшему, что она ушла сейчас», — подумал он уходя, но его распирала такая злоба, что дома он сорвался на жене и потом вынужден был извиняться, что делал крайне редко и неохотно.

Когда же они наконец нашли замену так не вовремя бросившей их Инне, новый бухгалтер проработала три месяца и тоже уволилась! Давид стал всерьез подозревать происки конкурентов, переманивающих сотрудников, но доказать ничего не мог.

Предложение шведской фирмы оказалось как нельзя более кстати. Кирилл настаивал на том, чтобы модернизировать устаревшее оборудование, и Давид признавал его правоту. И вот теперь Кручинин своими руками рыл себе яму, бросая откровенно похотливые взгляды на

Викторию Венесборг и ухмыляясь непонятно чему.

Во время небольшого перерыва Давид не выдержал: схватил шефа под локоть и уволок в соседнюю комнату, пленительно оскалившись юристам и Виктории Венесборг.

— Ты чего?! — возмущенным шепотом рявкнул он. — Кирилл Андреевич, что с тобой творится?

— Что? — Кручинин криво усмехнулся, взгляд его метнулся к двери, из-за которой доносились негромкие голоса.

— То самое! Запал на бабу..., так держи себя в руках до поры до времени! Ты чего уперся в пятнадцать процентов, если говорили о десяти? А?

— Давид, не суетись... Ничего ты не понимаешь.

— Да ну? И чего же я не понимаю?

Разъяренный Давид уставился на шефа и неожиданно увидел, что тот совершенно спокоен. На лице его играла знакомая Давиду волчья ухмылка, означавшая, что Кручинин держит ситуацию в руке вместе со всеми ее участниками и в любую секунду может сжать кулак.

— Я ее сделаю, — почти ласково сказал его шеф.

— Кого?

— Вику. Я — ее — сделаю, — отдельно повторил он. — Не думай, что я ей уступлю.

— Да они...

— Е...ть я их хотел! — перебил его Кручинин, оставаясь спокойным. — Поверь мне, Давид, я их сломаю.

— Хотел, это я вижу, — буркнул Давид, понемногу поддаваясь его уверенности. — Смотри, Кирилл Андреевич, тебе виднее, конечно... Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Кручинин ободряюще похлопал его по плечу и открыл дверь. Виктория Венесборг направлялась к нему, и на секунду он подумал, что все-таки перегнул палку...

— Кирилл, есть предложение устроить небольшой перерыв, — улыбнулась она ничего не значащей улыбкой. И, не давая ему вставить и слова, добавила: — Встретимся через два с половиной часа, хорошо?

Кручинин смотрел ей вслед так сосредоточенно, что не сразу услышал звонок телефона. И только увидев высветившийся номер, дернулся и схватил трубку.

— Кирилл? — сказал Банкир суховато-официальным тоном, каким он всегда говорил по телефону. — Как насчет обеда? Я как раз неподалеку, вот, вспомнил о тебе.

- Я со всем моим удовольствием, — немедленно ответил Кирилл.
— Вот и славно. Минут через двадцать подъезжай, покушаем.

Вернувшись в деревню, Бабкин бросил лодку сушиться, а сам, подхватив гроыхающие ведра, отправился к колодцу за водой. Сергею было безразлично одобрение владельца развалюхи, в которой ему предстояло провести ближайшее время, но он считал, что мелкая помощь по хозяйству еще никому не вредила. Глядишь, молчаливый Григорий станет разговорчивее.

Мальчишку лет шести-семи — темненького, большеглазого — он увидел на прежнем месте: в куче песка. Куча была вся изрыта ходами, в которых виднелись игрушечные машины.

— Гараж? — серьезно спросил Сергей, кивая на норы.

Мальчик поднял на него глаза и подумал, прежде чем ответить.

— Не-е. Техобслуживание. — Сложное слово он выговорил без запинки, как будто долго тренировался.

— Вот оно что! — Бабкин уважительно присвистнул, и мальчик улыбнулся.

Сергей собирался добавить еще что-то о техобслуживании, но тут из дома напротив вышла женщина, встреченная им несколько часов назад, и направилась в их сторону. Когда она подошла, стало видно, что называть ее женщиной преждевременно: ей было не больше двадцати пяти, и выглядела она девушкой. «Лицо рано повзрослевшего ребенка», — подумал Сергей, разглядывая ее.

Длинные черные волосы, прямые и очень густые, были собраны в косу. Кожа незагорелая, глаза темные, чуть опухшие, словно у нее бессонница, а губы бледные, как у русалки. Лицо серьезное, не улыбочное. «Пожалуй, не улыбочное — слабо сказано... Мрачная девица». Мешковатое серое платье придавало ей сходство с монахиней, но Сергей не мог не признать, что она красива — своеобразной диковатой красотой, непричесанной, природной, без ухищрений и вмешательств. Впрочем, ему никогда не нравился такой типаж.

Девушка подошла с враждебным видом, и парнишка притих, уткнулся в свои машинки. Бабкин ощутил, что, пожалуй, тоже был бы не прочь зарыться в песок. На секунду ему показалось, что девица собирается сказать грубость, но она лишь сухо поздоровалась и обернулась к парнишке:

— Матвей, тебе пора домой. Обедать пойдем.

— Мам, я еще хочу погулять! — заныл было тот, но одного взгляда на

мать ему хватило, чтобы понять: сейчас лучше не спорить. С недовольным видом Матвей принялся вынимать машинки из песочных укрытий.

Отвлекая ее внимание от парнишки, Бабкин представился и доложил, что приехал в Голицыно порыбачить. Под испытующим взглядом ему было не по себе. Он не ожидал ответа, но до него все же снизошли.

— Меня зовут Татьяна, — суховати сказала мать Матвея. — Вряд ли вам понравится в Голицыне. Рыбачить здесь негде, местные этим и не занимаются.

Бабкин глубокомысленно заметил, что местные много чем не занимаются, и на этом счел за лучшее попроситься. Было очевидно, что вступать в разговор с целью выведать что-нибудь у этой замкнутой, холодной особы с настороженным взглядом бессмысленно. Но напоследок он не удержался и бросил пробный камень:

— Лет семь-восемь назад мои друзья приезжали сюда на рыбалку, — сказал он. — Двое. Может, вы их помните?

Татьяна подняла на него глаза и отрицательно качнула головой. Затем молча схватила мальчика за руку, вытащила из песочницы и поволокла за собой, не дав забрать игрушки. Тот даже не хныкал — видимо, привык к неласковому обращению.

Пожав плечами, Сергей поднял ведра и отправился к колодцу.

А Татьяна вытащила Матвея в калитку, захлопнула ее и перевела дыхание. Хотела приказать сыну, чтобы шел домой, посмотрел, как там Алеша, но почувствовала, что не может выдать из себя и слова.

Встреченный ею мужчина не был рыбаком, это она поняла сразу. Крупный, крепкого телосложения, с коротко стриженными темными волосами и мрачноватым лицом, он скорее походил на охотника, собравшегося охотиться на крупного хищного зверя. Но крупных хищных зверей вокруг Голицына уже давно не водилось.

Она не выдержала и обернулась, чтобы посмотреть: стоит приезжий возле колодца или уже вернулся к Григорию... И наткнулась взглядом на Данилу Прохорова, курившего возле дома напротив.

Сейчас он был еще больше похож на пирата, чем в их последнюю встречу. Лицо хищное, с яркими блестящими глазами — жадными, ощупывающими, раздевающими... Несколько секунд они смотрели друг на друга, и Татьяна ощутила, что в груди похолодело. Значит, он не просто так спрашивал Матвея о том, когда они собираются в Голицыно... Он все-таки решил приехать — зная, что они будут здесь...

Она отступила назад и скрылась в тени сарая.

Данила Прохоров затаился в последний раз, глядя ей вслед, и

вразвалочку двинулся к дому Григория. «Семь лет... Семь лет...» Он не был в Голицыне семь лет — так, наезжал изредка, но почти всегда зимой, и понятия не имел о том, что с Татьяной и где она, пока соседка не сболтнула случайно, что Танька воспитывает своего мальчишку одна, безотцовщиной. Прохоров тогда даже испугал старую курицу — кинулся к ней, затряс за плечи, не веря тому, что услышал. Но все оказалось правдой, в чем он быстро убедился, узнав Танькин адрес и на следующий же вечер приехав к ней в Москву. Их было теперь двое: она и ее мальчонка, серьезный не по возрасту.

«Матвей. Матюша».

Приезжего не было видно, зато хозяин оказался на крыльце — сидел, теребя в руках прохудившийся сапог. При виде гостя вскочил, шагнул к калитке:

— Данила! Здорово! Заходи...

И сверкнул обрадованно золотым зубом.

Первые пять минут разговор шел обычный: о делах, о знакомых и о том, что дорога на Голицыно совсем пришла в негодность... Потом Григорий давал Прохорову советы о том, как вести бизнес, Данила соглашался, ухмыляясь, и каждый понимал, что для другого его слова — пустой звук. Но традицию нужно было соблюдать. И наконец перешли к теме, которая интересовала Данилу.

— Что за приезжий-то у тебя остановился, Гриш? — спросил он, не понижая голоса.

Прохоров видел, как смотрела на этого мужика Татьяна, и при мысли о том, что сюда за ней приехал любовник, внутри у него все вскипало от бешенства.

— Москвич какой-то. Рыбачить будет. Только сегодня приехал.

— Надолго?

— Сам не знает. Говорит, дней на пять.

Данила кивнул. Дней на пять — значит, не любовник.

— И где он рыбачить собрался? — презрительно спросил Прохоров, потеряв интерес к разговору и намереваясь сворачивать его.

— Уже рыбачил. На острове. Правда, улова я у него что-то не видел. — Григорий хохотнул и подобострастно посмотрел на Прохорова, ожидая встречного смешка.

Но вопреки его ожиданию тот не рассмеялся.

— На острове? — недоверчиво протянул Данила. — Шутишь? Туда лет семь никто не приезжал... Что там делать?

— Ну, приезжал не приезжал, а теперь приехал. А что там делать —

это ты у постояльца моего спроси.

— А с чем он рыбачить-то ездил? — как можно небрежнее поинтересовался Прохоров, надеясь на то, что ответ развеет охвативший его страх.

— Со спиннингом! — старик визгливо рассмеялся. — Во дурак-то, Данил, а! Одно слово — москвич!

Прохоров покивал, согласился, что приезжий и впрямь дурак, и попрощался с Григорием. Он шел к своему дому, не замечая ни жары, ни слепней, вившихся над головой, ни пары темных глаз, наблюдавших за ним из-за занавески...

Он прекрасно знал о том, что рыбалка на острове никудашная. Клева можно было ожидать в одном-единственном месте: с дальней стороны, там, где берег резко изгибался буквой С, и в заводи, закрытой ивами от бурного течения Куреши, водились щуки и жирные караси.

Со спиннингом на острове делать было нечего.

Вечером, уложив Матвея, Татьяна повела Алешу чистить зубы. Тот разбушевался: плескал водой, смеялся, уронил щетку, затем нажал на тюбик с зубной пастой с такой силой, что белая гусеница вылетела наружу и приземлилась на полу.

— Леша! — прикрикнула Татьяна, не выдержав, хотя старалась никогда не повышать голос на брата. — Ну что ты делаешь, господи боже мой!

Ей неожиданно захотелось ударить его, и пришлось сжать кулаки, чтобы прошел отчаянный приступ бешенства. «Он ни в чем не виноват! Он ни в чем не виноват...»

Алеша продолжал хохотать, и она, сглотнув, присела на корточки с тряпкой, стерла гусеницу, а затем отвела его в постель, махнув рукой на обязательный ритуал и надеясь, что так он быстрее придет в себя. Но то ли погода менялась, то ли на улице во время прогулки его что-то чрезмерно возбудило, однако Алеша и в постели не мог успокоиться — вскрикивал, басил что-то на своем языке, бил по шторе, которой была задернута его кровать, и в конце концов оборвал все крючки. У Татьяны не было сил вешать занавеску обратно, и она, забрав ее, молча ушла в другую комнату, прикрыв за собой дверь.

Не зажигая света, опустилась на пол возле дивана, поджала колени и начала раскачиваться, глядя сухими глазами в окно, за которым оседали сумерки.

Ей было почти шесть лет, когда мать родила Лешу. Она помнила

ощущение любопытства, съедавшее ее, когда взрослые вернулись из больницы со свертком — перевязанным белым одеяльцем, из которого доносились странные писклявые звуки. Про маленькую Танюшу все забыли — и мать, и отец, и бабушка — и только бегали по дому, разговаривали тихими озабоченными голосами, плакали и отчего-то ругались.

В конце концов Таня пробралась в родительскую комнату, где в кровати, слишком большой для него, лежал ребенок, и расширенными от удивления глазами уставилась на мальчика.

Он оказался невероятно похож на ее пупса, Ванечку, — такой же большеголовый, целлулоидно-розовый, с непропорционально маленькими ручками и ножками и зажмуренными глазками, под которыми веки собрались в мешочки, словно наполненные водой. Прежде Тане не доводилось так близко видеть грудных детей, и она долго стояла, поднявшись на цыпочки возле кровати, с недоумением рассматривая странное существо. Наконец набралась храбрости и, пользуясь тем, что никого из старших не было рядом — они кричали все громче в кухне, и до нее доносились обрывки малопонятных слов, — протянула руку и дотронулась пальчиком до младенца, окончательно распеленавшегося и со странной методичностью, в которой она интуитивно улавливала неправильность, бывшего сжатым лиловым кулачком по одеялу.

Он оказался горячий и тоже словно наполненный водой изнутри. И в ту секунду, когда Танюша провела пальцем по толстой ручке, перетянутой невидимыми ниточками до поперечных морщин, мальчик разжал кулачок и изо всех сил вцепился в Танин палец.

В первую секунду она испугалась так, как будто попала в мышеловку, и дернулась, пытаясь освободиться. Но ребенок держался крепко, и в конце концов страх ушел, а Тане стало смешно. Он был словно оживший пупсик, этот братик по имени Алеша, и несмотря на то, что казался ей ужасно некрасивым, вызывал жалость и желание тискать его и заворачивать в разные красивые тряпочки.

Взрослые в кухне разошлись настолько, что она уже не могла не обращать внимания на их крики. Соседи, очевидно, возмутились, потому что сначала раздался стук по трубе слева, затем заколошматили сверху, и сразу после этого зареванная простоволосая мать ворвалась в комнату, где возле кровати стояла Танюша, и, взыв, вытащила ребенка, отпихнув дочь.

— А-а-а! — Из горла ее вырвался не то вой, не то рев, и она сунула кричащего младенца под нос вбежавшему отцу. — На тебе его! На! Не хотел аборта?! Не хотел УЗИ?! Чтобы все как в природе было, так?! Да

забери ты его, подавись!!! Природа!

Она захохотала, но вопреки собственным словам не отдала мальчика мужу, стоявшему с оступевшим лицом в дверях и не сделавшему ни малейшей попытки забрать сына, а с яростью подбросила младенца так, что тот едва не ударился о потолок, и поймала в последнюю секунду. Мотнулась большая голова, и Таня отчаянно закричала — так, что перекрыла даже крик младенца и бешеный стук соседей по трубам.

— Отдай!

С силой, поразительной для девочки ее возраста, она выхватила Алешу, не понимая пока, что происходит, но чувствуя наступление чего-то страшного, от чего хотелось спрятаться вместе с малышом и зажать ему рот, чтобы не кричал, не привлекал внимания обезумевшей матери. Тут же незаметно втиснувшаяся в комнату бабушка перехватила у нее ребенка и, поддерживая головку, уложила мальчика в кроватку, проворно сунув ему обмусоленную соску.

— Иди, иди! — Бабушка вытолкала зятя из комнаты, прикрыла за ним дверь, обернулась к дочери: — А ты чего встала, корова? Родила? Твое отродье? Вот и корми его, чтоб не надрывался!

И, пресекая попытку возразить, прикрикнула так, что Таня вздрогнула:

— Корми, дура, кому говорят! Все меньше орать будет.

На протяжении следующих трех лет родители несколько раз заводили разговор о том, чтобы отказаться от сына. От судьбы детдомовского ребенка Алешу спасли бабушка — шипя, словно разъяренная птица, она налетала не на дочь — на зятя, и, наклоняясь, будто собираясь выклевывать ему глаза, выкрикивала всегда одно и то же: «Что люди скажут?! А?! Что люди скажут?!» — и старшая сестра. Заранее почуяв приближение затмения у родителей, Танюша хватала ребенка и удирала с ним на улицу, а если было холодно — просилась к соседке. Та была незлой теткой и разрешала девочке посидеть у нее вместе с «дурачком». Через несколько лет Алешу так и называли во дворе: «Танькин дурачок».

Он и вырос «Танькиным дурачком». Родители смирились с его отсталостью, а у матери со временем даже прорезались материнские чувства, тем более что Алеша был существом безобидным и привязчивым. Но после смерти бабушки эта ноша целиком повисла на шее Тани. Она гуляла с братом, мыла его, переодевала, водила по врачам, а став постарше, занималась упражнениями, которые назывались развивающими. Однако выяснилось, что развивать Алешу нужно было прежде, когда он был маленьким. «Упустили вы время», — сказали Таниной маме врачи.

Но несмотря на упущенное время, Татьяна все-таки ухитрилась

научить брата ухаживать за собой: самостоятельно одеваться и аккуратно есть. Правда, ей не удалось научить его разогревать себе еду: однажды обжегшись, он на всю жизнь запомнил, что в горелке живет страшный синий зверь, который кусает за пальцы, и начинал кричать, если сестра пыталась приучить его пользоваться зажигалкой для плиты.

Мать с отцом воспринимали как нечто само собой разумеющееся заботу Тани об Алеше, а со временем научились и манипулировать ее отношением к брату. Преподавая химию в школе, Таня зарабатывала гроши, но и из них мать ухитрялась выклянчивать подачки — не сыну и не себе, а отцу, на водку. Татьяна давала, потому что чувствовала свою вину — пить регулярно отец начал после того, как она призналась в своей беременности.

Как же они кричали на нее тогда... Какими словами называли! До сих пор, вспоминая об этом, Таня заливалась краской и съеживалась, как будто ее били. Основная претензия родителей заключалась не в том, что их дочь собирается в девятнадцать лет родить ребенка без отца, а в том, что после этого она бросит их на произвол судьбы с инвалидом, а сама будет устраивать свою судьбу.

Мать, перевалившая на плечи дочери все заботы об Алеше, с ужасом думала о том, что теперь ей самой придется хлопотать с ним с утра до вечера. Отец преисполнился мрачной злобы и с утра до вечера твердил, что Танька специально забеременела: захотелось легкой жизни, решила улететь из родительского гнезда и чирикать себе легкомысленно, забыв о брате. В вину Татьяне было поставлено даже то, что когда-то, много лет назад, она препятствовала им отдать мальчика в детдом, а теперь, когда уже поздно что-то делать, оставляет их втроем.

Татьяна терпела, сжав зубы. Молчаливая, замкнутая, никогда не имевшая подруг и лишенная того веселого досуга, который придает юным девушкам налет здорового легкомыслия, она воспринимала все с обостренной чувствительностью и страдала. Поделиться ей было не с кем; с детства она училась принимать решения сама, не советуясь со взрослыми, и знала, что спрашивать будут с нее как с большой. Она затыкала уши, чтобы не слышать проклятий отца и увещаний матери, отправлявшей ее на аборт, и училась не показывать слез — родители справедливо расценивали их как признак слабости и наседали на нее с удвоенной силой.

В конце концов она все-таки ушла из дома в съемную квартиру — после того, как отец, выпив, замахнулся на маленького Матвея. Она бы взяла с собой и Алешу, но оставаться с ним дома в ее отсутствие было некому. Татьяна постоянно навещала брата, на лето увозила его в деревню и

утешала себя мыслью, что обязательно, обязательно наступит время, когда они станут жить втроем, и отец не сможет больше бить его.

Ей вспомнился спектакль, который они смотрели с Матвеем. В ушах зазвучала грустная мелодия, и девичий проникновенный голос запел:

Добрые люди, добрые люди,
Будет ли чудо со мной иль не будет?
И неужели на белом коне
Счастье мое не приедет ко мне?

«К черту!» — Татьяна протестующе взмахнула рукой. Она не позволит наивной истории вселять в себя бесплодную надежду на то, что появится волшебник и одним взмахом сверкающей серебряной палочки превратит ее тусклое угрюмое болото в светлый лес с ландышами. Такая надежда — прибежище слабых духом, ждущих подаяния от небес, а она уже давно ничего не ждет!

Но в глубине души — той ее части, которая отзывалась на детскую песню Золушки, — зарождалась бессловесная молитва, не молитва даже, а тихий внутренний плач, обращенный к кому-то доброму, милосердному, смотрящему на нее с облаков и страдающему вместе с ней, — к тому, кто рано или поздно должен ей помочь.

В окно постучали, и Татьяна вздрогнула — так это оказалось созвучно ее мыслям. Она легко вскочила, с детской верой — сама не зная во что — подбежала к подоконнику...

И отшатнулась.

Из темноты на нее без улыбки смотрел Данила Прохоров.

В джинсах и свободной рубашке навыпуск, продранной на локтях, взлохмаченный, с невесть откуда взявшимся запекшимся порезом на щеке, на вид — то ли бродяга, то ли разбойник, он вполне вписывался в окружавшую действительность с полынной рекой и домами по ее берегам, недобро косившимися на людей помутневшими стеклами.

«Выйди», — одними губами сказал Данила. Таня покачала головой и сделала движение, собираясь задернуть штору. Но он, пожав плечами, шагнул к крыльцу и, прежде чем она успела добежать до двери и запереть ее на засов, быстро вошел в дом.

Татьяна перехватила его в сенях, налетела на него молча, встала, закрывая вход в комнату, где спали Алеша и Матвей.

— Что тебе надо?

— Поговорить пришел.

— Не о чем мне с тобой разговаривать. Убирайся. Закричу!

Он видел по ее лицу, что и в самом деле закричит, и торопливо сказал:

— Тихо ты, дура. Я зачем пришел-то... Мужик у Григория остановился, на острове чего-то ищет. Понимаешь?

Она молчала, и он продолжил уже медленнее, подбирая слова:

— Говорит, что рыбак... Никакой он, к чертям, не рыбак, вот что. Тихо, я сказал!

Она рванулась куда-то мимо него, будто собираясь выскочить из дома, и он перехватил ее за руку. Татьяна дернулась, но Данила сжимал ее тонкую кисть сильными пальцами, крепкими, будто железными, и она не могла вырваться.

— Ты кому-нибудь что-нибудь рассказывала?

Она молчала, пытаясь высвободить руку, и тогда Прохоров наклонился к ней ниже, взял за подбородок, повернул ее голову к себе, так что Таня уставилась на него своими темными глазищами, казавшимися черными в полумраке сеней.

— Ты — кому-нибудь — что-нибудь — рассказывала? — повторил он отдельно, понизив голос.

Она мотнула головой, как норовистая лошадь, и он отпустил ее.

— Таня...

— Никому! — крикнула она шепотом ему в лицо. — Никому, ясно?! А теперь уходи! Убирайся!

Она все-таки вырвала руку и отступила назад, едва не ударившись о стену. Волосы выбились из косы, разметались, и от ее близости, от взгляда — дикого, словно она была зверем, а он охотником, — в памяти Прохорова вспыхнули образы, сменявшие один другой с калейдоскопической быстротой: белоснежное тело с атласно сияющей, неправдоподобно красивой кожей, рассыпавшиеся по плечам черные пряди, красные следы на запястьях... И взгляд — такой же ненавидящий, как сейчас. Но тогда ему плевать было на ее ненависть — точнее, он так думал. Хотел думать.

Против воли он поднял руку и дотронулся до ее лица, провел пальцем по скуле, заранее зная, что за этим последует — удар и, наверное, крик. Татьяна дернулась, как будто он обжег ее, но не двинулась с места. Тогда он положил руку ей на затылок, потянул к себе, и она пошла, и вдруг оказалось, что она уже стоит вплотную, касаясь его плечом, и смотрит в сторону, словно боится поднять на него глаза.

Темнота сгустилась вокруг них, и где-то рядом отчетливо звенел

комар, и от женщины, замершей рядом, пахло так, что ноздри изнутри будто обжигало ее запахом, и всего его изнутри обжигало оттого, что она здесь, и не двигается, и не отталкивает его.

— Таня...

Ему показалось, что он произнес ее имя, хотя на самом деле это был вздох, а не слово. Но его оказалось достаточно — Татьяна вздрогнула, словно сбрасывая морок, и в следующую секунду вывернулась из-под его руки, отскочила в сторону, сверкнула глазами:

— Убирайся. Пошел вон!

— Стой...

— Уходи! Ненавижу тебя, понял?! Ненавижу!

Данилу снова обожгло, но на этот раз по-другому — как будто прижали кусочки льда к щекам и по коже потекли холодные струйки. Он потрянул головой и вновь стал тем человеком, которым привык себя считать: никогда не теряющим голову, тщательно скрывающим кипящие внутри ярость и желание.

— Что, кричать будешь? Да? А если я от тебя напрямик к рыбаку пойду и поговорю с ним о том, что он может на острове найти?

— Нет!...

— Да! Да, красавица моя! Стоит ли кричать, подумай?

Скривив губы в попытке усмешки, он сделал к ней шаг, обхватил ладонью затылок, наклонился и прижался губами к ее губам с такой силой, что она застонала. Он целовал ее, контролируя каждое свое движение, не позволяя себе провалиться в пропасть, которая была совсем рядом, в одном шаге, в одном ее вздохе, насильно заставляя себя прислушиваться к комариному звону, который цеплял его за реальность, держал звонким крючочком. Под волосами на затылке у нее было жарко, и чтобы рука не соскользнула ниже, на тонкую длинную шею, Прохоров сжал пальцы, поймал текучую скользкую волну, и оттянул руку назад, отрывая то ли ее от себя, то ли себя от нее.

— Отпусти... — сквозь зубы выговорила она, не морщась от боли, хотя он знал, что ей больно — волосы он натягивал сильно. — Отпусти меня!

На щеках у нее расцвели два ярких пятна, видимых даже в темноте, и Данила едва удержался, чтобы не поцеловать ее насильно снова. Но делать этого было нельзя. На сей раз он целиком себя контролировал и знал, что сделал то, что сделал, лишь затем, чтобы она не забывала, кто хозяин положения. Хозяином был он, Данила Прохоров. И только он!

Данила удовлетворенно разжал пальцы, и на губах его заиграла

усмешка.

— Вот хорошая девочка, — похвалил он, сам чувствуя хрипотцу в своем голосе. — Значит, никому не говорила об острове? Ну и умница.

Он облизнул губы и вышел, окунувшись в вечернюю прохладу, словно в воду. Постоял пару секунд на крыльце, приводя мысли и чувства в порядок, и исчез в темноте.

Глава 6

Ресторан находился на крыше, под стеклянной полусферой, отмытой до такого состояния, когда стекло кажется пленкой толщиной не больше миллиметра. Столики здесь тоже были стеклянные, и Кириллу это всегда казалось нелепым, как и обязательный еженедельный журнал на английском, положенный в кармашек каждого стула. Журналов на русском в ресторане не было: администрация считала, что таким образом ненавязчиво льстит своим клиентам.

Кирилл Кручинин по-английски говорил на уровне пятиклассника, а если бы и нормально говорил, то последнее, что захотелось бы ему делать во время обеда, — это читать иностранную прессу. Он и российскую не уважал, а слово «журналист» считал ругательным.

Однако именно это слово уже несколько раз произнес человек, сидевший напротив него — сухопарый лысеющий мужчина лет пятидесяти пяти с ничем не примечательным лицом, производящий, однако, впечатление основательности и респектабельности.

— Все про кризис талдычат, — в сердцах произнес он, продолжая начатый разговор о вреде журналистов, — нагнетают обстановку, создают панику... Что поразительно в этой стране, Кирилл, — ведь все, все без исключения готовы рубить сук, на котором сидят! Вот что меня поражает. И нет бы по глупости, поскольку не видят дальше собственного носа... Так ведь нет, видят! Видят! Но сиюминутная жадность всегда сильнее. И с писаками то же самое: лишь бы выдать сенсацию, а уж как люди на твой материалотреагируют, что за этим последует — дело десятое. Помяни мое слово, Кирилл: когда строчащие гамадрилы начнут один за другим терять работу, некоторые из них — те, что поумнее, — вспомнят, что сами приложили руку к тому, чтобы это случилось.

— А вы не преувеличиваете, Николай Аристархович? — Кирилл обращался к собеседнику на «вы», зная, что тот не любит фамильярности. — Слишком много шума вокруг этого кризиса. Кто-то волну гонит, хочет бабки заработать... Да, в общем, понятно кто. Проходили мы уже это.

Собеседник Кручинина в изумлении отложил нож, которым собирался разделывать рыбу.

— Кирилл, да ты оглянись вокруг! Ты что, не замечаешь, что происходит?

Кручинин пожал плечами:

— У меня все нормально. Если сделку заключу, то оборудование наконец-то сменю на качественное.

— Слышал. А кредит-то не у меня берешь, у «Альфы», — поддел его Николай Аристархович.

— У вас возьмешь, без штанов останешься, — беззлобно ответил Кирилл, ухмыльнувшись.

— Ну смотри, тебе виднее... Про «Альфу» разные слухи ходят в последнее время...

— Какие? — мигом насторожился Кручинин.

— Разные. Да ты ешь, ешь. Случись что, придешь ко мне, выручу. Как-никак, свои люди.

Знакомством со «своим человеком» Кирилл дорожил. Потому и обедал время от времени в этом ресторане, который терпеть не мог. Николай Аристархович Чирков, которого он про себя называл Банкиром, действительно был крупнейшим акционером банка «Сиб-инвест», и Кручинин хорошо понимал, что такими людьми не разбрасываются.

Познакомились они закономерно, на дне рождения у общего знакомого, а вот сошлись ближе почти случайно: занимались в одном конно-спортивном клубе. Лошадей Кручинин любил до дрожи, и своего коня Антея всегда чистил сам, не подпуская конюхов даже близко к диковатому жеребцу. Он приезжал в конюшню три раза в неделю, проводил там по несколько часов, и презрительно косился на тех, кто рассматривал лошадь только в качестве ездового животного.

Николай Аристархович, такой же страстный любитель, заметил это и проникся к Кириллу симпатией. Сам он держал двух чистокровных верховых и одного ахалтекинца, при которых состояли два личных конюха, и навещал их почти каждый день, гоня своих верховых до пены. Сперва они разговорились о достоинствах разных пород, затем сдержанно похвалили лошадей друг друга, потом при случае пообедали вместе. Кириллу импонировало знакомство с Банкиром, и он охотно и почти без всяких усилий изображал, что нуждается в его советах, а Николаю Аристарховичу нравилось видеть себя в роли учителя.

Закончив обед, Кирилл попрощался с Банкиром и спустился вниз. В машине ждал Давид, нетерпеливо хлопывая по кожаному сиденью.

— Поехали, Кирилл Андреевич, опоздаем!

— Спокойно. Опоздаем — подождут. Не разводи панику. Я тебе сказал, что мы их сделаем — значит, сделаем.

Давид обернулся на шефа и увидел, что тот улыбается такой сытой

улыбкой, будто контракт уже у них в кармане. Он прищелкнул языком, осуждая неожиданное легкомыслие шефа, но вслух ничего не сказал.

Два часа спустя все было закончено. Кирилл Кручинин купил оборудование на десять процентов дешевле изначальной цены.

Виктория

Когда я вернулась в гостиницу, меня колотило. Такое состояние бывало со мной лишь в детстве, пару раз, когда я попадала под ледяной ливень, а затем возвращалась домой в мокрой насквозь одежде, и казалось, будто даже кожа моя пропитана холодной жестокой водой.

Если бы вы знали, сколько я готовилась к этой встрече! Как выбирала одежду, продумывала макияж и прическу, как в разговоре следила за жестами, стараясь в то же время выглядеть естественно. Кирилл ни в коем случае не должен был подумать, что я притворяюсь ради него... И все сложилось наилучшим образом: случайная встреча, удивление, танцы вокруг друг друга, улыбки, прощание... Я видела, что Кирилл озадачен, и упивалась этим. Тем большей неожиданностью для меня оказалось то, насколько быстро он взял себя в руки — словно заранее знал, с кем ему придется столкнуться, и лишь притворился, поддаваясь мне, что выбит из колеи. Уверена, что ничего он заранее не знал, но уже одно подозрение лишает меня сил.

И еще я не ожидала, что не смогу управлять сама собой.

Я потратила тьму усилий и времени на то, чтобы провести первый бой и ясно показать ему: вот какой я стала теперь, и это не благодаря, а вопреки твоим стараниям, вот от чего ты отказался, вот кто уничтожит тебя... Вы спросите меня, зачем я это сделала? Не подумайте, что я собиралась играть с открытыми картами. Но я хочу, чтобы когда воздаяние — да-да, не смейтесь надо мной за это слово, — так вот, когда воздаяние настигнет моего бывшего мужа, он смог бы окинуть мысленным взглядом все произошедшее с ним и осознать, с какого момента началось его падение в пропасть. С того, когда он увидел меня.

К тому же мне просто необходимо иметь с ним общие дела. Это позволяет совершенно легально быть ближе к нему, наблюдать, не скрываясь, и знакомиться с теми людьми, от которых зависит его бизнес, который я исподволь собираюсь разрушить — как и все остальное. Я уже говорила вам — теперь я знаю собственного мужа (пусть и бывшего) куда лучше, чем прежде. Поверьте, он сам шагнет в приготовленную ему

ловушку. Сегодня он сделал первый шаг.

Но я, оказывается, плохо знаю себя.

Я ожидала от самой себя чего угодно: страха, равнодушия, вспышки ненависти, быть может... Растерянности, в конце концов! Но только не полуобморочного состояния, которое я искусно маскировала молчанием, от его взгляда, ужасающей слабости от его резкого голоса, от вида седеющих волос на его висках... Я не ожидала, что меня пронзит внутренняя дрожь, когда я увижу вблизи его руки: руки крепкого мужчины, обнимавшие меня много лет назад, делавшие со мной такое, отчего я кричала и стонала, забыв себя.

Меня подвела моя собственная память. Оказывается, все эти годы в ней хранилось не только воспоминание о том, как меня уничтожили, растерли в мелкий порошок и презрительным жестом выбросили осесть на мусорной куче, но и все, что было до того: ожидание его возвращения по вечерам, запах его зимней куртки, в которую утыкаешься носом и замираешь от счастья, ощущение его грубоватых рук на своей спине, запах его ночной сигареты, когда он лежит с расслабленным лицом, довольный, как ребенок, получивший долгожданный подарок.

И сколько бы я ни твердила, что все это воспоминания другой женщины — глупой, слепой, *нелюбимой*, — это ничего не меняет. Я обнаружила, что она по-прежнему живет во мне, хотя многие годы считала, что от нее ничего не осталось.

Господи, до чего же унизительно, до чего невыносимо стыдно любить человека, которого презираешь...

Я забралась под душ как была, в одежде, и долго стояла под холодными струями, дожидаясь, чтобы меня заколотило уже от воды, а не от того, что сидело во мне глубоко внутри. Если бы возможно было провести операцию и вырезать эту ноющую часть «не-меня», я согласилась бы на нее без анестезии. Боль была бы гарантией вечного избавления. Но никто ничего не вырежет из меня, и тупая Вика смотрит жалобными коровьими глазами, надеясь растрогать своего бывшего мужа и вызвать в нем хотя бы малую толику любви, которую, как ей кажется, теперь-то уж она точно заслужила.

Но я — не она. Я не позволю ей взять верх надо мной. Если понадобится, я буду очень жестокой, чтобы избавиться навсегда от них обоих: и от Кирилла Кручина, и от Вики, несколько лет носившей его фамилию.

Меня зовут Виктория Венесборг, и я не собираюсь быть никем иным.

Я разделась догола, бросила мокрое белье в ванну и растиралась

полотенцем до тех пор, пока не защипало кожу. Из зеркала на меня глянуло порождение нездоровой фантазии художника: женщина с бледным лицом и красным телом, с безумным выражением глаз. Я согнала его, это выражение, и провела небольшую тренировку: последовательно меняла эмоции на лице, заставляя себя улыбаться, хмуриться, озабоченно качать головой и просто спокойно смотреть, не моргая, в глаза самой себе.

Последнее далось мне труднее всего. Зато закончив, я могла заняться делом без того, чтобы каждую минуту бросать взгляд на собственные руки: дрожат они или нет.

Когда я занималась восстановлением собственной истории — той ее части, которая связана с моим бывшим мужем, — мне удалось узнать, чем именно занимался Кирилл, отправив меня в родной город после фиктивного развода. И каким именно образом им были заработаны деньги на его первую квартиру — ту самую, из которой потом он вышвырнул меня.

В московской области был завод, имевший статус государственного унитарного предприятия, и производил он формовочный песок. Песок использовался затем в сталелитейном производстве, из чего вы можете сделать вывод, что завод приносил неплохую прибыль. Кирилл был одним из тех, кто решил перераспределить финансовые потоки и направить часть из них себе в карман.

Все шло по обычной схеме: предприимчивые ребята создали маленькую фирму, с которой директор завода заключил контракт на продажу всего производимого песка, а уж та, в свою очередь, продавала его конечным потребителям. Кирилл лично нашел человека, которого поставил во главе этой самой фирмы: дурачка, не понимающего, что происходит, и искренне полагавшего, что он занимается честным бизнесом. Даже фамилия у дурачка была подходящая: Пронькин. Ему бы валенки катать с такой фамилией, а он решил, что годится для больших дел.

Что наговорил ему Кирилл, убеждая бедного Пронькина подписывать чистые листы, мне неизвестно. Думаю, он был достаточно убедителен, а новоявленный директор достаточно глуп для того, чтобы поставить свою подпись везде, где только можно.

Несколько месяцев спустя прибыльный завод был объявлен предприятием-банкротом, и золотой ручеек, текший в карман Кирилла и прочих из его компании, превратился в золотой поток. Как это часто случается, дело погубила жадность всех его участников: директор завода решил, что с ним мало поделились, и потребовал увеличения доли. Кирилл с поделщиками отказался, начался скандал, и директор, опасаясь

преследования, решил сработать на упреждение: он подал заявление в прокуратуру, в котором утверждал, что его силой заставили подписать документ с маленькой фирмой-прилипалой.

Махина расследования закрутилась — сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. И первым человеком, который попал под нее, стал тот самый дурачок, нанятый Кириллом, директор «прилипалы», добросовестно подписывавший все, что попадало к нему в руки, и даже пытавшийся что-то делать на своем месте. Зиц-председатель Пронькин. Могу представить, как потешались над ним остальные — те, кто был в курсе происходящего. Кирилл наверняка умирал со смеху — подобное развлечение как раз в его духе.

Я думаю, что все могло бы обойтись: мошенничества такого рода трудно доказуемы. Но несчастный глупый человек, раздавленный происходящим, не дождался суда: он повесился в изоляторе временного содержания. Дело в суде развалилось, а до Кирилла, который официально никем не числился, у правоохранительных органов руки даже не дошли.

Сидя за столом перед запыленным окном, за которым высились акварельно размытые, тускло светящиеся купола церкви, я подумала о том, что напрасно не озаботилась поисками родных человека, покончившего с собой. Возможно, был бы шанс использовать их в своих целях.

А следом вспомнила маленькую Алису, которая никак не соглашалась поддаваться чарам Романа. Пора переходить к более решительным действиям, чем совместные прогулки и распивание кофе в московских кофейнях. Мне нужно, чтобы девочка была завоевана, а для этого нет ничего лучше, чем старые, проверенные временем способы.

Бабкин почувствовал холодок в позвоночнике еще утром, когда первый раз переправлялся на остров. В пять часов деревня спала, и только мелкий черный пес размером с кошку проводил его машину, негромко гавкая и виляя хвостом, будто извиняясь за собственный лай.

Но щекотка была, и Бабкин знал по опыту, что это означает. Кто-то следил за ним.

С одной стороны, в наблюдении не было ничего удивительного: редкий приезжий на хорошей машине, отчего-то выбравший для рыбалки именно Голицыно, хотя в округе полно куда более подходящих мест... Сергей понимал всю хлипкость своей легенды, но он не особенно заботился о том, чтобы выглядеть убедительным. Для кого ему было стараться? Так что, возможно, кто-то из местных любопытствующих жителей решил выяснить, зачем же на самом деле непонятный визитер

навестил их деревню.

С другой стороны, Бабкин не любил быть предметом чьего-либо скрытого интереса. Он все время помнил о том, что их расследование должно поднять со дна давней истории убийство — если, конечно, брать на веру слова Виктории Венесборг. Поэтому он приложил все усилия к тому, чтобы обнаружить наблюдателя, но не преуспел. В конце концов, решил он, могло и показаться.

Но холодок снова появился, когда он высадился на острове. Заросший кустами противоположный обрывистый берег был отличным местом для ведения слежки. «При желании здесь все Голицыно можно укрыть», — подумал Сергей, обшаривая взглядом склон, но никого не обнаруживая. Он специально вынул из лодки все снасти, давая возможность тому, кто следил за ним, рассмотреть их, и почувствовал удовлетворение: кем бы ни был наблюдатель, ему не удастся увидеть ничего, кроме двух спиннингов и коробки запасных блесен.

Бабкин неторопливо пошел знакомым путем, оставляя глубокие следы в песке, тут же наливавшиеся водой, и ежась от озноба — утро выдалось прохладное.

Небольшую примитивную карту острова он составил еще в прошлый раз, и теперь, углубившись в лес и бросив ненужные спиннинги возле шалаша, присел на бревно и методично разметил карандашом свой маршрут. В отличие от Илюшина, всегда полагавшегося на интуицию, Бабкин не обладал таким невероятно развитым чутьем и знал об этом. В глубине души он считал Макара уникалом и завидовал ему. Его собственной сильной стороной были методичность и настойчивость, сочетавшиеся с хваткой бойцовой собаки: вцепившись в какую-то идею, Сергей не выпускал ее до тех пор, пока из нее не удавалось что-то выжать.

На этот раз его план был прост: для начала Бабкин собирался обследовать островок на предмет поиска улики: обрывков одежды, предметов, принадлежавших Кручинину или его приятелю... Из разговора с хозяином Сергей сделал вывод, что остров никто не посещал последние годы — это оставляло крошечный шанс на то, что какие-то следы могли сохраниться.

Он осознавал бесперспективность своей идеи, но внимательный осмотр потенциального места преступления был первым пунктом его плана — необходимым, потому что Сергей привык работать именно по такой схеме. Он рассчитывал уложиться в четыре часа и начал с южной оконечности острова.

Три часа спустя Бабкин готов был расписаться в полном поражении и

согласиться с тем, что следопыта из него не получится. Остров не собирался сдавать ни одной из своих тайн, если только они у него имелись, и не выкладывал своих сокровищ: ни заржавевших ножей, ни истлевших тряпок, ни случайно оброненных часов. И противное, щекочущее, как таракан лапками, ощущение в позвоночнике то исчезало, то появлялось снова, и Бабкину в конце концов надоело резко оборачиваться назад в надежде застигнуть следившего врасплох.

Тем более что очередная такая попытка едва не закончилась для него плачевно.

Он обходил заросли малины, обернулся и споткнулся о незамеченный им полусгнивший ствол, оцетинившийся сухими ветками. Не удержался на ногах, свалился в малинник, ожидая, что сейчас исцарапает руки до крови, и вдруг почувствовал, что земля под ногами исчезает, а сам он летит, приминая кусты, куда-то вниз, и стволы сосен наклоняются над ним, закрывая небо. Упал он неудачно: приложился головой обо что-то твердое вроде вылезшего из земли змеино-го древесного корня, и в глазах потемнело.

Когда Сергей пришел в себя, то первым делом ощупал голову, убедился, что отделался шишкой, а затем сел и задрал голову вверх. Сочно-зеленые колючие стебли дикой малины поднимались над ним по склонам узкой воронки, в которой он оказался, — не очень глубокой, но с почти отвесными стенами. Пошарив рукой и морщась от боли в затылке, Бабкин обнаружил не корень, как ожидал, а булыжник размером с голову ребенка — ровный желто-белый камень, опутанный травой. Поискав еще, он наткнулся на россыпь камней поменьше, неизвестно как попавших сюда.

Чертыхаясь, Сергей полез по склону. Ему пришлось пару раз скатиться вниз, прежде чем он выбрал правильный путь. К тому моменту, когда Бабкин оказался наверху, он весь был в липкой паутине, а в волосах у него запутались мелкие насекомые и пара пауков, случайно захваченных им вместе с паучьей сетью.

— Вот же засада... — протянул он, оглядывая ловушку, устроенную островком для невнимательных и неуклюжих исследователей. «Интересно, откуда там камни, если берег песчаный?»

Перед ним была яма наподобие тех, что он видел в другой части острова, но куда более узкая и хорошо замаскированная малинником. Если бы не поваленный ствол, Бабкин мог бы пройти в двух метрах и не заметить ее. Сергей обошел провал по кругу, размышляя над тем, откуда же на дне взялись камни, но так ни до чего и не додумался. «Вряд ли Кирилл Кручинин таким образом любезно указал место, где он закопал товарища.

Хотя... чем черт не шутит. Ладно, пора двигаться».

Закончив обход острова, Бабкин философски сказал себе, что отсутствие новостей — уже хорошая новость, вернулся к лодке и поплыл обратно. Невзирая на то, что первый этап его поисков не принес результатов, пора было приниматься за второй, а перед этим Сергей собирался плотно позавтракать. Поиски тел — само собой, но прием пищи — это святое.

Июль две тысячи первого года

Камни, которые они притащили с собой еще в прошлый приезд, негодились — Кирилл объявил, что сложить из них очаг не получится. Поначалу он носился со своей идеей, а потом остыл к ней, стоило только Сеньке, увидев разнокалиберные булыжники, поднять его на смех. И хваленое кручининское упорство не помешало ему позабыть о том, что он собирался печь какие-то особенные, хитрые лепешки на разогретых камнях, и предоставить все их камни в полное Сенино распоряжение.

В итоге Семен в несколько заходов отволол булыжники к яме неподалеку от шалаша и сбросил вниз, чтобы не мешались на дороге. К тому же внутреннее чутье подсказывало, что незачем держать их на виду — слишком велико может оказаться искушение схватить один из них.

Кирилл ему в этот раз не нравился. За его смехом, непринужденностью и подшучиванием скрывалось нечто такое, отчего Сенька не поленился убрать камни с глаз долой, а затем, стоя на краю ямы, проверить ремень. Чем-чем, а этим оружием он владел — научили добрые люди, пока он мотал срок, и наука ему уже несколько раз пригодилась. Семен провел пальцами по прохладной пряжке: круглой, рельефной, больше подходящей для женского ремня, чем для мужского. Пряжка была с обратной стороны утяжелена металлической пластиной, а в зазор между ними Сенька насыпал свинца: оружие получилось такое, что с ним можно было безбоязненно выходить против Соловья-Разбойника — свист от пряжки, рассекавшей воздух, не уступал бы его посвисту. «Даст бог, не придется против Кирюхи использовать. Угроблю ведь парня».

Не то чтобы он в чем-то подозревал старого приятеля, оправдывался перед собой Семен... Но так ему было спокойнее. Он чувствовал в Кручинине скрытое возбуждение, напряжение сжатой пружины, и опасался, что оно выльется в драку. «Драться-то нам не надо, — укоризненно сказал про себя Семен, вспоминая лицо Кирилла,

прищурившего серо-голубые глаза. — Зачем же нам драться? Давай по-хорошему все решим, как договаривались, и разбежимся. Но договор выполнять надо, ты ж понимаешь...»

Кирилл здорово изменился за то время, что Сенька провел на зоне: Головлев запомнил цепкого, злобного, как волчонок, веселого паренька из тех, кому море по колено, а обнаружил заматеревшего мужика себе на уме, свирепо огрызавшегося на любые попытки вмешиваться в его жизнь. Разница между ним самим и Кириллом была настолько разительной, как будто это Кручинин провел последние шесть лет на зоне, а не он, Сенька.

Одной из неприятных черт приятеля для Семена было отношение Кирилла к жене. Скромная, ласковая, как котенок, не сводившая с мужа сияющих глаз, она лучилась доверчивым счастьем, тянулась к Кириллу, как цветок к солнцу. «Ромашка, ей-богу... — умиленно думал Сенька, наблюдая за ней. — Вот же нашел себе жену Кручинин!» Его съедала не зависть и не плотское желание, а смутная тоска по тому семейному блаженству, какого у самого Сеньки не было и быть не могло: не из тех он был мужчин, от которых такие красавицы, как Вика, млели и таяли.

И тем обиднее ему было видеть, что Кирилл не ценит того, что имеет, а жену держит за прислугу. От этого у Сеньки возникало смутное ощущение, будто Кручинин высмеивает то, что было для него ценно. Он не мог облечь это чувство в подходящие слова, и в конце концов решил, что ему просто жалко молодую нежную Вику. «Эх, мне бы такую женщину...» У него сохранилась одна-единственная вещица — с *того* дела, — с которой Сенька отчего-то не смог расстаться: безделушка, но до того радующая глаз, что от нее на душе становилось теплее, словно от хорошей песни. Эту безделушку утром, когда Кирилл уже ушел рыбачить, Семен припрятал в свой тайничок — испугался, что потеряет, пока лазает по кустам, или, еще хуже, уронит в воду — и не будет у него больше безделушки. Про себя он уже решил, что подарит ее Вике, когда вернется. «Не забыть бы ее в тайнике-то... Или, может, в карман переложить?»

Вернувшись к шалашу, Сенька обнаружил, что Кирилл снова завалился спать. Это было еще одной новой его особенностью: спать помногу, в том числе и днем. «Дрыхнет как сурчина, — удивленно думал Семен, слушая храп приятеля. — Только пообедали, а он спать».

Он вновь, как и накануне утром, уселся перед шалашом, с тоской думая о том, что раньше Кирюха ни за что не бросил бы его сидеть одного, а привалился бы рядышком, и они завели бы разговоры за жизнь. Теперь такие разговоры и начинать было смешно — слишком разная была у них жизнь. «Получу от него то, что надо, — думал Сенька, вертя в руках почти

готовый нож, — и разбежимся. Что я себя обманываю? Никакие мы больше не приятели».

Эта мысль, которую он старательно гнал от себя, огорошила его. Он и на поездку-то согласился в надежде, что все пойдет как прежде, и закончится непонятное молчание Кирилла по поводу их договоренности. Теперь стало ясно, что нужно не рыбку удить в дальней заводи, а поговорить с Кручининым напрямик, без всяких недомолвок и намеков. Не получается у него намеками, хоть ты тресни.

Погрузившись в невеселые думы, Семен встал и побрел куда глаза глядят, бессмысленно вертя в руках незаконченную работу. Пальцы его скользили по ручке ножа, ощупывали контур медведя, замирая на шероховатостях... Золотистые стволы сосен, пятна травы, по которым скользило солнце, гул невидимой отсюда реки — все действовало на него усыпляюще, и, чтобы не проваливаться в полусонное состояние, в котором мысли о Кирилле приобретали неприятную четкость, он решил отвлечь себя: присел на широкий поваленный ствол возле ямы, куда недавно сбрасывал камни, и стал рассматривать клинок и рукоять, сосредоточиваясь на том, что еще предстояло сделать.

Он просидел минут десять, совершенно потеряв счет времени, не думая ни о чем, кроме узора... И вздрогнул от неожиданности, когда из-за дерева на него упала чья-то тень. В первый миг Сеньке показалось, что это Кирилл решил напугать его, но, подняв голову, он обнаружил давешнего идиота, подходившего к нему враскачку, будто моряк. На большие голые ступни налипли иголки, из тонких царапин под коленками сочилась сукровица.

— Ба! Ты где прятался-то? — удивился Семен. — Вот черт неслышный. Я тебя и не заметил.

На этот раз вода не текла с дурачка, только зеленая потертая футболка была чуть влажной — видимо, он много времени провел на острове и успел обсохнуть. Остановившись перед Сенькой, мальчик внезапно похлопал его по голове, а когда тот недовольно отшатнулся, гулко расхохотался.

— Тихо ты, дурак!

Сенька обернулся в сторону шалаша. Показывать нового знакомого Кручинину ему не хотелось: тот, зверь такой, начнет издеваться над убогим, и тогда ничего хорошего не жди.

— М-м-м... — напрягшись, выдал дурачок, протянув к нему сверху вниз розовую пятерню. — Да-а-ай!

— Чего тебе дать? Покушать, что ли?

«Ну что за люди, а... Накормить им его жалко, что ли», — подумал

Семен озлобленно в адрес незнакомых ему отца и матери дурачка. Он встал, переступил с ноги на ногу, вспоминая, сколько банок тушенки осталось в сумке.

— Да-а-ай! — громко повторил тот, тыкая пальцем куда-то Сеньке за спину.

— Нож тебе дать? — догадался Сенька, обернувшись. — Э-э, нет! Типа, спички детям не игрушка. Ума поднакопишь малость, тогда будешь такими штуковинами баловаться.

Парнишка сделал попытку обойти Головлева, не сводя глаз с поблескивающего в солнечных лучах лезвия. Взгляд его — взгляд замороженного человека — не понравился Сеньке. Он заступил дурачку дорогу и покачал головой.

— Нельзя! — И, видя, что идиот не отходит, легонько отпихнул его в сторону, начиная сердиться. — Иди, кому сказано! Ну!

В ответ тот с неожиданной силой пихнул Семена, и Головлев едва удержался на ногах.

— Да-а-ай! — настойчиво повторил дурачок и заморгал красными глазками. — Да-а-ай!

— Иди ты! Дай ему... А будешь пихаться...

Сенька не договорил. Набывчившись, парень («Леша! — запоздало вспомнил Головлев. — Кажись, он вчера говорил, что его Лешей зовут») налетел на него, замутил кулаками в воздухе, лишь изредка попадая по Сеньке. Но несколько ударов оказались для Семена чувствительными — он был не готов к такому нелепому нападению. Мальчишка, несмотря на то, что был крупнее щуплого Головлева, казался ему совершенно безобидным, и теперь он на своей шкуре почувствовал, что ошибался.

Закрывая голову скрещенными руками, Семен попятился под градом ударов, и когда под ногой его исчезла опора, пошатнулся, вскрикнул, пытаясь удержать равновесие на краю ямы, и в ту же секунду кулак попал ему по носу.

В глазах у Сеньки потемнело от боли. Взбесившись, не разбирая, куда бьет, он выбросил вперед ладонь и ребром попал по чему-то мягкому.

— Ау-у-у!

Идиот взвыл визгливым голосом и обрушился на Семена всем весом. Оба полетели в яму, покатались по склону, обдираясь о сучья, и свалились на дно, врезавшись друг в друга. В живот Сеньке попали то ли локтем, то ли коленом, и изнутри его скрутило, а на затылке расплылось что-то горячее.

Сперва у него мелькнула глупая мысль, что он упал головой в теплую

лужу, и Сенька даже представил ее себе: темную воду в асфальтовом углублении, прогретую солнцем, с плывущей в ней бензиновой радугой. В нос ему ударил привычный машинный запах. Но в следующий миг пришло осознание, что он не в городе, а в лесу, где неоткуда взяться ни бензину, ни асфальту, ни даже луже, потому что последний дождь был неделю назад.

Бензиновая радуга от этого не исчезла — только теперь переместилась и возникла у него перед глазами: мерцающая, перетекающая из одного цвета в другой, шибавшая в нос смолой и отчего-то уже не бензином, а резким потом, от которого хотелось чихнуть. Сенька сморщился, и от этого простого действия провалился туда, где не было даже радуги — только сплошная ровная чернота, пахнувшая чужим страхом и долю секунды звучавшая для него как затихающее скуление.

Татьяна услышала поскуливание из сарая, когда возвращалась с огорода, отряхивая на ходу от земли вырванный из грядки пучок луковиц. От удивления она застыла на месте, и сухой комок брякнулся ей на ногу. Нахмурившись, Таня оглянулась на теплицы, в которых сквозь пленку мутнели два силуэта, и подумала, не позвать ли отца, но в следующую секунду решила, что выгонит собаку и сама. Правда, она побаивалась собак, но просить о помощи отца не хотелось. Да и мать тоже.

Она зашла в полутемный сарай и постояла, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте. Поскуливание прекратилось, и Таня настежь распахнула дверь, надеясь, что собака выскочит сама. «А вдруг сука щенится? Тогда не выскочит». На всякий случай Таня нащупала слева от косяка старую лопату и перехватила древко покрепче.

В углу зашевелилось, и вдруг она поняла, что никакая это не собака, а ее Лешка — сидит там, обхватив колени руками, и плачет, будто скулит. Она ахнула, отбросила ненужную лопату в сторону и бросилась к нему.

— Господи, Алешка! Маленький мой, что случилось?

Она торопливо ощупала его голову, пробежала пальцами по спине, грудной клетке... Он был мокрый и холодный, и Таня не сразу сообразила, что он снова плавал, хотя ему строго-настрого это было запрещено.

— Ты что, тонул? Леша!

Она немного успокоилась, убедившись, что у него ничего не сломано. Но взгляделась в его лицо, и ей снова стало не по себе: через правую щеку у него тянулись длинные кровоточащие царапины, на лбу запеклась кровь, а на скуле темнело что-то — то ли грязь, то ли синяк, она не могла разобрать в темноте.

Брат протянул к ней руки, и Таня сперва подумала, что он просит

помочь ему встать. «Деревенские избили? Упал? Что-то болит?» Мысли сменялись в ее голове одна другой, пока она обнимала его, перехватывала чуть повыше локтей, поднимала, скривившись от напряжения, — все-таки он был очень тяжелый...

И оборвались, как веревка под тяжелым грузом, стоило ей разглядеть рукава его длинной футболки.

Они были в розово-красных потеках, и текло с них розовым, темным, словно разведенным в воде смородиновым вареньем. Одна капля упала Татьяне на ногу, и она растерянно смотрела, как та стекает вниз и исчезает темным пятнышком в утопанной земле.

Кровь. Много крови.

Никаких мыслей больше не было — только разрастающееся, огромное удивление.

— Лешка? — протянула она, и удивление сменилось страхом. — Лешка, ты что? Это... твоё?!

Но ответ она уже знала. Брат был цел, не считая царапин и синяка. Кровь принадлежала кому-то другому.

— Что случилось? — шепотом спросила она и, когда в ответ он невнятно замычал, отчаянно затрясла его, тихо выкрикивая ему в лицо: — Что?! Что-о?!

Он вырвался у нее из рук, пригнулся, словно боялся, что сестра его ударит, хотя она никогда не била его, и торопливо заковылял к выходу.

— Стой!

Но он выскочил наружу и остановился, закрыв лицо ладонями, чтобы не слепило солнце. Выбежавшая за ним Таня увидела, что по тропинке к дому возвращается мать, и затащила брата обратно, толкнула на кучу старого прелого сена.

— Сиди тут! Тихо!

Таня зажала ему рот рукой, и он зажевал толстыми губами, как теленок, и подставил затылок детским движением, как делал всегда, когда хотел, чтобы она его почесала. Пока она водила свободной ладонью по его затылку, он силился что-то сказать, но ему мешала ее рука. В конце концов он отпихнул ее и выдавил, выпуская слова изо рта вместе с пузырьками слюны — когда волновался, речь давалась ему тяжело, и даже собственное имя он не всегда мог выговорить:

— Та-а-ам... Обидел!

— Кто? Кто тебя обидел?

— Та-ам! Обидели Лешу!

Он шмыгнул носом и махнул рукой в сторону двери.

— А Леша его — так! Ы-ы-ы!

Он показал, как именно сделал Леша, и у Тани похолодело внутри. «Подрался с кем-то... ударил его... Но почему кровь???»

— С кем ты подрался, Алеша? — тихонько спросила она, следя за голосом, чтобы не напугать его. — С мальчиком?

Он, мыча, замотал головой, и на нее полетели брызги с его мокрых волос.

— С девочкой?

Снова отрицательное мычание.

— С дяденькой?

— Дя-дя! Бо-бо дядя! Дядя Алешу бо-бо!

Таня опустилась на землю и с минуту мучительно соображала, что делать дальше. Наконец, решившись, выглянула наружу и, увидев, что мать скрылась в доме, потянула брата за рукав.

— Вставай!

Он не сразу, но поднялся и послушно пошел за ней.

— Леша, пойдём туда, где ты с дядей дрался. Понимаешь?

Он закивал, но глаза у него стали мутные, и Тане пришлось повторить еще несколько раз, прежде чем она убедилась, что он действительно ее понял.

— Ку-ре-оша!

— Тише, тише! Знаю, что Куреша! Побежали.

Она выскользнула из сарая, поманила его следом, прижала палец к губам. Он уже улыбался, включившись в ее игру: они частенько бегали друг за другом тихо, как мышата, чтобы не слышали отец и мать. Вот и сейчас они прокрались мимо дома, выскочили на улицу, с которой полуденный июньский жар прогнал всех, даже ленивых кур, и пустились бежать в сторону Куреши.

У реки Алеша отодвинул сестру в сторону и уверенно пошел видимой ему одному тропинкой. «Не первый раз уже здесь... — отметила Таня, осторожно ступая за ним босыми ногами. — Господи, а это что?»

В зарослях осоки лежала широкая доска. Мальчик ухватил ее за край, потащил, кряхтя от натуги, и бросил Татьяне под ноги.

— Ты на этом плыл?! Куда?

Ответ был ясен ей без слов, и жест брата — он махнул рукой в сторону острова — оказался лишним.

Снимать платье она постеснялась, и только завязала его узлом между ног. Когда они вошли в воду, Алеша лег на доску и поплыл, широко загребая ладонями, отгоняя воду назад с такой силой, что она бурнчиками

закручивалась вокруг края доски, изъеденного короедами. На сестру он даже не обернулся.

Татьяна плавала отлично, но она опасалась, что не справится с течением. Однако они справились. Когда запыхавшиеся брат с сестрой выбрались на берег, то лежали несколько минут, приходя в себя. Алеша встал первым и так же уверенно, как раньше, двинулся вдоль ивовых зарослей. Татьяна побежала вслед за ним, не оборачиваясь, и потому не заметила человека, наблюдавшего за ними издали.

Они свернули в лес, и Таня ойкнула, наколов ступню опавшими хвоинками. Алеша двигался вглубь, не обращая внимания на иголки, но несколько минут спустя замедлил шаг, а затем и вовсе остановился, виновато оглянувшись на сестру.

— Что там? — шепотом спросила Татьяна, всматриваясь в кусты.

— Дядя! Не-е-е-е...

Она видела, что брат напуган. На лбу у него выступил пот, а ее саму колотила дрожь: мокрое платье отвратительно холодило кожу. Татьяна постаралась взять себя в руки, отодвинула Алешу и сделала несколько шагов по направлению к зарослям. «Кто там? Может, пьяный в кустах?» Но она знала, что никаких пьяных здесь быть не может. Пьяный просто не добрался бы до острова, утонул в Куреше.

Раздвинув ветки, она неожиданно для себя оказалась на краю неглубокой лесной ямы, на дне которой лежал человек.

Вид его был так страшен, что Татьяна прижала руку ко рту, сдерживая крик. Лежавший был бесповоротно, беспощадно мертв. Разбитая голова, залитая кровью, раскинутые в стороны руки, на которых тоже темнели брызги... Кровь была везде: на траве, на ветках, на камнях...

«На камнях...» — подумала Таня.

Она обернулась к Алеше. Тот сидел на земле, закрыв голову руками, и раскачивался. Обычно это случалось после того, как его наказывали родители. Шагнув к брату, Таня присела перед ним на корточки и спросила, едва слыша свой дрожащий голос:

— Алеша, ты камнем его ударил?

Тот пробормотал в ответ что-то невнятное, продолжая закрывать руками лицо.

— Алеша... Я не буду ругаться. Честное слово! Только скажи: ты его ударил, да?

Брат поднял к ней сморщившееся лицо.

— Не дал! — гнусаво промычал он. — Дядя плохой! Не дал Алеше... — дальше пошел поток нечленораздельных слов, голос брата

звучал все громче, и Таня в панике зажала ему рот.

— Тише, тише! Господи... Сиди здесь, не говори ничего!

Она вернулась к яме и несколько минут расширившимися глазами смотрела на труп. Холод от промокшего платья проник ей под кожу и, казалось, сжимал сердце. Все внутри было холодным. Таня машинально дотронулась рукой до щеки и чуть не вздрогнула: кожа пылала, словно у нее был жар.

Она представила, как найдут тело, узнают, кто убил, заберут у нее Алешу и будут его лечить... Точнее, не лечить, а делать с ним кое-что другое в такой лечебнице, откуда она не сможет его забрать. Может быть, ей разрешат приходить к нему, и тогда раз в неделю она будет видеть его — то, что от него останется. А может быть, и не разрешат. Таня не знала, разрешают ли родственникам навещать слабоумных убийц.

Подумав о лечебнице, она еще раз провела рукой по щеке, но на этот раз не почувствовала собственного прикосновения. Ей было очень трудно думать и приходилось буквально вытаскивать из своей головы мысли о том, что предстоит сделать. Они путались, словно ниточки мулине из вышивальной коробочки, и каждая мысль была яркой — слишком яркой, отвлекающей внимание, а ей требовалось распределить их по степени важности. Таня попыталась приглушить цвета, но у нее не вышло, и тогда от отчаяния и неспособности соображать она застонала, совсем как брат, обхватила голову руками и сильно нажала пальцами на веки — так, что перед глазами забегали сначала черные, а затем желтые пятна.

Это помогло. Из вороха ниток-мыслей осталась одна, выделившаяся ярко-лиловым цветом. «Лопата. Мне нужна лопата».

Алешу она оставила сидеть возле тела. Приняв решение, Татьяна стала делать все очень быстро, хотя ей было очевидно, что она не предусмотрела и половины того, что должна была предусмотреть.

Обратно она переправилась на Алешиной доске, а прибежав домой, первым делом поменяла длинное вымокшее платье на короткое, быстро сохнущее. Отец и мать храпели после обеда, не интересуясь, где дети, и Таня поблагодарила бога за их равнодушие. Сейчас оно было ей только на руку.

Лопата, мешок... Она схватила старый заступ — тот самый, которым собиралась гонять приبلудную собаку, — и обернула мешковиной. Если ее увидят, скажет, что идет копать какие-нибудь лесные цветы для палисадника. Но после полудня деревня должна быть безлюдна...

Так оно и вышло. Правда, Таня не учла, как тяжело ей будет плыть на остров с лопатой, и потеряла некоторое время, пытаясь так и эдак

приладить ее к доске. В конце концов догадалась: положила обернутый мешком заступ на доску, а сама легла на него сверху, прижимая всем телом.

Когда она добежала до того места, где оставила брата, то обнаружила, что лес пуст. Заметавшись, как птица, среди стволов, Татьяна уже собиралась закричать, когда услышала сопение, доносившееся из ямы. Подбежав к краю, она увидела спускавшегося вниз Алешу.

— Что ты делаешь?!

От ее крика он вздрогнул и чуть не упал. Начал что-то объяснять, волнуясь и запинаясь, но Татьяна не стала слушать: она вытащила его из ямы, силой заставила стянуть футболку, и пожалела, что не захватила для него другую. Усадив Алешу на краю ямы, Таня приказала ему сидеть тихо и не двигаться с места, а сама, взяв лопату, спустилась к телу.

Она ожидала, что копать будет тяжело, но, к ее удивлению, заступ входил в землю, словно в песок. Камни Татьяна предусмотрительно сложила в мешковину и оттащила в сторону. Их оказалось много, и кровь была не на всех, но она решила не рисковать.

Выкопав яму, Таня схватила безжизненное тело за руки и потащила к могиле. От этого зрелища Алеша, до того сидевший тихо, пришел в такое возбуждение, что принялся прыгать, точно обезьяна, издавая птичьи крики, и, пока Татьяна не накричала на него, не успокоился. Таня сбросила труп в яму и принялась старательно зачищать кровавую полосу, оставшуюся за ним. Камни в мешке отправились вслед за окровавленной землей, затем в яму упали куски дерна, которые показались ей покрытыми бурыми пятнами. Татьяна работала бешено, ни о чем не думая, выполняя ею самой заданную программу и не отвлекаясь на мелочи вроде содранной кожи на руках и ломоты в спине.

Когда тело было закопано, она выбралась наверх и вырвала несколько веток малины. Ее не волновало, что малина засохнет, — все, чего ей хотелось, это скрыть следы на дне провала, кричащие о том, что здесь кто-то работал несколько часов не покладая рук. Земля в том месте, где она закопала убитого, казалась рыхлой, и Татьяна сначала притоптала ее, а затем набрала, отойдя подальше, полный подол хвои, шишек и опавших веток, и разбросала вокруг могилы и на нее. Часть камней осталась валяться на земле, но Таня утешала себя тем, что ни на одном из них нет крови.

Все мысли о том, что она делает, Татьяна отгоняла. Она поставила перед собой задачу — спрятать тело и те улики, которые могли бы указывать на брата, — и методично решала ее. Алешину футболку она собиралась сжечь, но спичек с собой не было, и, подумав, Таня

ограничилась тем, что закатала ей рукава, чтобы не было видно побуревших пятен. «Вернемся домой — сожгу».

Когда все было закончено, Таня выбралась из ямы и пошла к реке. Лихорадочная возбужденность, в которой она пребывала последние часы, исчезла, и она почувствовала озноб, быстро сменившийся жаром. Опустившись на колени прямо в мутную воду, Таня умыла лицо и едва успела отскочить в кусты. Ее долго рвало, и потом, обессиленная, она лежала на берегу, пока мысль о брате не заставила ее взять себя в руки.

Леша покорно ждал на краю ямы, и когда она увидела его — полного, нескладного, уродливого, как птенец, — сердце сжалось от мучительной боли за него и от страха, что все может всплыть. О себе Таня не думала: она представляла койку, к которой привязан ее глупый младший брат, и его лицо — непонимающее, перепуганное лицо ребенка, которому причиняют боль.

— Пойдем домой, — тихо сказала она, прогоняя отвратительное видение, и наклонилась, смахивая с головы брата овода.

Если бы не овод, Таня заметила бы человека, наблюдавшего за ней из-за деревьев. Но когда она распрямилась и обернулась, чтобы бросить последний взгляд на замаскированную могилу, тот уже спрятался за сосной.

Глава 7

К вечерней встрече с Алисой Роман готовился особенно тщательно, но приготовления его касались не столько внешнего вида, сколько настроения. Настрой сегодня следовало иметь правильный, и для того, чтобы войти в нужное состояние, он провел не меньше десяти минут, рассматривая ее фотографию и про себя разговаривая с девушкой.

Эту технику он освоил несколько лет назад, когда только начинал работать на шефа. Вспоминая себя тогдашнего, Роман усмехался: сколько же в нем было апломба и нахальства! Он знал, что красив, знал, что нравится женщинам, и самонадеянно считал, что этого будет вполне достаточно для выполнения тех заданий, для которых его взяли.

Шеф, мудрый человек, быстро сбил с него спесь, подсунув ему немолодую, по меркам юного Ромы, дамочку — лет тридцати восьми, невыразительной внешности: сухопарую блондинку с мелкими чертами лица. Муж блондинки хотел выяснить, устоит ли его супруга перед соблазном, и Роман начал работать, заранее уверенный в результате.

Однако все вышло не так, как он ожидал. Дамочка легко пошла на контакт, но стоило Роме намекнуть на продолжение отношений, как она выскользнула и на прощание даже позволила себе небрежное высокомерие. Он не смог бы повторить то, что она сказала, да это было и неважно: высокомерие пряталось в интонациях, в ее взгляде, в легком пожатии плеч... Он потратил на эту стерву два вечера, а она даже не дала себя поцеловать!

Докладывая об «операции», Роман интерпретировал события в свою пользу, выставив дамочку верной женой, устойчивой к мужской красоте и обаянию — если только красота и обаяние не исходят от ее супруга. Шеф выслушал его рассказ, хмыкнул и отрядил на продолжение операции Антошу — сублильного субъекта с кривой ухмылкой и крашеной белой челкой.

Антоше крепость сдалась после третьей встречи, и все стороны получили свое: семейная пара — развод и такой раздел имущества, который устраивал заказчика, фирма — гонорар, а Роман — щелчок по носу и важный урок. «Женщины клюют не на красоту, — сказал шеф, проводя разбор полетов. — Они клюют на исполнение своей мечты. Тебе придется этому учиться».

И Рома учился. Выяснилось, что клиенток, не клюющих на

стандартные приманки, — меньшинство. Роман посмеивался про себя, слыша, что мужчинам достаточно красивой фигурки и смазливового личика, чтобы они увлеклись их обладательницей и забыли обо всем. Женщины, с его точки зрения, были устроены куда проще! Им даже не нужны в избраннике фигура и лицо, если он соответствовал образу идеального возлюбленного, а таких образов-схем оказалось всего три. Следовательно, и всех клиенток можно было рассортировать на три группы.

Для первой важна была сила — во всех ее проявлениях. Сильный мужчина платил за все, принимал решения за всех и готов был сражаться со всеми, если в том была необходимость. Мозги сильному мужчине были необязательны, их успешно заменяли инстинкты, и чем ярче они демонстрировались, тем охотнее обрабатываемые дамы падали в объятия самца. Роман так и называл этот образ — «самец». Он ему хорошо удавался.

Вторая группа любила «качели». Раскачивание эмоций — вот тот крючок, который цеплял этих женщин: от грубости к нежности, от издевательской, утонченной язвительности — к нескрываемому обожанию, от любви к безучастности... Некоторым требовалось разнообразие, другие ловились на одну только смену чуткости и равнодушия, но с каждой из них тактика была рассчитана и ясна с первых часов знакомства. Роману был не по душе оттенок механистичности, который имелся в «качелях», но он признавал, что их достоинство — в простоте и предсказуемости.

Третьей группе женщин, с которыми имел дело Роман, требовались чувства. Иногда ему казалось, что крики о нехватке витаминов, кислорода, микроэлементов и прочего, о чем вопят газеты и телевидение, — все это чушь по сравнению с тем, насколько людям нужны чувства. Сильные! Искренние! Не экстрим, который является лишь суррогатом, заменителем — внешне сильным, но в действительности поверхностным, не затрагивающим ни одной струны души... А настоящие, неподдельные чувства, без которых организм болеет, поедает сам себя: растрavляется язвами, отзывается мигренями и мстит хозяину неврозами и прочими болячками, причину которых ищут совсем не там, где стоило бы искать.

О, Роман был мастер чувств! Он любил с размахом, страдал с упоением и готов был рыдать на коленях перед любимой, зная, что высокий красивый мужчина в слезах — зрелище, бередящее нежную женскую душу. Клиенток втягивало в водоворот эмоций, они сами начинали любить с размахом и страдать с упоением, и предавались этому с пылом, которого в себе и не подозревали. Это и становилось тем крючком, слезть с которого самостоятельно мало кто мог.

Определяя, к какой группе отнести очередное «задание», Роман распечатывал фотографию (смотреть на экран монитора не годилось, требовался лист) и начинал проникновенно беседовать с объектом предстоящей работы. Сперва он задавал простые вопросы, ответы на которые знал из досье: возраст, количество детей, сколько лет в браке, а затем переходил к угадыванию любимого цвета, времени года, блюда и мысленно составлял нечто вроде школьной анкеты, где требовалось синей ручкой вписать имя любимого певца, а также накорябать четыре строчки из лучшего в мире стихотворения.

На этом подготовительный этап заканчивался, и на первую встречу Роман отправлялся, вооруженный представлением о том, что нравится временной даме его сердца, — правда, представлением вымышленным. Но затем происходило удивительное: то ли проявлялись его способности физиономиста, то ли срабатывало чутье, но в большинстве случаев Роман угадывал минимум три пункта из пяти. Стоило ему выяснить это, и он начинал беседовать с «объектом» как с человеком, который ему уже знаком, и отчасти так оно и было: знакомством, и достаточно близким, Роман считал те десять-пятнадцать минут, что он разговаривал с фотографией и расспрашивал ее о жизни и предпочтениях.

В сочетании с его внешностью это производило удивительный эффект. Женщины доверяли Роману: он знал о них так много, а как можно не доверять человеку, который чувствует тебя едва ли не лучше, чем ты сама?

Если была необходимость, Роман проводил второй «сеанс связи» с фотографией, и на сей раз беседа была более продолжительной и серьезной. Со стороны это выглядело смехотворно, но Рому не интересовала оценка со стороны — его интересовал успех, а он был почти всегда.

Однако ничего идеального в мире нет, и временами у него случались провалы: выяснялось, что любимый цвет объекта вовсе не красный, а желтый, и даме не по душе весенние рассветы, потому что она предпочитает зимние вечера. Роман решил, что Алиса относится именно к таким исключениям, но задушевные встречи с ее фотоснимком не прекратил, надеясь на то, что в конце концов попадет в точку.

Эта девушка подспудно выводила его из себя — тем, что, не представляя собой ничего особенного, оставалась тайной за семью печатями. Молодая жена какого-то бизнесмена, она не была ни достаточно красивой, ни достаточно известной для того, чтобы отвергать ухаживания Романа. Самое обидное для него заключалось в том, что даже слово «отвергать» в данном случае не совсем подходило.

Алиса Кручинина казалась «вещью в себе». Открытая, улыбчивая, веселая и готовая к приключениям, она должна была стать одной из тех, кто обычно сам затаскивал Романа в постель. Они встречались два раза в неделю (только по его инициативе), отправлялись гулять в какое-нибудь необычное место (последний раз он водил ее по крышам, и Алиса была в восторге), болтали, затем забегали в кафе — словом, вели себя как люди, которых связывают некие *отношения*... Однако врать ни себе, ни нанимателям Роман не мог: при всем при том отношений между ними не было.

Он не сомневался ни секунды: если завтра он исчезнет из жизни Алисы, она не сделает ничего, чтобы найти его. Попытки Романа поцеловать ее или обнять натыкались на безмолвный отказ, хотя он видел — с его опытом не мог не видеть, — что она из тех пылких, легко загорающихся женщин, которые любят прикосновения и поцелуи не меньше, чем обычно следующий за этим процесс. Более того, Роман видел, что она не считает его неприятным.

Она не уклонялась от серьезных разговоров, но ее высказывания не затрагивали одной-единственной темы, той самой, которая больше всего интересовала Романа: Алисы Кручининой. Она не хотела говорить о себе, и это казалось ему удивительным: Роман привык к тому, что для женщины нет интереснее предмета беседы, чем она сама. Стратегия силы явно не подходила в ее случае, но «эмоциональные качели» ничего не дали, а действовать с прямоотой и яростным натиском «чувствительного влюбленного» Рома опасался.

В конце концов он решил, что переборщил, очаровывая ее. Они ошибочно сочли Алису Кручинину слишком сложной, и вся их беготня по крышам, рисунки, умные рассуждения о дизайнерах и уморительные шуточки, вытащенные из Интернета, были метанием бисера перед поросенком, притворившимся лебедем. Следовало действовать старинным дедовским способом, пошловатым, но эффективным.

Поэтому сегодня на нем была удобная обувь с пружинистой рельефной подошвой, которая смогла бы уберечь его от случайного падения на асфальте, а мягкие разношенные джинсы позволяли махать ногами в разные стороны без опасения, что шов разойдется в самом неподходящем месте.

Ранний летний вечер располагал к прогулкам, и Роман с Алисой, встретившись, отправились бродить по тихим улочкам Замоскворечья — он обещал показать ей дома с необычной архитектурой. Он заранее узнал, что вечером Алиса собирается навестить родителей, и водил ее с

архитектурной экскурсией пару часов, чтобы оказаться возле дома, где они жили, когда совсем стемнеет.

Перед подъездом Алиса достала телефон, чтобы позвонить мужу. Эти звонки тоже удивляли Романа: наберет номер, предупредит, что задерживается, и кладет трубку. Ни отчетов, ни ответов на вопросы, ни оправданий... «То ли он совсем женой не интересуется, то ли она его выдрессировала, — думал Роман. — Первое верно, пожалуй».

— О, ты глянь, какая штука!

Трое, вышедшие из-за угла, имели вид потрепанный и дерзкий. Следом за ними в желтый круг фонаря ступил четвертый: плечистый парень с мощными бицепсами, вразвалку догонявший свою компанию.

— Слышь, дай позвонить! Телефон забыл, в натуре! Че, правда, дай позвонить, а?

Их ухмылки ясно показывали, что они не станут даже стараться убедить кого-то в истинности своих намерений. Им нравилась эта игра, и они собирались еще немного поиграть в нее, а затем перейти к делу.

— Хочешь денег заработать себе на телефон? — предложил Роман, спокойно отодвигая Алису за свою спину. — Разбегись и ударься вон об ту стену. Я тебе за такое шоу заплачу штуку. На бэушный сотовый хватит.

— Не по-о-нял! Братаны, нас че, за придурков держат?

— Шутник, блин...

— А телефончик, цыпа, ты далеко-то не убирай...

Их взяли в кольцо так проворно, будто проделывали это много раз, оттеснив из-под пятна желтого фонарного света к стене, где густая темнота скрывала редкие чахлые кусты и пару скамеек перед подъездной дверью. Заскочить в дверь не было никакой возможности: потребовалось бы возиться с кодом домофона. Тот, что с бицепсами, сунул руку в карман, а через мгновение в ней блеснуло лезвие. Алиса за спиной Романа негромко ахнула.

— Спокойно... — протянул Рома. — Ну-ка иди сюда, герой!

Трое налетели на него прежде, чем он успел договорить, а четвертый, подбежав к Алисе, обхватил ее сзади за шею так, словно собирался придушить. Девушка хрипло вскрикнула, и тут случилось то, что смешало все планы. И в первую очередь — планы Романа.

У него все было просчитано. Оскорбление, свалка, из которой он должен был вынырнуть целым и невредимым, затем спасение Алисы с показательным мордобоем негодяя, посмевшегося поднять руку... и прочее в том же духе. Хулиганы проучены, раскаиваются и просят прощения, а в конце концов, воспользовавшись тем, что Роман утешает перепуганную

девушку и на минуту забывает о них, торопливо убегают (не сдавать же их в милицию! Милиция в Ромины планы совсем не входила).

Самым сложным был бой, потому что Роман категорически запретил бить себя по лицу, а накал драки сильно снижался без таких зрелищных ударов. Поэтому место было выбрано наиболее темное, чтобы Алиса слышала бойцов, но не могла бы толком разглядеть. Фантазия подсказет недостающее, утешал себя Роман, проводя инструктаж перед битвой. Движения были отработаны, реплики розданы и выучены, атмосфера резкого перехода от романтической прогулки к страшной и унижительной ситуации создалась сама собою. В попытке исключить любые накладки Роман даже выяснил, не владеет ли Алиса единоборствами — в его практике как-то попала клиентка, имевшая какой-то там пояс по тому виду единоборства, где эти пояса раздавали, и решившая применить навыки боя с партнером в ситуации уличной драки. Тогда глупой девице в запале едва не сломали руку, и разработанный план полетел ко всем чертям. Поэтому теперь Роман перестраховывался.

Но Алиса, как выяснилось, не владела никакими единоборствами. Она была идеальной жертвой, в меру восприимчивой, не способной защитить себя самостоятельно, потому что оружия она не носила — это Роман тоже узнал заранее, незаметно обыскав ее сумочку.

Они не учли только одного.

Через пять секунд после начала драки дверь подъезда распахнулась, и оттуда вывалился высоченный, наголо бритый субъект в драной майке и неприлично коротких шортах, подозрительно напоминавших семейные трусы. Не теряя времени на изучение обстановки и возмущение, субъект ударил ребром ладони парня, державшего сзади Алису, — не по шее, а по плечу, и тот, заорав, перекосясь на сторону и сполз вниз по стене. Алиса осталась стоять на месте, не издав ни звука.

К троим, суетившимся вокруг Романа, бритый подошел почти неспешной походкой, на ходу сжимая и разжимая пальцы. Ладони у него оказались очень большие — лопаты, а не ладони, — а мускулистые руки были покрыты густой светлой шерстью, выгоревшей на солнце. В вырезе драной майки курчавилась такая же шерсть, и казалось, что бритый, перед тем как выйти вечером, накинул на себя тонкую звериную шкуру.

— Э-э-э, мужик, ты че... — возмутился один из нападавших, пятясь назад.

Ничего не объясняя, не вовремя появившийся сосед смел его с пути одним движением, а затем схватил его приятеля за руку и вывернул ее. Движения амбала оставались по-прежнему небыстрыми, но в них

присутствовала неотвратимость, свойственная природному катаклизму. Ночной двор огласился ревом, сквозь который можно было различить повторяющиеся ругательства. Четвертый из нападавших, попытавшись нанести удар, получил тычок в солнечное сплетение и повалился на землю, сложившись пополам. Бритый проделал бы то же самое и с Романом, но его остановил крик Алисы:

— Макс! Не трогай его, он свой!

Названный ею Максом мужик вполголоса, лаконично и нецензурно высказался на тему «своих-чужих», после чего потерял к Роману всякий интерес. Он наклонился над стонущим парнем, которому вывернул руку, ощупал его и, перешагнув, бросил через плечо:

— К лапе дома лед приложишь, пройдет через сутки.

Второй и третий удостоились похлопывания по щеке и краткой характеристики «эх, гопники», произнесенной почти отеческим тоном. Четвертого, пытавшегося убежать, бритый поднял за шиворот и, дав тычка в спину, отправил к его приятелям, отчего тот едва не врезался в стоявшего столбом Романа.

Оказавшись возле Алисы, драчун наклонился к ней и нетерпеливо спросил:

— Ты как, цела?

Та кивнула. Ошеломленный Роман наблюдал, как бритый поворачивает ее спиной к себе, будто куклу, проводит пальцами по позвоночнику, задерживаясь на шее, а затем разворачивает обратно.

— Вроде и вправду цела... — сказал он. — Где твои шмотки?

Пока Алиса искала в кустах сумку, помощники Романа подтянулись друг к другу, собравшись под фонарем, и их перемещение привлекло внимание бритого. Он обернулся и недобро уставился на них.

— Я их в милицию сдам! — крикнул Роман, схватив одного из потерпевших за рукав, в надежде, что бритый не успеет сориентироваться и решить, что ему нужно дать показания.

Но тот, похоже, не собирался заниматься дальнейшей судьбой пленных. Махнув рукой, что Роман расценил как разрешение на любые действия, он приоткрыл дверь подъезда и довольно фамильярно подтолкнул к ней Алису, наконец-то нашедшую свою сумку.

— Пошли. Нечего по ночам шляться.

— Э! — крикнул им вслед Роман, отпустив рукав постанывающего помощника и совершенно потерявшись. Он часто уводил женщин у других — в конце концов, это было его профессией, — но первый раз на его глазах уводили женщину у него самого. — Алиса! Милая!

«Милая» обернулась и, кажется, хотела что-то сказать, но ей не дали.

— Иди! Милая... — проворчал ее спаситель и, когда она скрылась в подъезде, тихонько прикрыл дверь. Раздался щелчок, и Роман, рванувший было за ними, остановился, выругавшись: кода он не знал, как и номера квартиры, где жили родители Алисы.

— Вот же сука, — выдавил парень с накачанными бицепсами — старший, отвечавший за операцию. — Ромыч, откуда эта сука взялась?

— Слышь, валить надо, — прокряхтел второй. — Он щас на балкон выйдет, увидит нас и снова спустится...

Этого оказалось достаточно для того, чтобы все они дружно заковыляли за угол дома. Роман пошел за ними, понимая, что нужно играть до конца. Но когда он обернулся, чтобы бросить взгляд на подъезд Алисы, то обнаружил, что двор совершенно пуст. Никто не смотрел им вслед, не следил за тем, что они будут делать, и не было видно ни одного жильца, который проявил бы интерес к крикам и шуму возле дома.

Максим Белоусов поднимался по лестнице, подталкивая перед собой Алису, хотя в этом не было необходимости — она послушно шла, не оборачиваясь. Задержалась она только на четвертом этаже, возле родительской квартиры, но тут Белоусов сказал ей в спину одно слово:

— Выше!

И Алиса поднялась на пятый.

Толкнув незапертую дверь своей квартиры, Максим включил свет и сразу прошел в ванную, где громко загудели потревоженные сонные трубы и зашумела вода.

— Давай в кухню. — Он высунулся на секунду, стряхивая воду с рук, окинул ее взглядом и снова скрылся за дверью.

«В кухню так в кухню». Алиса сбросила сандалии, босиком прошла по полу и оказалась в кухне, где не было ничего, кроме очень чистой и явно дорогой плиты, подвесного шкафа с посудой и нескольких ковриков, сложенных пестрыми рулончиками вдоль стены. Без мебели комната показалась Алисе неожиданно просторной, в отличие от кухни ее родителей, загроможденной стульями, табуретками и двумя холодильниками.

— Любой, какой тебе нравится, — сказал бесшумно подошедший Максим.

Он взял один из рулонов и развернул посреди комнаты.

— Мадам, стол к вашим услугам!

— Ты собираешься меня кормить?

Она улыбнулась, и ему подумалось, что девушка вовсе не кажется напуганной произошедшим.

— Я собираюсь с тобой выпить.

— Я не пью! — запротестовала Алиса, но он уже выливал в кастрюльку булькающее красное вино, сыпал какие-то душистые специи из крохотных жестяных коробочек и помешивал варево длинной деревянной ложкой.

Рассматривая его, Алиса заметила, что шорты он сменил на домашние штаны, и ей стало смешно.

— Максим, а почему у тебя майка порвана?

Он оглядел себя, ничуть не смущаясь.

— Порвал, пока надевал. Торопился.

— Ты выглядишь как жертва разбоя, — она рассмеялась. — Хотя нет! Ты выглядишь как разбойник!

Он смотрел на нее, невольно улыбаясь, хотя этот день, шедший с утра наперекосяк, должен был по всем законам подлости завершиться именно так: ее возвращением поздно вечером с каким-то лоценым хмырем, похожим на актера, которого он видел с ней уже второй раз, и появлением гоп-компании, членам которой он едва не переломал руки — настолько был зол и на них, и на нее. Когда Максим вышел на балкон выкурить сигарету перед сном и понял, что происходит внизу, он скатился по лестнице как был, в трусах и старой футболке, едва не вышиб дверь, и чудом удержался, чтобы не впечатать головой в стену того уroda, который стоял возле Алисы, пережав ей шею. Хорошо, что в последнюю секунду привычка контролировать себя взяла верх.

Максим разлил по чашкам горячий глинтвейн и протянул одну Алисе, обернув ручку салфеткой, чтобы она не обожглась. Алиса сидела на синезеленом коврикe, похожем на море, отпивала маленькими глоточками из чашки, и он видел по ее глазам, что она снова канула куда-то. Только что была с ним, улыбалась ему — и вот исчезла, словно провалилась в кроличью нору и помчалась за невидимым ему кроликом, оставив после себя только тень той Алисы, которую он знал. Точнее, думал, что знает.

Максим Белоусов, врач тридцати восьми лет, считавший себя уравновешенным человеком, впал в ярость второй раз за вечер, и, едва сдерживаясь, чтобы не тряхнуть как следует за плечи девушку, сидевшую напротив, спросил без всякого предисловия, жестко и зло:

— Алиса, скажи мне, что ты делаешь со своей жизнью?

Ему удалось выдернуть ее из кроличьей норы. Она подняла на него глаза, и ее улыбка — слегка рассеянная улыбка, живущая в уголках губ и

маленькой ямочке на левой щеке, — исчезла.

— Ты сама понимаешь, что тебе нужна помощь?

Она аккуратно отставила чашку в сторону и поднялась, всем своим видом словно говоря: «Спасибо за гостеприимство, но мне пора».

— Сядь. Сядь, я тебе говорю! И выслушай меня...

Вместо того чтобы послушаться, Алиса отошла к окну. Теперь она стояла, отвернувшись от него, — маленькая, хрупкая, как одуванчик, тонкий стебелек которого вот-вот подломится. Она закрылась сразу, окончательно и бесповоротно, и он чувствовал, что достучаться до нее будет невозможно. Это раньше она слушала его и называла «доктор Максим Степанович» — в полушутку-полусерьез, при встрече рассказывала ему смешные случаи, происходившие с ней в институте, и с восхищением гладела на его жену. Машка как-то раз отозвалась в презрительном тоне о рыжей студентке, дочери «нижних» соседей и неожиданно для себя получила от мужа резкую отповедь — тем более изумившую ее, что в их паре прерогатива резких язвительных реплик полностью сохранялась за ней. Позже он догадался, что Машка, с ее непереносимостью красивых женщин в радиусе километра вокруг себя, всего лишь пыталась дать предупредительный залп, но перестаралась, потому что Максим не считал Алису красивой. К ней не подходило это слово, которым все чаще в последнее время называли девушек-моделей, одинаковых, как телевизоры, или таких женщин, как его бывшая жена.

— Алиса...

— Я никогда не оставлю своего мужа, — наконец сказала она невыразительным голосом.

— Да мне плевать на твоего мужа! — взорвался Максим. — Я тебе о другом говорю!

Алиса обернулась, и тонкие загорелые руки взметнулись, словно она пыталась остановить слова, которые он собирался произнести. От этого беспомощного, детского жеста Максим Белоусов неожиданно смешался и закончил совсем не так, как хотел:

— Так больше нельзя...

— Мне пора. — Это прозвучало так завершено, словно она не собиралась больше говорить ни слова.

Максим пару секунд смотрел на нее, затем покачал головой.

— Ладно. Пойдем, я тебя провожу.

— Макс, здесь один пролет!

— Я тебя провожу, — отдельно повторил он. — Пойдем.

Они молча спустились и встали возле двери, освещенной

подрагивающим светом старой дребезжащей лампочки. Алиса достала ключи, позвенела связкой.

— Спасибо тебе, Макс. Мне правда пора.

Ключ провернулся, рыжие волосы мелькнули в темноте коридора, и дверь закрылась с извиняющимся скрипом.

Максим услышал, как в глубине квартиры крикнули: «Мам, пап, это я! Вы уже спите?», стиснул зубы и в ярости ударил кулаком в стену.

Когда начальник службы безопасности по фамилии Туканов вышел из кабинета, у него было ощущение, будто Кирилл Кручинин щелкнул клыками ему вслед. Он поторопился закрыть за собой дверь, потому что была у Туканова маленькая, но весьма неприятная фобия: не любил поворачиваться спиной к собственному шефу. Иногда про себя он звал Кручинина вурдалаком — но только тогда, когда никто не мог подслушать его мысли.

Сейчас Кирилл и в самом деле был похож на вурдалака. Последние две недели он очень мало спал, много сидел перед компьютером и постоянно курил. Первую чашку кофе он выпивал рано утром — умница Алиса готовила ему прекрасный кофе, очень крепкий и сладкий, — а вторую сразу по приезде в офис, и этого хватало на три часа. Потом приходилось пить все больше и больше кофе, уже не чувствуя его вкуса, лишь ощущая на себе краткосрочный эффект. К тому же у него побаливала голова — нехорошо так побаливала, противной тянущей болью, разраставшейся за правым виском где-то в глубине черепа. Когда у Кирилла начинался приступ, ему казалось, что голова его увеличивается в размерах в два раза, раздувается, как шарик, — специально, чтобы было чему болеть. И еще казалось, что он слышит чей-то голос, тихий и монотонный. От голоса боль усиливалась, и Кирилл заставлял себя отвлекаться, чтобы не слышать его.

Просмотрев документы, добытые службой безопасности, и выслушав ее руководителя, Кручинин грязно выругался. Он не считал нужным сдерживаться при подчиненных, но на этот раз его ругань была адресована не подчиненному, а всей ситуации в целом и самому себе — за то, что позволил ей зайти так далеко.

«Нужно было сразу это сделать!»

Кручинин взял в руки досье на Викторию Венесборг, открыл первую страницу и, оскалившись, посмотрел на фотографию. Секретарша сунулась в дверь за какой-то надобностью, увидела оскал шефа и тут же испарилась, забыв, что хотела спросить.

«Вика-Викуша... Что же ты задумала, красавица? А?»

Информации удалось собрать не так много, как хотелось Кручинину, но вполне достаточно для того, чтобы он сделал определенные выводы. «Значит, подцепила ты себе богатенького шведа, вышла за него замуж и уехала... А муж твой возьми да помри, оставив тебя наследницей! И досталось тебе, Викуша, мебельное производство в экологичной Швеции... Зачем тебе мебель производить, дура? Ты же в этом ни черта не смыслишь!»

Однако досье свидетельствовало об обратном: после того как вдова господина Венесборга стала управлять бизнесом, дело под ее руководством процветало. «Это муж твой тебя научил, пока жив был. У самой-то тебя куриных мозгов не хватило бы. Использовала мужика, а потом и грохнула. А, Викусь?»

Кирилл с силой вжал окуроч в пепельницу, несмотря на жгучее желание оставить две выжженные дыры вместо глаз на снимке бывшей жены.

Он слишком поздно задумался над тем, какая причина заставила ее приехать в Москву для заключения контракта с его фирмой. Поначалу даже не дал себе труда поразмыслить, поскольку ответ был для него очевиден: появилась, чтобы похвастаться перед ним, распушить хвост — вот, мол, какая я стала, твоя Вика-простушка. Такое в характере любой бабы: они думают, что мужиков это унижает. Он только посмеялся про себя: что же тут унижительного — видеть, как благодаря твоим стараниям человек изменился в лучшую сторону? Приятно только...

Но затем узнал, что шведская фирма, торгующая оборудованием, которое они купили у Венесборг, была приобретена ею за четыре месяца до того, как на них вышли с предложением сделки, и задумался всерьез. Получалось, что Вика не просто так приехала из своего Стокгольма посмотреть на бывшего мужа и показаться во всей сочной женской спелости, чтобы он ронял слюни, глядя на нее. Нет, что-то здесь было другое... Его чутье, притупленное желанием, снова начало работать, и он больше не позволял себе отвлекаться на мысли о том, что бы сделал, останься наедине хотя бы на три часа с этой красивой бабой, которая когда-то была его собственностью.

Чутье подсказывало, что добра от Вики ждать не приходится.

Первым делом Кирилл приказал проверить новое оборудование для цехов и даже нанял для этого специалистов со стороны. Специалисты осмотрели оборудование со всех сторон и сообщили, что Кирилл Андреевич заключил удачную сделку. Кручинин предупредил о серьезности поставленной задачи, наплел о возможной диверсии

конкурентов, но спецы лишь пожалы плечами. Их ответ был однозначен.

Кручинин облегченно выдохнул, но тут же напрягся снова: интуиция подсказывала, что выдохнуть рано и от изменившейся Вики можно ожидать куда более неприятных сюрпризов.

Первая проверка налоговой выбила Кирилла из колеи настолько, что он даже не подумал списать ее на бывшую жену. Его юристы работали как каторжные, сам он не вылезал из офиса на протяжении двух недель, а Давид не вылезал из других мест — больших кабинетов с маленькими и средними начальниками, которым требовались деньги, деньги, много денег... Им с большим трудом удалось замять дело, и Кирилл в результате едва не уволил весь юридический отдел, потому что своими глазами увидел, сколько ошибок они допустили. «Вы должны были перестраховываться здесь, здесь и здесь! — орал он, размахивая договором, на побагровевшего начальника отдела — молодого парня, привыкшего работать не спеша и совершенно разленившегося за последние три года в сытом местечке. — Ты не понимаешь, идиот, что в соседней камере будешь сидеть?! Кретин!»

Однако проверка закончилась, и Кручинин, подумав, признал, что в произошедшем имелись свои плюсы: он увидел, что четверо его юристов — сборище некомпетентных идиотов, годных только на то, чтобы проверять трудовые договоры. Этим вопросом следовало заняться немедленно, и он, безусловно, так бы и поступил, если бы не свалившаяся на него санитарно-эпидемиологическая служба, представители которой без предупреждения объявились в обоих цехах и принялись проверять то, что проверять не следовало. Давид вновь улаживал возникшие трудности, но из-за придинок второй цех пришлось закрыть на целых шесть дней, и его простой обошелся Кириллу в круглую сумму.

А затем на птицефабрике появились представители пожарной охраны.

Этого не должно было случиться, потому что не должно было случиться никогда, разве что при смене власти. Но при нынешней Кручинин обезопасил фабрику со всех сторон. Чиновники, стоявшие во главе района, должны были молиться на него, а не отправлять инспекции на его предприятие.

Поэтому, когда в приватном разговоре прозвучала фамилия Венесбург, Кирилл почти не удивился. «Я же предупреждало!» — укоризненно сказало шестое чувство, и Кручинин окрысился на себя самого: да, черт возьми, предупреждало! Уже после второй проверки он понял, что дело нечисто, но ему было не до размышлений о причинах происходящего — он занимался ликвидацией последствий. А стоило, стоило бы сесть, закрыть двери,

отключить телефон и в спокойной обстановке поразмышлять над тем, кому он должен быть благодарен за потоки фекалий, обрушившиеся на него в последнее время.

И все-таки, все-таки... Когда, уже подключив к расследованию службу безопасности и прямо сказав, где нужно искать, он увидел снимки Вики, выходящей из офиса «Баравичова», то не поверил своим глазам. Дьявол ее раздери, она не могла! Снюхаться с конкурентами, надавить на нужных людей, чтобы организовать проверки, — все это стоило времени, сил, денег, в конце концов, все это требовало таких ресурсов, в первую очередь интеллектуальных, каких не могло быть у этой курицы!

Но факты были неопровержимы: снимки Виктории в компании Севы Гельдмана, правой руки Баравичова, лежали на столе перед Кириллом. А человек из администрации Липецкой области подтвердил: да, Венесборг приезжала в их район — якобы с деловым предложением губернатору. И тот ее принял. Как-никак, шведская подданная, все могло быть серьезно... Кручинин выслушал это с непроницаемым лицом, по которому невозможно было прочесть обуревавшие его чувства.

Вот когда он осознал, насколько недооценивал ее все время! Предполагал, что она осталась прежней Викой, надевшей маску недоступности, изменившей лицо и тело, но сохранившей в своей красивой головке ту же начинку, что была в ней прежде. До него с большим опозданием дошло, что все события последнего месяца складываются в единую картину, и в нее не вписывается его бывшая безмозглая жена, проученная им за жадность и леность, зато вписывается Виктория Венесборг, бывший муж которой вел дела в России на протяжении нескольких лет и успел обрасти знакомствами и связями.

И когда Кирилл подумал об этом, его охватила ярость.

Ему бросили вызов! И кто?! Тряпка, о которую он вытирал ноги! Курица, притворяющаяся равнодушной, а на самом деле наверняка до смерти боявшаяся его! Вздумала переиграть Кручинина на его собственном поле... «Вот же тварь! Тупая, жадная тварь! И Баравичова подцепила, стерва!»

Кирилл закрыл глаза и откинулся в кресле, вдыхая запах сигаретного дыма, расплывшегося по комнате. Ноздри его раздувались, желваки играли, но пальцы медленно проводили по фотографии из досье.

Он просидел так около десяти минут, и за это время слепое бешенство, в котором он пребывал, сменилось азартом охоты. Свежая кровь — вот чего ему давно не хватало! На первый взгляд противник не стоил его внимания, но раз выяснились новые обстоятельства... «Почему бы и нет? Но только

охота будет проходить *по моим* правилам».

Когда Кирилл открыл глаза, они сверкнули недобрым блеском.

«Решила поиграть со мной, детка? Что ж, ты сама напросилась».

Начальник службы безопасности выслушал новое задание, задал два уточняющих вопроса, кивнул и скрылся. Трое суток спустя Кириллу Кручинину были предъявлены новые фотографии, и он, едва взглянув на них, набрал номер жены.

— Лиса, ты где?

— Где-то... — чуть удивленно ответила та — не привыкла, что муж интересуется ее местонахождением.

Год назад он еще пытался спрашивать, бесился, не получая ответа, а затем заставил своих людей неделю последить за ней и все понял. Она сама частенько не знала, где находится. Гуляет себе беспечно по городу, как ребенок, ворон ловит... Кручинин поразмыслил и решил не обращать на это внимания: главное, Алиса ему верна, а уж что у нее в башке творится — дело десятое.

— А конкретнее?

Она услышала по его голосу, что он злится, и тут же собралась. «Умница... — довольно подумал Кирилл. — Вот ведь дура дурой, а умница». За это он тоже ценил жену: при том, что в голове у нее гулял не просто сквозняк, а настоящий ветер, она всегда знала, когда следует включить мозги. А мозги, он должен был признать, у нее имелись, причем математического склада: не зря главбух ее хвалила. Кручинин не мог понять, как все это совмещается в одном человеке, но знал, что женщин анализировать бесполезно: вот такой она уродилась, ничего тут не поделаешь.

— Я неподалеку от Тимирязевского парка, — отчиталась Алиса. — Кирилл, что случилось?

— Ты мне нужна. Оставайся там, где стоишь, я сейчас за тобой пришлю машину.

Жена появилась в его кабинете спустя полчаса, и он окинул ее удовлетворенным взглядом. Одевалась она как мальчишка, по какой-то непонятной московской моде — штаны широкие, как шаровары, а сверху непонятная облегающая тряпочка болотного цвета, вроде майки, только покороче, — но отчего-то ей это шло. Платья-юбки она почти не носила, маленькую грудь и не думала упаковывать в бюстгальтер, и со временем Кирилл, ценивший в женщинах пышные формы, даже начал находить в этом особый вкус. И двигалась она так, что у него начинало сладко нить в

паху, когда он следил за покачиваниями ее упругой попки. «Тощевата только, — думал он, пока жена подходила, наклонялась, прикасалась теплыми губами к его щеке, щекоча волосами. — И лохматая вечно».

— Что не причешешься? — мрачновато спросил он, загребая в ладонь ее рыжие пружинки. — Ходишь, как... как бабайка!

— Кто? — Она улыбнулась, вывернулась, села напротив него — а в глазах спряталась настороженность.

Обостренным чутьем Кирилл это заметил и не стал терять времени даром: поднял телефон, бросил в трубку: «Туканова ко мне» — и усмехнулся Алисе.

Ждать пришлось недолго. Меньше чем через минуту в дверях появился Туканов со своей машинкой. Один из его парней нес провода, и он же начал подключать контакты к неподвижно сидевшей Алисе.

— Сейчас... одну секундочку... Вот так не больно? — бормотал он, пока Кручинин смотрел на них, испытывая странное чувство удовлетворения от вида замершей, беспомощной жены, а Туканов настраивал детектор.

— Нет... только немножко щекотно, — пробормотала Алиса. — Кирилл, зачем это?

Она немного заволновалась, но даже не пыталась возмущаться, высказывать из кресла...

— Меня током не ударит?

— Ни в коем случае! — заверил Туканов, закончив свою работу. — Алиса Сергеевна, я сейчас задам вам несколько вопросов, а вы на них ответите, хорошо?

Она вопросительно посмотрела на Кирилла, тот кивнул, откинулся в кресле и закурил, не сводя глаз с ее лица.

Процедуру он наблюдал и раньше, поэтому еле дождался, пока закончатся обязательные вопросы об имени, возрасте, времени года и самочувствии. Еще две минуты — и начальник службы безопасности встал, отошел, незаметно кивнув Кириллу.

Кручинин достал фотографии, бросил перед Алисой:

— Это — кто? Отвечай!

Пару секунд Алиса рассматривала снимки, затем подняла на него глаза, сказала растерянно:

— Это Рома. А зачем ты нас фотографировал?

Тонкие пальчики быстро пробежали по снимкам, выхватили один:

— Ой, вот эта удачная! Кирилл, можно я ее себе возьму, а? Посмотри, как я здесь хорошо получилась!

Кручинин бросил взгляд на начальника службы безопасности, и тот отрицательно качнул головой: все чисто.

— Что еще за Рома?

— Мы случайно познакомились на улице. Он, кажется, за мной ухаживает...

— Кажется? Ухаживает?! Рассказывай, как познакомились!

Алиса вкратце изложила обстоятельства знакомства с Романом, отвечая на вопросы, которыми муж перебивал ее повествование.

— Рисунок, значит, выпал, — кивнул Кирилл и неприятно улыбнулся. — Вообразил себе девушку и нарисовал ее! — Он вдруг оставил нарочито спокойный тон и резко спросил: — Почему мне об этом не говорила? А? В постель к нему захотела?

Брови Алисы взлетели, а затем недоумение сменилось улыбкой.

— В постель? Что ты, Кирилл! Я же тебя люблю.

Ее признание нисколько не тронуло его.

— Тогда какого хрена?...

— Боялась, что ты запретишь мне гулять. — Алиса виновато, как ребенок, посмотрела на него. — Он такой милый... По крыше меня водил как-то раз. Нет-нет, не подумай, — заторопилась она, — это не опасно! Я просто не хотела тебя огорчать.

Она помолчала, изучая его лицо, и добавила расстроено:

— Я что-то не так сделала? Ты сердишься?

— Посиди пока, — приказал Кирилл, не отвечая на ее вопрос, и кивком указал Туканову на дверь.

Когда они вышли, секретаршу Ниночку словно ветром сдуло: за что ценил ее Кручинин, так это за способность улавливать его настроение.

— Ну? — Он обернулся к подчиненному. — Без растекания мыслию по дереву, коротко и ясно.

— Кирилл Андреевич, только в одном месте был скачок чуть выше...

— Вот этого мне не надо! — перебил Кручинин. — Про скачки кому-нибудь другому рассказывай. Мне нужно одно знать: где она врет, а где нет.

— По показаниям прибора — нигде не врет.

— Ясно...

Кирилл постоял минуту, сохраняя хорошо знакомое Туканову непроницаемое выражение лица, означавшее, что кому-то ничего хорошего ждать от шефа не придется.

— Тогда вот что...

Роман вышел из машины и нажал на кнопку: пропела послушная

сигнализация, и он небрежным жестом сунул ключи в карман. У него было в арсенале несколько таких жестов — красивых, специально отработанных... Они нравились ему самому, и он сделал их своей привычкой.

Настроение у Романа было паршиво-озабоченное, и та его часть, которая чувствовала себя паршиво, предложила вызвать такси, отправиться в какой-нибудь клуб, снять там красивую девочку и беззаботно провести ночь. Однако та часть, что была озабочена происходящим, напомнила о проведенной «чистке мозгов ершиком для унитаза» — так эту процедуру именовал его шеф.

Чистку провела клиентка, и сделала это так, что Роман и в самом деле на короткое время ощутил себя фаянсовым изделием. Чувство было очень неприятное, но Роман, будучи человеком неглупым, понимал, что взбучку он заслужил. Случайные совпадения, накладки и прочие неудачи списываются не на господ бога, а на исполнителя, провалившего операцию. С бога слишком сложно спросить — по крайней мере, на этом свете.

Но когда Владимир сказал, что пока оставляет его на задании, потому что лучшей кандидатуры нет, Роман едва не взвыл. Он не хотел больше заниматься странной девчонкой! Об этом он заявлять не стал, но высказался недвусмысленно: Алиса Кручинина слишком увлечена своим мужем, и оттого Роман расценивает шансы на успех как крайне низкие. Он признает, сказал Роман, что во всем случившемся есть его вина, и поэтому понесет любое наказание, включая возвращение части — он умело подчеркнул «части» — своего гонорара.

Идея с возвращением гонорара Володе, ясное дело, пришлась не по душе. Но дело было не в нем. Дело было в этой упертой тетке, Венесборг, которая заявила, что нет такой женщины, которую нельзя было бы обольстить и влюбить в себя при правильном подходе.

В этот свой визит она выглядела очень возбужденной — в противовес прошлой встрече, когда Роману показалось, что они имеют дело с айсбергом: завораживающе красивым, безупречным, но все-таки айсбергом, водоплавающей ледышкой. И несмотря на то что у Венесборг нашлись довольно колкие слова в его адрес, у Романа все равно осталось впечатление, что она чем-то довольна.

И она не хотела верить Роману, что Алиса Кручинина влюблена в своего мужа. С неожиданным упрямством и даже прорезавшейся злостью, которую Венесборг тщетно пыталась скрыть, она сообщила, что не стоит оправдывать свои провалы обстоятельствами, не имеющими отношения к

заданию, а на изумленное замечание Володи «как же не имеют, когда имеют!» отреагировала так резко, что тот предпочел замолчать и слушать ее без комментариев.

По результатам молчания и был вынесен приговор: Роман занимается девушкой, исправляет последствия своей ошибки, гарцует и увивается вокруг нее, не будучи при этом чрезмерно назойливым. А Венесбург пообещала, что на следующий раз приведет специалиста, который составит психологический портрет Алисы Кручининой и расскажет, где тот золотой ключик, который им так нужен.

«Мне стоило сделать это сразу, — сказала клиентка, имея в виду психолога. — Но кто же знал, что вашего профессионализма не хватит...»

Они это проглотили. И психолога, и профессионализм.

Размышляя о том, каков будет вердикт психолога, Роман пошел к подъезду. Солнце садилось, и длинные, словно залитые черной краской тени от столбов казались объемными. Перешагнув через последнюю, Рома хлопнул по карману, проверяя, на месте ли ключи, которые он сунул туда полминуты назад, а в следующую секунду его ударили в левый бок.

Нападение было настолько неожиданным, что никакие рефлексы не помогли Роману защититься, а страшная боль от удара — ему показалось, что внутри лопнул пузырь и залил кровью внутренности — не оставила ни малейшего шанса применить на практике те приемы, которым учили его на занятиях кунг-фу уже год. Он с хрипом завалился на черную полосу тени и приложился скулой о бордюр, успев подумать о том, что ключи от удара выпадут из кармана.

Их было двое, и они били его со сноровкой людей, привыкших добросовестно заниматься превращением человеческих тел в нечто нечеловеческое. Кроме боли, Роман ощущал только звуки — не слухом, а каким-то другим чувством: отвратительно хрустнул сломанный нос, глухим ударом, как отсыревшая ватная подушка, брошенная на землю, отозвался желудок, а ребра затрещали сухими ветками, которые пожирал хищный огонь. Затем огонь охватил Романа изнутри целиком — он не мог сказать, на каком по счету ударе, потому что перестал различать их уже на пятом и воспринимал как непрерывную жуткую боль, усиливавшуюся то в одной части его тела, то в другой.

Когда его перестали бить, он замер, скрючившись, под кустами, прислушиваясь к новым странным звукам: как будто кто-то выпускал из воздушного шарика воздух, время от времени пережимая отверстие, и тот выходил с негромким свистом. Понимание, что он слышит собственное дыхание, пришло одновременно с осознанием того, что горячая пахнувшая

жидкость, от которой намочили его джинсы, — не кровь.

Над ним наклонились, и, различив сквозь щелочки опухших век очертания человеческой фигуры, Роман прохрипел:

— Помоги...

Человек присел на корточки, и запыхавшийся голос сказал над самым его ухом, отчетливо выговаривая слова:

— Еще раз окажешься возле Алисы Кручининой, останешься без яиц. Понимать надо буквально, а не как фигуру речи. А Венесбург скажи, что следующая очередь — ее.

Человек встал и начал таять в фонарном свете, становясь отчего-то не желтым, а темным, непроницаемым, и вместе с ним таким же темным стало и сознание Романа.

Глава 8

За металлоискателем пришлось возвращаться в Москву, потому что первый, привезенный Бабкиным, вышел из строя через двадцать минут после начала работы, и Сергей, как ни бился, не смог разобраться, что с ним не так. Дорогу туда и обратно длиной шестьсот километров он осилил за один день, ругаясь и кляня на чем свет стоит производителей металлоискателей, и по приезде сразу же уснул, едва свалившись на узкую панцирную кровать.

Когда он проснулся, комнату заливал молочный свет, как будто за стеклом светилось привидение. Заинтересовавшись таким эффектом, Сергей встал, отдернул дырявую кисейную занавеску и обнаружил за окном отвратительный мутный день: солнце с трудом просачивалось сквозь облачную вату, а просочившись, казалось, теряло золото где-то высоко над грязноватой пеленой, оставив для подоблачного мира только слабенький белый оттенок перестоявшей простокваши.

— М-да. Деревня Гадюкино.

Сергей отвернулся от безнадежного полынного пейзажа и только теперь заметил, что в комнате что-то изменилось.

Его спортивная сумка, которую он не брал с собой, стояла иначе: край торчал из-под кровати, а Бабкин, уезжая, задвинул ее до самой стены. Узкий фанерный исцарапанный шкаф, в который он повесил верхнюю одежду, был приоткрыт, и оттуда подслеповатым глазом таращилось зеркало. Вытащив сумку, Сергей быстро убедился, что кто-то рыскал в ней, прикрыл шкаф и задумался.

Самым простым объяснением было бы любопытство хозяина, но Бабкина что-то смущало в этой версии, и он наконец понял, что именно. Григорий сделал бы все аккуратнее — именно потому, что хозяин. Не так сложно было бы задвинуть сумку на место или прикрыть шкаф поплотнее... Но тот, кто обыскивал комнату, не озаботился этим: либо по лени и глупости, либо...

Либо он хотел, чтобы гость знал об обыске.

— Или просто не скрывался, — вполголоса проговорил Бабкин, укладывая вещи в привычном порядке.

Он еще раз выглянул в окно, увидел за ним безмятежную куцую собачонку и усомнился в своих выводах. «Кто здесь может настолько заинтересоваться мною, чтобы рыться в вещах и демонстративно не

возвращать все в исходный вид? Ерунда! Не будем усложнять простое: все-таки виновник — хозяин. Либо спьяну искал деньги, либо сюда зашел кто-то из его дружков и подумал, что у приезжего можно чем-нибудь поживиться. Поискал, ничего интересного не обнаружил, плюнул и ушел, не позаботившись толком скрыть следы».

Для окончательной уверенности Сергей напомнил себе любимый афоризм Илюшина: «Не стоит объяснять умыслом то, что можно объяснить глупостью».

— Вот именно! — сказал он. — Глупостью!

И пошел на кухню готовить себе завтрак перед поездкой на остров.

Когда Бабкин высадился на песчаный берег, ветер разогнал облака над рекой, и день повеселел. Сергей вытащил лодку и направился к шалашу знакомой тропой.

Включая металлоискатель, он запоздало подумал о том, что напрасно взял грунтовый — стоило бы не пожалеть средств и купить профессиональный глубинный. «Если тело зарыли на глубину больше метра, то эта штуковина мне точно ничем не поможет». Он отстроил металлоискатель от грунта и начал работать, идя кругами от шалаша и время от времени оглядываясь на пройденное расстояние.

Бабкин знал, что вокруг металлического предмета, долгое время лежащего в земле, создается небольшое поле, на сленге искателей иногда называемое окисловым, которое может влиять на поле иской катушки. Знал он и то, что имеет дело не с грунтом повышенной влажности, в котором его прибор должен был работать точнее, а с непонятной почвой — скорее всего, песчаной, и найти в ней маленький металлический предмет будет не так-то просто.

«Как иголку в стоге сена. Если она есть, конечно».

В наушниках стояла тишина — первые пятнадцать минут. А затем они запищали, и Бабкин вынужден был остановиться. Лопата осталась возле шалаша, поэтому он отметил место залегания металла и отправился за инструментом.

Первой его находкой стала десятикопеечная монета. Бабкин повертел ее в руках и отправил в карман, раздумывая о том, сколько еще монет, оброненных рыбаками, может находиться в земле этого островка.

Следом за гривенником настала очередь рубля, затем Бабкину повезло найти целую россыпь неизвестно откуда взявшихся центов, а полтора часа спустя металлоискатель помог ему выудить какую-то старинную монетку, год на которой был неразличим.

«Так и разбогатеть недолго!» Сергей снял наушники, давая отдых

ушам, и оглянулся. За ним шла полоса местами перекопанной земли, и она казалась очень узкой и маленькой по сравнению с тем пространством, которое ему еще предстояло пройти. В воздухе повисла духота, и с Бабкина градом катился пот, а руки устали от металлоискателя больше, чем от лопаты, которой он ожесточенно копал землю в поисках «сокровищ». «Надеюсь, те, кто здесь был, не сорили деньгами специально. Иначе я еще год могу так шарахаться...»

Он вздохнул, мимоходом пожалев о том, что не курит — сигарета сейчас пришлась бы весьма кстати, — и поднялся. Пора было продолжать работу.

В следующий час он нашел проржавевшее лезвие ножа и два больших гвоздя. Попискивание детектора в наушниках стало привычным, и Бабкин больше не вздрагивал, заслышав его. Еще час поисков ничего не дал, а затем на пригорке под сосной, выглядевшем очень многообещающе, Сергей выкопал целый шампур для шашлыков.

После этой находки он решил, что пора сделать перерыв. Спрятав в шалаш лопату, металлоискатель и все свои находки, Бабкин отправился к лодке, где оставил припасы. По пути непрощеный внутренний голос втолковывал, что вся его затея нелепа и построена на песке. «С чего ты взял, что на жертве будет какой-то металлический предмет? А если убийца раздел Семена, а одежду сжег? Что тогда?»

«Тогда по металлическим коронкам буду искать», — огрызнулся Бабкин, уже излагавший эти аргументы Илюшину несколькими днями ранее. Идея с металлоискателем принадлежала Макару, и хотя Сергей относился к ней крайне скептически, он не мог не согласиться с тем, что других вариантов у них нет.

Он выбрался из-под ивового укрытия и встал как вкопанный. Лодки на песке не было.

На всякий случай Бабкин прошел по берегу, высматривая серый вытянутый силуэт, но он прекрасно помнил, где оставил «Мурену», и понимал, что ошибка исключена. Лодку украли.

— Ай-яй-яй... — укоризненно протянул он. — И зачем же вы, голубчики, это сделали? Вас же в этом Голицыне два с половиной инвалида! Разыскать — проще простого...

Последнюю фразу он договаривал, доставая телефон. И тут обнаружилось, что сигнала на острове нет.

Сергей выругался. Положение становилось нелепым. Больше всего Бабкина раздражало чувство голода и нехвата лезущее в голову воспоминание о том, как утром он упаковал два больших бутерброда с

сырокопченной колбасой, сунув в каждый по веточке укропа. «Хоть бы пакет с бутербродами выбросили!»

— Уши бы вам оборвать, — пригрозил он вслух, подумав, что лодку вполне могли увести деревенские мальчишки, если только такие имелись. Потом вспомнил, что в лодке остались резиновые сапоги, и разозлился уже всерьез.

«Переплыть... И что, ехать в соседний город за новой лодкой? Полдня на это потрачу. Хозяин свою может и не дать... Эх, делать нечего, придется возвращаться вплавь».

Он стянул джинсы и футболку, снял кроссовки, спрятал ключи от машины в узел на футболке, предварительно обернув их непромокаемым пакетом, и уже собирался войти в воду, как вдруг шестое чувство остановило его. Идея вернуться вплавь на другой берег, приехать в деревню, попросить у кого-нибудь лодку и снова отправиться на остров вдруг перестала казаться единственно возможной и потеряла всякую привлекательность.

Бабкин отошел от прохладной текучей воды, посмотрел зачем-то на облака, потоптался на берегу и выудил из-под куста свои кроссовки.

«Раз уж я здесь, пожалуй, поработаю еще пару часов. А к вечеру вернусь».

Не доходя до шалаша, он ускорил шаг, подгоняемый смутным неприятным ощущением, оглянулся, но увидел только сосны и серо-зеленый ивовый заслон вдоль берега. Возле шалаша собралась тень, внутри тоже было темно и влажно, и Сергей с облегчением нырнул внутрь, подумывая, не устроить ли перерыв на сон, раз уж с обедом ничего не получилось. Он присел на корточки, вдыхая идущий от земли и подгнивших веток запах, сорвал с ближайшей сухой лист и размял его в пальцах.

И тут сообразил, что изменилось за то время, что он ходил до берега и обратно.

Птицы перестали петь. Все это утро, снимая наушники, чтобы передохнуть, Бабкин слышал птичий щебет и в конце концов перестал его замечать, но теперь его пронзило ощущение тишины, повисшей в лесу. Он выругал себя за то, что потерял бдительность, и подался к выходу из шалаша, но выбраться наружу не успел.

Раздался шелест, свист разрезаемого воздуха, а затем шалаш содрогнулся от удара, и ближайшая к Сергею опора сломалась ровно посередине. Отпрыгнув от накренившейся палки, которой не давали упасть переплетения сухих ветвей, связывающие ее с остальными опорами, он

откатился в сторону, насколько позволяло пространство, и тут же ощутил новый удар — казалось, тот отозвался в земле, вздрогнувшей под ним.

— Э-э! — заорал Бабкин. — А ну хватит!

Ответ последовал тут же — в виде треска очередной опоры. Кто-то снаружи яростно крушил шалаш, не обращая внимания на находящегося внутри человека.

Сергей оказался в ловушке. Попытавшись выбраться, он едва не попал под удар палки, и счел за лучшее отскочить от выхода. Сверху на него безостановочно сыпались ветки, сухие листья, мусор, накопившийся в крыше шалаша за много лет, и в конце концов вся конструкция, пошатнувшись, завалилась и рухнула, накрыв Бабкина словно сетью. «Если он захочет меня прикончить, сейчас самый удачный момент», — решил Сергей, барахтаясь под упавшими кольями и ветвями. Ноги у него запутались в брезентовом полотне, как в коконе, а в щеку вонзился сучок, расцарапав кожу до крови.

Но тот, кто безжалостно расправился с шалашом, затих. После паузы последовали непонятные щелчки, затем металлический скрежет. Потом Сергей расслышал прерывистое дыхание, шаги, и кто-то прошумел в кустах, удаляясь от поляны. Не теряя времени, Бабкин с трудом выбрался из своего плена, протер глаза и огляделся, не зная, ожидать ли нового нападения. У него мелькнула мысль догнать нападавшего, но он вовремя остановился: не зная даже направления, в котором тот ушел, он мог найти лишь более серьезные неприятности.

Вокруг снова стояла тишина, только теперь она была другой: не выжидательной, а удовлетворенной. Расценив это как знак того, что все, что могло случиться, уже случилось, Сергей обернулся — и увидел искореженный металлоискатель.

Он выругался, потому что сразу понял, что за звуки предшествовали исчезновению нападавшего. Перерезанные провода, вырванный дисплей, сломанные наушники... Ему недвусмысленно дали понять, что его поиски крайне нежелательны.

Но вместе со злостью Сергей почувствовал удовлетворение: значит, он двигался в правильном направлении. Или те, кто пытался остановить его, так считают.

— Хотите сбегать меня отсюда, ребята? — вслух спросил Бабкин. — Боюсь, ничего у вас не получится!

Он еще раз огляделся, но лес был тих. Спокойный до флегматичности Сергей был не склонен преувеличивать значение нападения на него: если бы его хотели убить или изувечить, то сделали бы это раньше, когда была

такая возможность. Кем бы ни был нападавший, пока он ограничился кражей лодки и уничтожением шалаша. Бабкин обдумал версию о том, что два этих происшествия следует расценивать как предупреждение, и на третий раз он так легко не отделается, но решил, что в данном случае ему стоит проявить некоторую тупость и сделать вид, что намеки он понимает с большим трудом.

— Хотите мне что-то сказать, пишите письма, — подытожил он, доставая из кармана нож и усаживаясь над изувеченным прибором.

Пытаясь разобраться в его устройстве, Бабкин с усмешкой поймал себя на мысли о том, что воспринимает металлоискатель как пострадавшего приятеля, помогавшего ему выполнять нудную работу. В успех реанимации устройства ему верилось слабо, но Сергей в любой ситуации считал нужным сделать все, зависящее от него.

Однако некоторое время спустя состояние пациента уже не казалось ему таким безнадежным, как при первом взгляде. Правда, с дисплеем пришлось проститься, но провода Сергей аккуратно соединил снова и обмотал изолентой, которую достал из тайника, мысленно от всего сердца поблагодарив неизвестного ему рыбака за предусмотрительность.

Ему повезло, что человек, ломавший прибор, торопился. Если бы он потратил чуть больше времени и чуть тщательнее подошел к своей задаче, Сергей никогда не смог бы исправить последствия его вандализма. Но у нападавшего не было времени, и поэтому полтора часа спустя после гибели шалаша Бабкин получил худо-бедно работающий металлоискатель.

Он выпрямился, потянулся, прижал к уху один уцелевший наушник и, водя катушкой, пошел к тому месту, где прекратил поиск.

Через три часа безрезультатного прочесывания леса Сергей вышел на край ямы, в которую свалился двумя днями раньше. Он вспомнил, как, выбравшись, подумал о том, что тело могло быть спрятано именно здесь. Съехав по отвесному заросшему склону, Бабкин включил металлоискатель — и тот почти сразу отозвался новым звуком. Писк в наушнике был таким отчетливым и резким, что Сергей вздрогнул.

— Ну-ка, ну-ка... — пробормотал он, не веря в удачу.

Еще раз поведив катушкой над землей и услышав тот же звук, Бабкин отложил прибор и поднялся за лопатой. Ему пришлось выкорчевать кусты малины, прежде чем показалось дно ямы, и Сергей дважды брался за металлоискатель, чтобы проверить: не в вырванных ли им кустах завалялось то, на что наушники реагировали тревожным и требовательным сигналом.

Но умный прибор уверял, что интересующее Бабкина находится в

земле, прямо под ним.

— Черт с тобой, попробуем, — проворчал Сергей вслух, ударяя лопатой в мягкую податливую почву.

Десять минут спустя он отбросил лопату и отступил на несколько шагов назад. Больше ему здесь делать было нечего — наступила очередь криминалистов.

Из светло-желтой рыхлой земли, беспорядочно простроченной торчащими в разные стороны корешками, виднелась истлевшая рука, прикрывавшая то, на что и среагировал металлоискатель, — широкую пряжку пояса. Круглую, рельефную, больше подходящую для женского ремня, чем для мужского.

Когда Сергей вышел на берег, собираясь переправляться вплавь, на песке лежала его перевернутая лодка.

Татьяна услышала смех Матвея — громкий, залиvistый. Мальчик пытался что-то кричать, хохоча, но невозможно было разобрать ни слова. Изумленная, она выскочила из дома и замерла на крыльце: Леша сидел возле сарая и вертел в руках какую-то деревянную фигурку (птичку — рассмотрела она), а Матвея — ее большого, тяжелого Матвея — подкидывал и ловил Данила Прохорова. Лицо у него покраснело, по лбу струился пот, но он не прекращал забаву.

— Данил, выше! — пискнул мальчик, и Таня не выдержала:

— Хватит!

Они вздрогнули от ее крика, все трое, и обернулись к ней. Леша что-то загудел, показывая птичку, и засмеялся. Затем сунул ее в рот, дунул — и раздался протяжный свист, вызвавший у него бурную радость.

— Дани-и-ила! — выговорил брат, тыча пальцем в неподвижно стоявшего Прохорова. — Дани-и-ила!

И довольно забил ладонью по земле.

— Зайди в дом, — приказала Прохорову Татьяна и ушла, не глядя на разочарованное лицо сына.

— Дядь Данил, ты еще придешь? — спросил Матвей, цепляя гостя за рукав.

— Само собой. С мамой вот только поговорю — и приду.

Когда Прохоров вошел в комнату, Татьяна стояла, глядя в окно. Он сделал шаг, она обернулась, и Данила отшатнулся — такой яростью горели ее глаза.

— Зачем?! — негромко спросила Таня, едва сдерживаясь. — Зачем ты это делаешь?

— Делаю — что?

— Зачем ты приручаешь их? Зачем это все? Подарки, игры? Что тебе нужно от нас?!

Она говорила по-прежнему тихо, но голос ее звенел от напряжения, и вся она, вцепившаяся побелевшими пальцами в край стола, казалась натянутой до предела, как струна.

Лицо Данилы осталось бесстрастным. Он пожал плечами, насмешливо глядя на нее сверху вниз:

— От тебя мне ничего не нужно.

— Тогда не ходи к нам больше!

— А я не к тебе хожу. Я к ним пришел.

— Не смей! Я тебе запрещаю!

Прохоров рассмеялся, запрокинув голову, и белоснежные зубы его блеснули в сумраке комнаты:

— Запрещаешь? Нет, Танюша, ты мне ничего запретить не можешь. Можешь только попросить, девочка. А я, возможно, исполню твою просьбу.

Голос его звучал издевательски, но Татьяна чуть остыла, нахмурилась, не сводя с него темных запавших глаз.

— Попроси, — снова предложил он. — Попробуй! Со мной ведь можно и по-человечески разговаривать. А ты, как меня заметишь, все кричишь: «Ненавижу! Пошел вон!» Может, хватит уже, а? Сама себя заводишь, потом остановиться не можешь.

Девушка качнула головой, будто сомневаясь, и выдавила с явным трудом:

— Не приручай к себе Матвея и Алешу. Пожалуйста.

— А почему нет, Танюша? — тихо и ласково спросил Данила. — Ответь мне — почему нет?

— Потому что они привыкнут к тебе, а потом ты исчезнешь! — ожесточенно бросила она. — Мелькнешь в их жизни как фейерверк, поиграешь с ними пару раз, приласкаешь, как котят, и они к тебе потянутся. Ты исчезнешь, а я останусь и буду отвечать на вопросы о тебе.

— А если не исчезну? — Голос Прохорова был по-прежнему тих, и только слова он выговаривал чуть медленнее, чем обычно. — Может, я согласен их навещать?

— Ты?! Согласен их навещать? — она презрительно расхохоталась. — А ты нас спросил, согласны ли мы, чтобы ты нас навещал?

— Согласны?

— Нет!

— А если я женюсь на тебе?

— Что-о?! — недоверчиво протянула Таня. — Что ты сказал?

— Что слышала. Я хочу жениться на тебе.

С минуту она молчала, глядя на него, а потом решила, что эти слова следует расценивать как шутку и пропустить их мимо ушей. Иначе и быть не могло. Но собственное решение вдруг укололо ее такой болью, что она откинула голову в гневе.

— Слушай... Ты ведь подонок, Данила. Мерзавец. Для тебя, наверное, эти слова — пустой звук, ты их и в книжках-то никогда не видел, потому что книжки ты редко читаешь. А для меня — нет. И для Матвея — нет. Так что я не собираюсь своему сыну объяснять, почему к нему в гости ходит такой подлец, как ты.

— Ты бы определилась, кто я. А то и подонок, и мерзавец, и подлец... Не многовато будет?

— В самый раз для тебя!

Они замолчали, глядя друг на друга так, словно собирались испепелить взглядами, но даже в эту секунду Прохоров, старательно скрывавший свое бешенство, любовался ею — против воли, но все равно любовался.

Гордячка... И всегда такой была. Данила Прохоров, в пятнадцать лет совращенный старшей двоюродной сестрой, к двадцати двум годам перепробовал многих женщин и знал цену своей привлекательности. За восемнадцатилетней Татьяной он наблюдал словно кот, выжидающий, когда мышь потеряет осторожность и окажется у него в когтях. Он не позволял себе фантазий, только смотрел: как она идет угловатой походкой, как откидывает волосы, обнажая впадинку на шее, как длинный сарафан при ходьбе путается в ногах и она поправляет подол, открывая тонкие незагорелые лодыжки... Прохоров сам над собой смеялся, но признавал, что она возбуждает его так, как не возбуждала ни одна из подружек в бесстыдно коротких шортах, с вываленной напоказ пышной грудью. Скромностью, что ли, этим своим монашеским одеянием, которое хотелось содрать с нее, крикнув: «Дура, зачем такую красоту прячешь!»

Он дожидался удобного случая, уверенный, что она не откажет. Ему никто не отказывал! Двадцать два года — и он в самом расцвете: сильный, высокий, мускулистый парень, привыкший, что на него заглядываются и девчонки, и женщины, и принимавший их интерес как само собой разумеющееся. К тому же при собственном бизнесе, пусть он лишь младший партнер (их автосервис тогда только становился на ноги, но уже приносил неплохой доход — в основном благодаря умениям и знаниям его напарника).

Данила начинал в нем мальчиком на побегушках. В семнадцать лет его взял под свою опеку старший механик и доходчиво объяснил смышленому чернявому парнишке, что тому лучше молча смотреть на то, что происходит в гараже, и всегда держать язык за зубами. «Помогает это по жизни», — флегматично сказал механик, и очень быстро Данила осознал, насколько тот был прав.

Он сам понял, чем занимаются окружающие его люди, когда во второй или третий раз увидел, с какой скоростью разбирают пригнанную дорожную иномарку с московскими номерами. Такие случаи выпадали нечасто: обычно «раздевали» горьковские машины, благо до Горького было рукой подать. Тот же механик, который преподавал Прохорову первый и самый важный урок, затем, присмотревшись к нему, принялся потихоньку учить Данилу многому из того, что знал и умел сам. К двадцати годам Данила мог открыть почти любую машину, отключив сигнализацию с ловкостью профессионального угонщика. Этим умением он воспользовался несколько раз, но на него очень быстро вышли серьезные люди с серьезным предложением, и Прохоров, подумав, решил не связываться с ними, хотя предложение было заманчивым. Осторожность взяла верх.

Женщины любили его — чувствовали лихость, азарт, бесшабашность. Но на Татьяну, как оказалось, это не действовало.

Он пошутил с ней на улице один раз, проводил от магазина до дома другой, и считал, что предварительный этап ухаживания на этом можно заканчивать. Правда, Танька смотрела на него враждебно и делала вид, что ей не доставляет удовольствия его компания, но он-то знал, что это всего лишь игра! И потому, когда тем вечером возле своего дома она ударила его всерьез, Данила устался на нее, словно не веря, что она себе такое позволила. А девчонка, сверкнув по-ведьмински черными глазами, прошипела: «Еще раз сделаешь так — убью, сволочь!» — и убежала, оттолкнув его. А что он сделал-то? Подумаешь, обнял и попытался поцеловать! Нашлась недотрога...

Потом-то он пытался перевести все в шутку, но она с таким презрением смотрела на него, что Данила отступил.

Однако от своих планов в отношении Таньки не отказался. Ее сопротивление только раззадорило его. Теперь он не на шутку загорелся идеей приручить норовистую вороную кобылку, подчинить ее своей воле, заставить ее смотреть на него с обожанием и любовью, с тем жадным чувством, какое он часто ловил в глазах своих временных женщин. Прохоров был уверен, что, подпусти Татьяна его чуть поближе, и она сама поймет, какое сокровище теряет. Пусть он не смог сразу произвести на нее

впечатление, но он это непременно исправит, нужен лишь подходящий момент!

Ему потребовалось не так много времени, чтобы он наконец осознал: подходящего момента не будет. Самый чувствительный удар девчонка нанесла ему, обозвав надоедливой деревенщиной, хотя родился, вырос и работал Данила в промышленном районном центре, а в Голицыно приезжал лишь время от времени летом, так же, как и она.

Это оскорбление всколыхнуло в нем чувства, которых он в себе и не подозревал. Деревенщина, значит! Самым мягким, что досталось Татьяне в ответ, было «наглая московская сучка», но Танька даже не покраснела — только взглянула так, будто Прохоров лишь подтвердил ее мнение о нем, и ушла, брезгливо подавшись в сторону от него. Уязвленный и озлобленный, Данила сплюнул ей вслед и потом до вечера не мог успокоиться, искренне сожалея, что Танька — не парень, до того ему хотелось избить ее. Злоба надолго осела в его душе, а вместе с ней и еще что-то — странное чувство глухой тоски, от которой он не спасался даже выпивкой.

Эта восемнадцатилетняя городская соплячка его не хотела. Она его оскорбила, хотя он не дал ей никакого повода и был с ней вежлив! Даниле было бы проще, если бы он больше не видел Татьяну, но именно в тот год умер дед, и бабушке требовалась помощь, а потому он приезжал в Голицыно каждые выходные, и всякий раз, словно по заказу, наткнулся на девчонку, возившуюся с младшим братом, дурачком. И всякий раз, когда они встречались глазами, ему казалось, что она бросает ему вызов и смеется над ним.

Молчание нарушила Татьяна, внезапно рассмеявшись коротким нервным смешком:

— Ты поговорить хотел, кажется? Вот и поговорили. А теперь проваливай.

Данила собирался что-то ответить, но тут за окном проехала машина, освещая фарами песчаную дорогу, Татьяна обернулась на звук и приглушенно вскрикнула.

Спустя секунду Прохоров уже стоял рядом с ней у окна и смотрел, как напротив дома Григория останавливается милицейский «уазик» и из него выбирается толстый рыжий парень.

— Милиция... — прошептала Таня, оборачиваясь к нему. В глазах ее застыл ужас. — Господи, Данила... Они тело нашли...

Состояние Виктории Венесборг выдавали ее руки. Они не дрожали, не

сжимались в кулак — в общем, не происходило ничего такого, что позволило бы Илюшину сделать вывод о волнении клиентки... Но ее длинные белые кисти лежали на подлокотниках так неподвижно, что Макар подумал о том, сколь большое усилие воли она прикладывает, чтобы себя не выдать.

Только лихорадочный блеск ее глаз свидетельствовал о том, что Венесборг с большим нетерпением ждет возвращения Сергея Бабкина, который должен был приехать в квартиру Илюшина с минуты на минуту.

— Я сказала вам, что производство по делу возобновили?

Голос ее звучал почти естественно — мелодично и нежно, — но Макар снова бросил взгляд на ее застывшие пальцы.

— Так скоро?

Женщина едва заметно улыбнулась.

— Хороший стимул, Макар Андреевич, — это половина успеха. И гарантия того, что работа будет выполнена надлежаще и в срок.

Громкий звонок в дверь возвестил о приходе Сергея, и вскоре в комнату ввалился он сам — мокрый с головы до ног, пахнувший едковатым дымом и бензином.

— Каждый раз при нашей встрече льет дождь как из ведра! — Он улыбнулся клиентке, и Виктория в ответ выдавила из себя улыбку, но не слишком убедительную. «Еще один раз — и лимит на улыбки у нее будет исчерпан, — подумал Макар. — Держится она, конечно, неплохо, но, похоже, на пределе выдержки».

Он обернулся к Сергею:

— Рассказывай, археолог.

— Рассказывать особенно нечего. — Бабкин устало опустился в кресло, провел ладонью по лбу и подумал о том, что обратная дорога оказалась слишком утомительной, а вся поездка — тяжелой и мутной, как тот последний день. — Я его нашел, тело выкопали и увезли в тот же вечер. Группа очень оперативно сработала.

— Хорошая мотивация творит чудеса.

— Именно.

— Где вы его нашли? — вмешалась Виктория.

Она наклонилась к Сергею, вся подалась вперед, словно бегун перед стартом.

— На острове, как вы и говорили. Труп был закопан в одной из ям. Их там около шести, кажется естественного происхождения...

— Да, Сеня мне объяснял! Я помню, как он... — Она неожиданно осеклась, медленно подалась назад. — Боже мой, бедный Сеня! Знаете, я

только сейчас...

Она помолчала, затем серые глаза остановились на Сергее.

— Расскажите мне, что вы видели. Что от него осталось?

— Как ни странно, тело неплохо сохранилось, если учесть, сколько оно пролежало в земле. По словам эксперта, причина в том, что на острове специфическая почва — очень сухая, полупесчаная. Я думаю, что вы знаете об этом не меньше меня...

— Мне бы хотелось послушать ваше мнение, — уклончиво ответила Виктория.

— Череп разбит каким-то тяжелым предметом, и, вероятнее всего, смерть наступила именно от удара. Я разговаривал с экспертом перед отъездом, и он сказал, что под ногтевыми пластинами сохранились частички кожи. Возможно, они принадлежат убийце. Теперь остается только ждать результатов исследования. Я не хотел бы вас обнадеживать, Виктория, — осторожно добавил он. — Тело пролежало в земле около восьми лет, а у нас не Америка и не сериал Си-Эс-Ай, чтобы целая группа криминалистов начала исследовать его со всех сторон и реконструировать преступление. Хорошо, если анализ вещества под ногтями проведут грамотно...

— Проведут, не сомневайтесь.

Бабкин внимательно посмотрел на нее, но ничего не сказал. «Надеюсь, ей не придет в голову подкупать следователей, чтобы фальсифицировать улики».

— Виктория, а вы не боитесь? — внезапно спросил Макар.

Она с готовностью обернулась к нему.

— Чего же?

— Того, что в результате расследования ваша версия не получит подтверждения. Одно дело знать, что ваш муж убил человека, и совсем другое — доказать это. Тем более по прошествии стольких лет. А ведь вы не могли не просчитывать такой результат, вкладываясь в поиски тела...

— Вы намекаете на то, что я готова дать взятку, лишь бы криминалисты подтвердили ту версию, которая выгодна мне? — Она ничуть не обиделась или не показала вида. — Вы правы лишь наполовину. Мне приходило это в голову, но я отдаю себе отчет в том, что потом последовало бы: мой бывший муж не из тех, кто безропотно пойдет в тюрьму, не попытавшись сопротивляться. А отражать его атаку с краплеными картами в руках — это, знаете ли, безрассудство.

— Тогда на что же вы рассчитываете?

Венесборг пожала плечами:

— По-моему, очевидно: на то, что эксперты смогут найти улики — настоящие, не ложные — и с их помощью Кирилла привлекут к ответственности за убийство. Моя роль заключается в том, чтобы поспособствовать этому по мере сил, вот и все.

— Ясно, — кивнул Макар. — Что ж, будем ждать результатов экспертизы. Серега, что у тебя еще?

— Слежка, — немедленно ответил тот, и Виктория с Илюшиным взглянули на него: одна — недоверчиво, второй — нахмурившись. — Перерыли мои вещи, пока я был в отъезде, потом наблюдали за мной на острове...

Он рассказал о краже лодки и нападении на шалаш, а Илюшин мрачнел все больше с каждой новой подробностью. Когда Сергей закончил, Макар обернулся к Виктории:

— У вашего мужа могут быть друзья в деревне?

Та покачала головой:

— Нет. Откуда? Я даже не уверена, что он знает хоть кого-то из тех, кто там живет. Кирилл приезжал в Голицыно на машине, Сеня добирался на электричке, они встречались на берегу и вместе переправлялись на остров на лодке Кирилла. Все припасы перевозили с собой, так что им не было нужды обращаться к местным жителям за помощью.

— То, что ты рассказал, Серега, мне совсем не нравится. В первую очередь потому, что не вписывается в нарисованную нами картину.

— А я-то думал, потому, что я мог пострадать... — протянул Бабкин, приняв удрученный вид. — А у тебя, значит, в картину не вписывается...

Но Макар даже не улыбнулся. Он озабоченно взглянул на клиентку и подумал, что она, похоже, восприняла рассказ Сергея довольно-таки спокойно.

— Что вы думаете обо всем происходящем, Виктория?

— Только то, что эти события кажутся мне не связанными между собой, а потому ничего не значащими. Вещи, очевидно, обыскал сам хозяин, лодку украли деревенские, воспользовавшись подходящим случаем, а разрушение шалаша — дело рук какого-нибудь местного сумасшедшего. Мне очень жаль, Сергей, что вы оказались пострадавшим...

— Да не оказался я! — перебил ее Бабкин. — Черт с ней, с лодкой, не в ней дело! И в шалаше ничего страшного не произошло. Но один раз — это случайность, два — совпадение, а три — закономерность. Я вижу здесь закономерность.

— Вы ошибаетесь. В Голицыне не могло быть людей, заинтересованных в том, чтобы помешать нашему расследованию, поэтому

я на вашем месте не придавала бы этим происшествиям особого значения.

— Хорошо, если так... — пробормотал Сергей, явно не переубежденный. — Кстати, у меня есть кое-что для вас.

Он вышел из комнаты и вернулся минуту спустя с небольшим пакетом.

— Эту вещь я обнаружил в шалаше, в небольшом тайничке. Вы видели ее раньше?

Она приняла у него пакет, развернула, и оттуда на колени ей выпала небольшая брошь: птица, распахнувшая крылья. Виктория рассмотрела птицу со всех сторон, провела пальцем по длинному клюву и покачала головой:

— Впервые вижу. Золото, а камень похож на изумруд.

Она передала брошь Макару.

— Если вы правы, то это ценная вещица. — Илюшин повернул птицу к свету. — Да, есть проба, но кроме нее — ничего. Серега, говоришь, она была в тайнике? Что за тайник?

— Просто углубление в земле, защищенное от влаги. Я мальчишкой делал что-то подобное, поэтому и стал искать, не рассчитывая на успех. И нашел.

— Там было что-то еще?

— Угу. Моток изолянт, который мне очень пригодился.

— Оригинальный набор.

— Я тоже удивился.

Виктория молча рассматривала птицу, поворачивая ее то одной стороной, то другой.

— Мне отчего-то кажется, — наконец сказала она, — что эта вещь принадлежала Сене.

— Сомнительно, — высказался Илюшин. — Хотя...

— Я больше чем уверена. Можно мне оставить ее себе?

Макар и Сергей переглянулись. Бабкин протянул руку, и Виктория без возражений положила ему в ладонь золотую птицу.

— Я, собственно, затем ее и привез, чтобы отдать вам, — сказал он, вставая. — Вот только хочу ее сфотографировать на всякий случай.

Наблюдая за тем, как Сергей подыскивает подходящий фон для украшения и снимает его с разных ракурсов, Макар пытался поймать даже не мысль — ощущение, которое возникло у него, когда он держал брошь в руках. Ощущение было какое-то неопределенное, оборачивалось то тревогой, то неожиданным беспокойством за Бабкина, то настороженностью, которую он сам испытывал по отношению к Виктории Венесборг... То, что он почувствовал, пряталось где-то глубоко внутри и не

хотело появляться на свет. Макару мешал сосредоточиться взгляд женщины, сидевшей в кресле напротив: она смотрела за действиями Сергея с таким лицом, будто птица была живой и она боялась, что он случайно причинит ей боль.

— Виктория! — позвал Илюшин, и она вздрогнула.

— Да?

— Вы уверены, что не видели эту вещицу раньше?

— Совершенно уверена, — ответила она, не задумываясь. — Я бы ее запомнила. Сергей, вы позволите?...

Она забрала у него брошь и спрятала в сумочку. Затем посмотрела на Бабкина с Илюшиным, и первый раз за все время улыбнулась победной улыбкой:

— Будем считать, что благодаря вам у меня появился талисман. А то я уже начала сомневаться в своих силах.

Виктория

Знаете, я уже начала сомневаться в своих силах. Усталость охватывает меня все сильнее, и нервное возбуждение сопровождается непривычной апатией тела, когда ум приказывает телу двигаться, а оно, бедное, не слушается его приказов и валится, как механическая кукла, из которой вынули батарейку.

Я преодолеваю себя и пью таблетки, прописанные мне хорошим врачом. Он считает, что я до сих пор переживаю из-за потери мужа. Я и впрямь переживаю, но считаю совершенно излишним уточнять, по какому именно. Поверьте, мы хорошо жили с Никласом, и я испытывала к нему все положенные чувства: благодарность, уважение, искреннюю симпатию... Что не помешало мне обрадоваться его смерти, потому что наконец-то я могла делать все, что считала нужным.

Он очень много сделал для меня, мой Никлас. Первые полгода после замужества он занимался мною так, как гордый родитель может заниматься ребенком, в котором видит талант. Шведский я выучила на удивление быстро, и он заставлял меня читать, водил по музеям, устраивал целые экскурсии. Запас его знаний был огромен, он увлекательно рассказывал, и я впитывала в себя все, что мне преподносили, с готовностью птенца, раскрывающего клюв к прилету мамы-птицы.

Одновременно мне тактично и ненавязчиво преподносились не менее важные уроки. Новые зубы, личный косметолог, уроки стилиста...

Временами я казалась себе куклой, с которой играет мой новый муж. Но потом я поняла, что привлекает его во мне... Возможность быть богом, лепить из той глины, что податливее пластилина, ощущать себя творцом и мастером, имеющим дело с лучшим из материалов — с человеческой душой, умом и телом.

И я не обманула его ожиданий. Никлас даже был поражен моими успехами. Он довольно быстро понял, что я могу быть не только игрушкой, но и партнером, и постарался извлечь из этого все, что можно. Под конец жизни он признался, что ему невероятно повезло со мной, и я до сих пор благодарна Никласу за эти слова.

Птица, которую привез мне широкоплечий сыщик (я называю его «мой герой» — он годится на роль героя, как его коллега годится на роль хладнокровного грабителя банков), рождает во мне подъем, словно ее золотые крылья способны унести меня далеко отсюда — туда, где я уже достигла своей цели и счастлива. Я ведь буду счастлива, когда достигну ее, правда?

Но я не могу скрывать, что меня мучает страх. Я не навещала Романа в больнице, но его начальник красочно описал мне, что сделали с ним люди Кирилла. Даже если бы я не слышала его рассказа, мне хватило одной встречи с моим мужем, чтобы понять, что пощады от него ждать не стоит.

В тот вечер я вернулась в гостиницу и, проходя по вестибюлю, чтобы забрать ключ от номера, заметила его, сидящего в кресле. Там невероятно глубокие кресла, в вестибюле, и выбраться из них сложно, как из воронки. Но стоило Кириллу увидеть меня, как он, странно выгнувшись, поднялся из этой засасывающей ловушки почти непринужденно, и кресло за его спиной разочарованно хлюпнуло своей бархатной пастью, выпустив добычу.

Он просто стоял и смотрел на меня, не делая попыток подойти. И я тоже замерла. Меня охватило оцепенение сродни гипнотическому: даже перед танцующей коброй с раздувающимся капюшоном, уверена, я не испытала бы такого чувства.

Так вот, Кирилл стоял и смотрел на меня без улыбки, без этой своей фирменной ухмылки одной половиной рта. И мне было страшно — так страшно, как не было уже очень давно. А потом он улыбнулся, и мне стало не просто страшно, а жутко. Я осознала, что он может убить меня прямо здесь, и никто не успеет ему помешать, а осознав это, нашла в себе силы двинуться с места и дойти до милой девушки в униформе, которая с понимающим, как ей казалось, видом смотрела на нас. Двое влюбленных, конечно же... Что еще она могла подумать?

Знаете, он обо всем догадался. Поэтому он избил несчастного,

безобидного Рому, который даже ни разу не поцеловал Алису Кручинину. Поэтому Кирилл приехал в гостиницу — чтобы показать мне, что он все знает, и убедиться, что я его поняла. Боже мой, какой дурой я была, представляя себя охотником, терпеливо и долго дожидаясь добычи; как я безбожно льстила себе этим сравнением! Нет ни охотников, ни тигров — есть двое животных, и каждое из них хочет перегрызть другому глотку и разорвать останки, растащить их по лесу, чтобы путь оставшегося в живых был помечен кровью второго.

Мне удалось взять себя в руки, только закрыв за собой дверь номера. Значит, война объявлена... Как ни удивительно, именно эта мысль помогла мне перестать чувствовать себя жертвой, которую поволокут по мокрой душной траве, и заставила собраться. Поражение в одной битве не равно проигрышу по всем фронтам. Алиса оказалась на время вне моей досягаемости, но лишь на время. Пока мне необходимо сосредоточиться на раскапывании прошлого и изучении его скелетов — в буквальном смысле этих слов.

Меня подпитывает ни на чем не основанная уверенность, что экспертиза сможет доказать, кто убил Сеню. У меня бывают случаи предвидения, когда я заранее знаю ответ на вопрос, случится ли то или иное событие. И иногда даже вижу в общих чертах, что именно произойдет.

Так было с Никласом: едва прочитав его письмо, я прониклась убежденностью, что именно этот человек станет моим вторым мужем. Так оно и вышло. Потом, несколькими годами позже, когда я стояла на первом этаже нашего дома и смотрела в окно, как он идет к машине, сутуля узкую спину, я не испытывала ни малейших сомнений в том, каков будет диагноз врача. И мне не нужно было ни о чем спрашивать мужа, когда он вернулся к обеду, прошел в свой кабинет, лег на диван и лежал, не двигаясь, несколько часов. Все было ясно.

Возможно, эта изредка проявляющаяся моя способность — слабая, ничтожная компенсация за ту слепоглухоту, которой я страдала в первом браке. Но ее происхождение не имеет значения, важно лишь то, что я пользуюсь ею, прислушиваясь к голосу интуиции, как к стуку долгожданного путника в дверь.

Теперь она подсказывала, что мне повезет с уликами, оставшимися на теле Сени. А что касается Алисы, то эта неудача обескураживает меня все меньше. Я была слишком нежна с этой девочкой — наверное, оттого, что чувствовала свою солидарность с ней и немного жалела ее. Но сейчас, когда я сижу в гостиничном номере и рассматриваю птицу с хищным зеленым глазом, мне становится очевидно, что я позволила себе пойти на

поводу у эмоций. А это неправильно. Я не могу позволить себе эмоции, во всяком случае те, что в результате идут на пользу Кириллу.

Пожалуй, я придумаю для Алисы что-нибудь поинтереснее. И на этот раз даже муж, которому она так предана, не сможет ее защитить.

Глава 9

Джип шел в плотном потоке, но Данилу это устраивало: оставляло шансы, что приехавший в Голицыно сыщик не засечет его. Если бы на трассе было меньше машин, Прохоров не смог бы держаться незамеченным близко от синего «БМВ».

Теперь у него не было никаких сомнений, что вынюхивавший на острове мужик — именно сыщик. Последующие за его приездом события не оставляли других вариантов, а разговор с оперативником окончательно подтвердил все подозрения Данилы. Теперь Прохорова мучил лишь один вопрос: кому и зачем понадобилось ворошить старое дело.

В тот вечер, когда они с Таней увидели милицейский «уазик», это подействовало на нее так, что Данила едва не дал ей оплеуху, чтобы ее перестало трясти. Ей казалось, что к ним вот-вот придут, схватят Алешу, наденут наручники и поволокут в карцер, где сперва будут бить, а потом бросят одного. Сначала Данила попытался спокойно объяснить ей, что такого не случится, потом, понимая, что она не слышит ни одного его слова, прикрикнул... Но и это не помогло. Татьяна загнала Алешу и Матвея домой, закрыла в дальней комнате, словно хотела спрятать ото всех, и заперла дверь на засов. Она металась, как раненая птица, и ему хотелось схватить ее и прижать к себе, держать, не давая трепыхаться, до тех пор, пока она не успокоится.

И когда он все-таки сделал это, говоря себе все время, что не позволит потерять контроль над собой, она замерла сразу же и прижалась к нему, схватила за руку, шепча: «Пожалуйста, пожалуйста, помоги нам» — с таким отчаянием, что он едва не выругался. Господи, ну дура же! Вот же дура! Забрать их всех, увезти с собой, спрятать, чтоб никто не нашел... И никому не показывать, никого не пускать в свою жизнь, чтобы не выдали, не отобрали... Целую минуту, пока Данила стоял, прижав ее к себе и слыша, как колотится ее сердце, он воображал эту сказочную картинку, и только когда она высвободилась, осторожно отошла от него и замерла, ссутулившись, возле стены, мысленно сказал себе: «Хватит».

В деревне его все знали, поэтому ему не составило труда на следующее утро завязать разговор с оперативником из города и выяснить, что происходит. Когда подтвердились его худшие опасения, он попытался разузнать, у кого же проснулся интерес к делу такой давности, но поначалу не преуспел. Только безобидный и пустой с виду треп с водителем дал ему

новую пищу для размышлений: тот проболтался, что неделю назад из Москвы приезжал старый потасканный хмырь, а с ним баба — красивая, холеная, кажется из Америки. И этой бабе очень захотелось узнать, кто убил ее старого друга. Они вроде как росли вместе в Америке, а потом он в Россию приехал, а она осталась. Вот теперь вернулась, чтобы все выяснить досконально.

Потеревшись еще возле криминалистов, Данила услышал и намотал на ус некоторые подробности, которые могли ему пригодиться в дальнейшем. Он старался не попадаться на глаза мужику, который нашел тело, но тот пару раз посмотрел на него, хоть и мельком, и от его взгляда у Прохорова засосало под ложечкой. «Срисовал, гад. Запомнил».

Теперь он ехал за сыщиком, нанятым — теперь это было точно известно — для того, чтобы найти тело рыбака, убитого восемь лет назад на островке, и несколько отстраненно слушал собственный голос разума, твердивший, что он поступает как безумец. Данила понимал, что голос прав, и ему нечего было возразить. Чувство, как от ожога, на запястье, где его схватила Татьяна, возникало снова, стоило ему на долю секунды прикрыть глаза.

Когда они въехали в Москву, начался дождь. Данила ненавидел ездить по московским дорогам, но на этот раз ему повезло — точнее, им обоим: они долетели без пробок. Синий «БМВ» въехал во двор высокой «свечки», где вдоль тротуара уже текли потоки грязной воды, а проезжавшие машины поднимали тучи брызг, от которых отпрыгивали редкие прохожие. Водитель вышел из «БМВ» и скрылся в подъезде, а Данила остался ждать в машине — сам не зная чего.

Он просидел больше часа, не сводя глаз с железной двери, выкрашенной в веселый синий цвет. Струи воды, стекавшие по лобовому стеклу, сменились ожесточенной моросью, а затем дождь зарядил основательно и уверенно, словно не собирался прекращаться до зимы.

К дому подъехало такси, перекрыв выезд со двора, и Прохоров насторожился, оторвал взгляд от гипнотизирующих расплывающихся капель: наглый шофер остановил машину перед подъездом, куда зашел сыщик с недобрый взглядом. «Это ничего не значит», — успел подумать Данила, и тут синяя дверь распахнулась, из нее вышел сыщик, раскрыл черный зонт и придержал створку для женщины в облегающем платье, показавшейся за ним следом.

«Красивая, холеная, кажется из Америки», — вспомнил Прохоров, не отрывая от нее взгляда. К этому описанию женщина подходила на все сто. Она могла оказаться кем угодно, но на любовницу сыщика не походила —

слишком высокий класс был у бабенки, Данила такие вещи к своим тридцати годам научился определять. Да и в обращении с ней мужик был почтителен: зонт подержал над головой, пока она шла к такси, дверцу приоткрыл, затем прикрыл за ней. Женщина опустила окно и что-то сказала, он в ответ покачал головой. Сквозь размытое стекло Данила видел ее лицо и вглядывался в него жадно, словно пытаюсь прочитать по его выражению, о чем идет речь.

Дождь вдруг перестал, и почти в ту же секунду выглянуло солнце. Прохоров видел, как сыщик сложил зонт, посмотрев на небо, где рваные остатки туч уже разгонял ветер. Погода сменилась так внезапно и быстро, как будто поменяли декорации.

Въехавшая во двор машина посигналила такси, и его пассажирку скрыло мягко поехавшее вверх стекло. В следующую секунду такси тронулось, а сыщик, сложив зонт, направился обратно к дому. «Иди, иди, родной, — торопил его Данила. — Иди, не оборачивайся. Уехала она, все...»

Будто поддавшись его приказу, мужик зашел в подъезд, ни разу не обернувшись, и Прохоров тут же завел джип и поехал следом за такси, успевшим скрыться за углом. Он пристроился прямо в хвост черному «Ситроену», не опасаясь, что его заметят — вряд ли водитель станет подозревать слежку. Плана у Данилы по-прежнему не было, как не было даже уверенности, что он едет за нужным ему человеком, но других вариантов Прохоров не видел: будучи человеком действия, он плохо анализировал ситуацию, и обычно мог разложить ее на составляющие лишь постфактум, на спокойную голову. Сейчас у него не было такой возможности: голос Татьяны, умолявшей помочь, всплывал в его памяти в самый неподходящий момент — когда Даниле казалось, что он вот-вот додумается до правильного решения, и лишал его способности трезво мыслить. Он понимал лишь одно: оставаться возле дома сыщика бессмысленно, возвращаться в деревню без всякого результата нельзя. И чтобы делать хоть что-то, ехал за черным такси, наблюдая сквозь заднее стекло светлую, аккуратно причесанную голову сидевшей в нем женщины.

Однако сосредоточившись, Прохоров сумел соотнести рассказ водителя «уазика» со всем, произошедшим в Голицыно, и картина постепенно начала вырисовываться в его воображении. Он подумал о том, что убитый был другом этой красотки, возможно любовником, но по какой-то причине она смогла организовать поиски его тела только сейчас. Значит, хочет отомстить убийце, размышлял Данила. Если бы с ней удалось поговорить, убедить ее, что в результате расследования пострадают

невиновные, то Таня могла бы больше не беспокоиться о своем несчастном больном брате. Данила мог бы все объяснить этой красивой американке — если бы только она согласилась его выслушать. «Если не согласится, я ее заставлю».

Когда «Ситроен» затормозил около сквера, Данила так растерялся, что едва не врезался в него. Он полагал, что американка возвращается к себе и он сможет перехватить ее возле квартиры или подъезда, но вместо этого она вышла из машины и, постояв, пощурившись на выглянувшее солнце, неспешно пошла по аллее, не оборачиваясь на такси, которое тут же уехало. Не колеблясь, Данила выскочил из машины и остановился, не решаясь последовать за ней.

В мокром сквере было совершенно безлюдно. Глянцевые листья сверкали, когда на них падали солнечные лучи, а от потрескавшегося асфальта поднимался еле заметный пар. Женщина дошла до места, где дорога раздваивалась, обогнула старый неработающий фонтан и неожиданно для Прохорова повернула обратно. Данила присел на корточки возле машины с озабоченным видом, подозревая, что она заметила слежку, но американка прошла мимо него, разговаривая по телефону.

— Я возле гостиницы, — услышал Прохоров. — Нет, решила прогуляться. Где вы, Александр Васильевич?

Данила обернулся, и в глаза ему бросились грязновато-серые дождевые капли, высохавшие на безупречной формы щиколотках: она стояла совсем рядом, не обращая на него ни малейшего внимания, словно он был предметом окружающей обстановки вроде мокрой скамейки или столба.

— Он очень опасен, его нужно нейтрализовать. — Она все-таки покосилась на Прохорова, но решила, что он ничего не слышит. Однако слух у Данилы был отменный, и он ловил каждое ее слово. — Оснований для задержания больше, чем достаточно! Вы же сами понимаете... Да, можно. Давить не нужно, нужно лишь заплатить.

Каблучки простучали в обратном направлении. Прохоров встал, сделал шаг в сторону и застыл на месте, тупо глядя вслед женщине с аккуратно причесанными волосами. А та тем временем продолжала напористо и уверенно:

— Экспертиза придет со дня на день. Оснований не было, пока не было тела, а теперь... Да. Ну вот, вы же все понимаете. Да, осталось это донести до него. Надеюсь, что так.

Последовала большая пауза, пока она слушала собеседника, а затем Данила услышал резкое:

— Я хочу, чтобы его задержали, и чем скорее, тем лучше. Это чудовище, а не человек, поверьте мне. Когда его схватят, я смогу спать спокойно. Да. Спасибо. До встречи.

Тихо пискнул телефон, и в сквере наступила тишина, нарушаемая лишь ровным, а оттого почти незаметным шумом машин.

«Все, — понял Данила. — Арестуют Танькиного дурачка, как пить дать». Хоть и просила Таня защитить его, у него, Прохорова, ничего не получилось. Правда, он пока и не пытался...

Сорвавшись с места, он догнал женщину, успевшую дойти до полурассыпанного фонтана, и остановился перед ней.

— Простите... мне нужно с вами поговорить.

Вблизи стало видно, что она старше, чем ему показалось вначале. Возраст прятался не в опущенных уголках рта, не в морщинках — как раз морщин у нее совсем не было, — а в выражении лица, во взгляде серых, широко расставленных глаз, в одну секунду изучивших Данилу. Взрослая, опытная, цепкая и очень жесткая — вот как он охарактеризовал бы ее, если бы смог облечь впечатление в слова.

— Поговорите с кем-нибудь другим, — брезгливо бросила она. — Позвольте...

Женщина властно отстранила Данилу и попыталась пройти, но он схватил ее за руку:

— Подождите... это касается вашего дела...

— Мальчик, найди себе другую добычу!

— Мне нужно только поговорить с вами...

— Убери руки! Кому говорят...

Он не отпускал ее, и тогда она прибавила несколько слов, до того грубых, что Прохоров опешил. От такой женщины он меньше всего ожидал услышать грязный уличный мат в свой адрес. Она приняла его за обычного приставалу, и Прохорову кровь бросилась в лицо: да кто она такая, эта высокомерная богатая стерва?! Она ломает жизнь Татьяне, ломает и ему, и даже не узнает об этом! Нет уж...

— Я сказал, послушай меня! — процедил он сквозь зубы, и тут она рванулась в сторону, одновременно попытавшись ударить его ногой в пах.

Данила отреагировал молниеносно: уклонившись, развернул ее спиной к себе и сжатым кулаком ударил по затылку. Женщина тотчас обмякла, и он вынужден был подхватить ее на руки, чтобы она не упала на асфальт. В первый момент Прохоров с ужасом подумал, что убил ее, и руки у него похолодели... Но затем в глаза ему бросилась синяя жилка, бьющаяся на ее шее под тонкой кожей, и он снова начал соображать. «Она всего лишь без

сознания. Скоро придет в себя».

Больше Данила не раздумывал: подхватив ее на руки, пошел к джипу, широко улыбаясь и говоря что-то прямо ей в лицо — в надежде, что из проезжающих мимо машин невозможно разглядеть, что происходит на самом деле. Чтобы достать ключи, ему пришлось прислонить ее к дверце, и она тут же повалилась вниз, прямо в мокрую траву. Подол платья у нее задрался неприлично высоко, и стало видно, что на ней чулки, а не колготки.

Вспотевшими ледяными руками Данила дернул дверцу, едва не ударив женщину по голове, подхватил и стал запихивать тело внутрь, на заднее сиденье, уже наплевав на то, что могут подумать, увидев их со стороны. Он слишком далеко зашел! Голова оставалась ясной, и он отчетливо представлял, что ему нужно сделать: аккуратно вывезти ее из города, остановиться где-нибудь в глухом месте, где нет свидетелей, и для начала выпытать у нее, что происходит. А затем...

На «затем» Прохоров сбился. Он понимал, что должен заставить ее молчать, но ум отказывался подсказывать способы решения этой проблемы. Или почти отказывался: на самом деле одно решение, самое радикальное, Даниле пришло в голову сразу, но он сделал вид перед самим собой, что даже не подумал о таком варианте.

Он наконец уложил женщину на сиденье и тут заметил, что правая нога у нее босая. Пришлось искать в траве упавшую туфлю, и, найдя, он тут же зашвырнул ее в салон. Данила чувствовал себя почти спокойно, но сердце билось очень часто, он сам это ощущал. Ему казалось, что каждая проезжающая мимо машина вот-вот остановится, потому что люди не могут не видеть, что он делает, а значит, не могут не вмешаться! Но никто не останавливался, и взгляды пассажиров скользили по ним, словно и Прохоров, и его черный джип, и женщина на заднем сиденье были невидимками.

Согнув ей ноги так, чтобы можно было закрыть дверь, Данила уже собирался сесть за руль, как вдруг в голову ему пришла крайне неприятная мысль.

«А что, если она очнется по дороге?»

Он сразу увидел, какая опасность поджидает его, и ужаснулся. Как он мог не подумать об этом! Ругая себя последними словами, Прохоров бросился к багажнику, выудил оттуда моток веревки, которую всегда возил с собой, и снова забрался на заднее сиденье. Ноги ее он просто обмотал веревкой, а вот с запястьями пришлось повозиться: руки у бабы стали как макароны — тонкие, вялые и, казалось, даже бескостные. Он вспотел,

пытаясь связать их так, чтобы она не смогла распутать узел зубами, и теперь едкий пот заливал ему глаза. В конце концов Данила справился и даже изобразил подобие кляпа, оторвав кусок от старой тряпки, валявшейся в салоне: перевязал пленнице голову так, чтоб часть бывшей рубашки — вонючей, в пятнах масла — закрывала ей рот. Он понимал, что, вздумай она кричать, тряпка ей не очень помешает, но счел за лучшее оставить хотя бы такой кляп. «Вырублю ее, если вздумает орать», — со злобой подумал он. Злоба не утихала в нем с того момента, как баба назвала его мальчиком, и он подсознательно разжигал ее в себе, готовясь к тому, что предстояло сделать.

С того момента, как он принял решение вывезти ее за город, все действия стали даваться ему проще. Из багажника Прохоров вытащил драные остатки старого коврика, которым выстилал днище, и набросил сверху на лежавшее неподвижно тело. Получилось хорошо: теперь было совсем незаметно, что под ковриком лежит человек. «Похоже на рулон обоев, — отстраненно подумал Данила. — Правда, кому придет в голову закрывать ковром рулон обоев?»

Когда, заведя машину, он собирался тронуться, то обернулся назад и приподнял край пыльного грязного ковра — просто так, на всякий случай. В следующую секунду серые глаза на бледном лице широко распахнулись, и некоторое время смотрели на него слепо, а затем прояснились, и в них ожил страх. Женщина что-то замычала, но, поняв, что рот заткнут, быстро замолчала.

— Лежи тихо, — вполголоса приказал Прохоров. — Тогда не трону. Останешься цела и невредима.

«Все, поехали. С богом».

— Она-то останется, — мрачно сказали сбоку. — А вот ты — вряд ли.

Вздвогнув, Данила резко обернулся, и был тут же прижат за шею к спинке кресла. Твердые пальцы сомкнулись на его горле, и он захрипел, замахал руками, пытаясь освободиться, но почувствовал лишь, как в глазах темнеет.

— Не придуши его, — попросили с другой стороны, и давление на горло ослабло. Сквозь черные круги побагровевший Данила увидел, кто его держит, и почти не удивился — это оказался тот человек, что останавливался у Григория и за которым он, Данила, следил от самой деревни. Здоровяк стоял возле его сиденья и с невозмутимым лицом наблюдал за ним.

— Дергаться не надо, — предупредил он. — Руками там размахивать... ногами... А иначе может нехорошо получиться.

Сзади хлопнула дверца, раздался стон, и первый голос деловито произнес:

— Серега, нож есть? Долго возиться с его морскими узлами...

— Повозишься... — ответил здоровяк. — Ножей не ношу.

— Жалко. Потерпите, Виктория, сейчас все будет нормально.

Зрение окончательно вернулось к Прохорову, и, бросив взгляд в зеркало заднего вида, он рассмотрел парня, забравшегося на заднее сиденье, — светловолосого, худого, с ироничным выражением лица. Парень склонился над лежавшей молча женщиной и возился с узлами.

— С ней все в порядке? — озабоченно спросил Сергей, очевидно тоже удивленный ее молчанием.

Вместо Илюшина ответила Виктория, которую Макар первым делом освободил от кляпа.

— Да, все нормально... Все в порядке.

Голос у нее дрожал, но она нашла в себе силы сесть с помощью Илюшина. Макар распутал веревку на ее руках, и Виктория принялась растирать покрасневшие запястья, морщась при каждом движении.

— Ой-ой-ой... — совсем по-детски, жалобно сказала она. — Больно-то как... Господи, он кто?

— Вот это мы сейчас и выясним, — отозвался Сергей. — Макар, давай-ка мы его переправим в нашу машину. Угу?

— Угу.

Прохоров, ломавший голову над тем, как его будут переправлять, почувствовал, что в шею сбоку ткнулось что-то твердое и очень холодное. От неожиданности он дернулся.

— Выходишь из машины и идешь с сопровождающим назад, — тихо сказал ему на ухо тот, кого называли Макаром. Голос у него изменился и стал такой же холодный и жесткий, как ствол пистолета, упиравшегося Прохорову в шею. — Я иду за вами следом. Шаг вправо-влево — выстрелю. Прыжок на месте считается попыткой улететь.

Данила что-то прохрипел в ответ, но получилось нечленораздельно.

— Что? — переспросил Илюшин. — Серега, ты его угробишь раньше времени. Дай человеку высказаться.

Хватка на горле слегка ослабла, и Прохоров смог выговорить то, что хотел.

— Не выстрелишь... — прошептал он, чувствуя себя так, будто в горло залили горячий свинец, и там он застыл. — На глазах у всех... Не выстрелишь, точно.

— На нас никто даже не посмотрит, — убедительно пообещал

здоровяк.

— Нет, Серега, он прав. Опрометчиво пускать его в свободный поход, даже под дулом пистолета. А вдруг он под проезжающую машину сиганет? И прощай источник информации...

«Источник информации»? До Прохорова вдруг дошло. Эти люди не собирались сдавать его в милицию, они намеревались поговорить с ним. Это и облегчало дело, и усложняло.

— А если я не собираюсь ничего вам говорить? — Ему даже удалось усмехнуться.

— Собираешься, — заверил Бабкин, по-прежнему державший пальцы сомкнутыми у него на шее. — Ты просто сам еще не знаешь, что собираешься.

Он помолчал несколько секунд, оценивающе глядя на неподвижного Данилу, и распорядился:

— Макар, перебирайтесь с Викторией в нашу машину. А мы сейчас придем.

Ему беспрекословно подчинились. Хлопнула дверь, и Прохоров понял, что они остались одни: он — в салоне, здоровяк — рядом, возле приоткрытой дверцы. «Он что, собирается меня силой отсюда вытаскивать? — подумал Прохоров, незаметно напрягая и расслабляя группы мышц. — Ну давай, попробуй, красавец...»

Данила уже решил, куда ударит этого самонадеянного идиота, но тут ему в голову пришла новая мысль: возможно, убежать сейчас не стоит. Он ведь хотел поговорить с заказчицей расследования, и вряд ли ему представится другой шанс... Так, может, поехать с ними, пусть даже в качестве пленника?

Судорожно просчитывая варианты, Прохоров сказал себе, что эти люди отличаются наглостью, переходящей в глупость: полагают, что он, здоровый тридцатилетний мужик, позволит обращаться с собой как с бревном и станет послушно делать все, что они ему скажут... В другое время их отношение взбесило бы Данилу, но сейчас он понял, что это может сыграть ему на руку: тот, кто недооценивает противника, не сумеет противостоять ему в нужный момент.

Поэтому когда Бабкин отпустил Данилу, тот вызывающе ухмыльнулся ему в лицо, но даже не дернулся. Руки его расслабленно лежали на коленях, и он ожидал дальнейших распоряжений. Они последовали немедленно и были лаконичными.

— Вылезай.

Прохоров выбрался из машины, с неприятным удивлением отметив,

что сам себе кажется очень слабым, словно это его треснули по затылку четверть часа назад. «Пожалуй, драку бы я сейчас не потянул», — подумал он, и тут человек, которого он назвал про себя туповатым самонадеянным шкафом, поразил его второй раз. С неожиданной быстротой, плавным, почти незаметным движением он завел Даниле руку за спину, а свободную лапу положил ему на плечо. Теперь они смотрелись со стороны как два приятеля, один из которых бережно ведет другого, подвыпившего и оттого заваливающегося лицом вперед. Унизительности такого положения Прохоров вытерпеть не мог, и попытался вырваться, но плечо пронзила такая острая боль, что прикосновение пистолетного дула показалось ему нежной лаской по сравнению с хваткой здоровяка.

— Больно себе сделаешь, — предупредил Бабкин. — Не дергайся.

Так они и дошли до темно-синего «БМВ», в котором виднелись силуэты двух людей.

— Может, я поведу? — собравшись с силами, поинтересовался Данила.

В ответ лишь коротко хмыкнули.

Когда Прохорова пихнули на заднее сиденье и он почти упал возле светловолосого парня, зашипев от боли, «шкаф» наклонился к нему, невозмутимо сгреб обе его руки и защелкнул наручники на запястьях. Когда и откуда он успел их достать, Данила даже не заметил.

— Разумно, — подал голос светловолосый. — Ну что, тронулись?

«БМВ» почти с места набрал скорость и пронесся мимо одинокого джипа Данилы Прохорова, брошенного у обочины.

Алиса

Сегодня Кирилл попросил меня заехать за ним вечером и даже прибавил: «Если у тебя нет других планов». У меня занятия в танцклубе, но я отменю их ради того, чтобы поужинать с собственным мужем. Кажется, он чувствует себя виноватым передо мной за то, что устроил в прошлый раз, и пытается загладить вину так, как умеет. А мне почти смешно...

Скажу вам честно: я ужасно испугалась, когда меня обмотали всеми этими проводами, а затем стали задавать вопросы. Но потом вспомнила слова папы, который говорит, что у меня математические мозги в романтической головке, и приказала себе собраться и не паниковать. В конце концов, не происходило ничего страшного, кроме того, что сама процедура до ужаса напоминала истязание психически больного человека.

Даже не знаю, почему мне так подумалось — на самом-то деле ничего особенно ужасного не совершалось.

Когда в голове у меня прозвучали папины слова, я сразу успокоилась, потому что поняла, о чем Кирилл будет меня спрашивать. Я стараюсь никогда не врать людям, разве что иногда позволяю себе кое о чем умалчивать, и в этот раз мое умалчивание сослужило мне плохую службу: я должна была раньше рассказать ему о Романе. Забавно звучит, правда? «Рассказать о Романе»... Но никакого романа не было и быть не могло, потому что я не изменяю своему мужу, как бы наивно это ни звучало.

После допроса, который мне устроили Кирилл и его помощник, Роман пропал, и я думаю, что больше он не появится. Честно говоря, я переживаю за его судьбу. Может быть, даже сегодня вечером наберусь смелости и спрошу у Кирилла, что с ним случилось, — я уверена, что он знает ответ.

Правда, мой муж такой злой последнее время, что лучше его не раздражать лишними вопросами. Я ужасно рада, что он доверяет мне, потому что иначе я не знала бы причины его дурного настроения и думала, что оно связано со мной... Но, к счастью, все обстоит иначе: дело в том, что у Кирилла все больше проблем в бизнесе, и они растут как снежный ком.

Мой муж говорит, что кто-то из его фирмы «сливает» информацию конкурентам. Вы удивитесь, если узнаете, какие сражения за рынок идут в сфере продаж мяса и полуфабрикатов из него. Как-то раз Кирилл, усмехаясь, сказал, что он — мясник высокого уровня: сам производит мясо на своей птицефабрике, сам перерабатывает его и отправляет клиентам... А затем добавил, что на одну улицу всегда хватало одного мясника, поэтому им с Баравичовым давным-давно тесно.

Я знаю о том, что происходит. Несколько крупных заказов ушли у Кирилла из-под носа, а газеты по-прежнему обсасывают историю с порченным мясом, которое оказалось в куриных котлетах. Кто-то поддерживает их интерес, подбрасывает поленья в эту жадную топку, и нет ничего удивительного в том, что мой муж в бешенстве. Несколько дней назад какое-то интернет-издание опубликовало явно заказную статью о том, что в цехах Кручинина ужасающая антисанитария: крысы бегают по разделочным столам, поедают индюшатину и курятину и время от времени сваливаются в мясорубки. Если бы вы побывали в мясном цехе, то поняли бы, что это полная ерунда: свалиться в мясорубку невозможно, не говоря о том, что там и нет мясорубок — есть большие серебристые агрегаты, которые я называю автоклавами, и все они закрыты плотно прилегающими крышками. Но большинство читателей не знает об этом и принимает на

веру то, что написано в желтом издании. Кирилл хотел подать на газету в суд, но Давид, его правая рука, отсоветовал: сказал, что так они только привлекут ненужное внимание к тому, что само забудется спустя неделю.

Его слова были бы справедливы, если бы не активность врагов Кирилла. Пока он пытается заткнуть течь в днище, тут же появляется новая, по правому борту, а затем ломается мачта, в парусе обнаруживается дыра, и все повторяется заново. Со стороны может показаться, что все это — комариные укусы, и корабль может спокойно плыть дальше, латая пробоины по ходу движения, но мне-то видно, что это не совсем так. И Кирилл тоже видит это. Его состояние порой пугает меня: он впадает в ярость по любому пустяку, и смотрит на того, кто вывел его из себя, так, словно готовится перегрызть ему горло, — исподлобья, чуть вздернув верхнюю губу. В такие секунды в его глазах мне видится... нет, не поймите меня превратно, я вовсе не хочу назвать своего мужа сумасшедшим!... но эта свирепая ярость... мне кажется, что ему самому она доставляет удовольствие. Нет смысла скрывать, что Кирилл не особенно считается со мной — думаю, вы и сами это прекрасно поняли... Он не находит нужным сдерживаться в моем присутствии, и тогда я вижу вещи, которые меня пугают.

В последний раз это было связано с какой-то женщиной... Кажется, ее зовут Виктория. Поздно ночью Кириллу позвонил начальник его службы безопасности, похожий на эскимоса, и о чем-то говорил с мужем около четверти часа. Кирилл ушел в свой кабинет, а я сидела под дверью, подслушивая разговор... Правда, мне достались одни междометия да мат, но кое-что меня всерьез озадачило.

— Она меня доведет, — сказал мой муж с угрозой, а потом начал говорить так тихо, что из-за прикрытой двери мне не удалось ничего разобрать.

На цыпочках я убежала в постель, и когда Кирилл вернулся, сделала вид, что сплю. Я слышала, как он ходит по комнате, наливает что-то из бара — должно быть, виски, — делает несколько глотков... И вдруг тишину пререзал звук разбитого стекла.

Я подскочила. На белом ковре возле стены расплывалось бурое пятно, вокруг валялись осколки. Муж стоял неподвижно возле столика и смотрел перед собой застывшим взглядом. Я видела такой взгляд у сильно пьяных людей — за секунду до того, как они падали лицом вниз.

— Кирилл, что случилось?!

— Ничего. Спи.

— Бокал разбился...

— Спи, я сказал!

— Хорошо...

Я привыкла не спорить с мужем, поэтому послушно опустила голову на подушку. Мне было не видно, что делает Кирилл, я слышала только тяжелое сопение, словно он подрался и теперь пытается отдышаться. Затем послышались шаги — он дошел до стены, где валялись осколки, и там остановился. Некоторое время стояла тишина, и я решила, что он собирает стекло, как вдруг раздался глухой удар — и сразу звук, похожий на глухое рычание. Еще удар — и снова рычание. И еще один...

Я вскочила на кровати, но Кирилл даже не повернул головы в мою сторону и, кажется, не заметил, что я нарушила его приказ. Он стоял, упершись головой в стену, словно бык, и методично бил по ней кулаком — со всего размаху.

Выглядело это так страшно, что я отвернулась в другую сторону, закрылась с головой одеялом и постаралась убедить себя, что звуки, которые я слышу, доносятся из телевизора.

Поэтому, пожалуй, я не стану спрашивать о Романе. Не стоит.

Перед тем как ехать к Кириллу, я забежала к родителям и провела у них почти четыре часа. Когда настало время уходить, я приоткрыла входную дверь, громко крикнула из прихожей: «Мам, пап, пока! Цветы я полила!», выскочила на площадку — и наткнулась на Максима, поднимавшегося вверх. Он посмотрел на меня, и то, что я увидела в его взгляде — взгляде большого, взрослого, сильного человека, — начисто вышибло меня из правильного настроения, в который я вошла перед встречей с мужем.

Жалость и беспомощность, вот что. Жалость и беспомощность.

Кирилл

Алиска приехала какая-то взъерошенная, словно воробей, попавший в силки. Не в том смысле, что на голове бардак — у нее вечно бардак и на голове, и внутри ее, — а в том, что суетилась много и не по делу, вздрогнула, когда Нинка предложила ей чай, и едва не пролила его, когда я спросил ее о какой-то ерунде. Мне, честно скажу, было не до того, чтобы раздумывать о том, что с Лисой не так. Но стоило ей увидеть, как я достаю из ящика пушку и прячу в кобуру, лицо у нее вытянулось и побледнело так, что веснушки прорезались на носу. Я пошутил насчет того, что ее попугаи меня достали, но она даже не улыбнулась.

Ничего. Пусть привыкает к реальной жизни, ей полезно.

Правда, привыкание ей не очень-то идет на пользу. Она похудела за последние несколько недель — переживает за меня. Каждый вечер спрашивает о делах, и видно по глазам, что не просто так интересуется, для вида, как Вика в свое время, а слушает внимательно, вникает, даже советы дает, иногда неплохие. Недавно придумала кое-что, связанное с утечкой информации из фирмы, и я решил попробовать реализовать ее идею — вдруг прокатит? Идейка-то несложная, а результат может быть очень даже интересный...

Посмотрел я на Лису, и не то чтобы пожалел ее, а просто подумал, что незачем жену лишней раз пугать. И еще решил, что надо бы ей родить, а то и фигура как у подростка, и держится несолидно. А родит, будет больше на женщину похожа: бабы, говорят, женственнее становятся после родов.

Я ее даже обнял и поцеловал, а она, глупая, застеснялась Нинки. Та глазами шныряет, морда насмешливая... Я разозлился и подумал, что завтра отдеру ее так, что сидеть не сможет, и Нинка, стерва, тут же слиняла — учуяла, что нарушила кодекс поведения приличной секретарши, в который входит правило: при жене шефа держаться ниже плинтуса и всем своим видом показывать готовность услужить и ничего более. Лиса чуть-чуть расслабилась, и я поцеловал ее. Редко делаю это, а тут вдруг захотелось.

Я ведь люблю ее, дурочку... Конечно, Кириллу Кручинину не такая жена подходит, это всем очевидно, кроме нее самой. Но жизнь — паршивая штука: тем, кто мне подходит, никогда бы не пришлось в голову встать передо мной, чтобы защититься от выстрела. Разве что спрятаться за меня. А она не пряталась, Лиса. Ладно, вот родит наследника, и будет ей больше уважения от всяких стервозин, вроде Нинки.

Я надел пиджак, подмигнул жене и положил руку ей на плечо. Эх, малышка-малышка... Ничего, все у меня будет нормально, а раз у меня, значит, и у тебя тоже. Пожалуй, напьюсь я сегодня, а потом попрошу Лису станцевать для меня. Вы бы видели, как она танцует! Шлюхи вроде Нинки и девки из борделей отдыхают по сравнению с моей женой.

Алиса

Когда мы вышли из кабинета Кирилла, он улыбался, будто предвкушал хороший вечер. Наверное, так оно и было. Я чувствовала, что сотрудники провожают нас взглядами, и неудивительно — он обнял меня и не

собирался убирать руку. Редко случается, чтобы мой муж проявлял теплые чувства на людях. Если честно, это вообще редко происходит, и у меня особенное отношение к таким минутам. Можно сказать, что я становлюсь более чувствительной ко всему, что меня окружает.

Именно поэтому я первой напряглась, увидев возле входной стеклянной двери двух мужчин в форме. Ни Кирилл, ни его охранник, сопровождавший нас в двух шагах сзади, не успели их заметить, а я не успела ничего сказать. Двое подошли к нам, и я почувствовала, как пальцы мужа сжали мое плечо.

Дальнейшее случилось так быстро, что моя память сохранила отрывочные кадры из происходящего. И голоса. Один — очень официальный, сухой. Второй — голос Кирилла. Не могу описать, что в нем звучало, но я очень пожалела, что он взял с собой пистолет, потому что в какой-то момент мне показалось, что он сорвется.

— Вы Кручинин Кирилл Андреевич?

— Да...

— Капитан Смольников Петр Петрович. Кирилл Андреевич, проедемте с нами...

— С какой стати?!

— Все вопросы выясним в управлении у следователя. Пройдите к машине.

Пальцы на моем плече застыли, и я всей кожей ощущала, какие токи ошеломленной ярости исходят от моего мужа. Он не был удивлен, я готова в этом поклясться. Его ошеломление было связано с чем-то другим. Пальцы разжались так неохотно, словно я была спасательным кругом, который нельзя выпускать.

Быстрые шаги — Давид сбегает с боковой лестницы с изумленным лицом — широкая спина моего мужа, который уходит, не оборачиваясь — чьи-то очень громкие голоса — запах сигарет — недоверчивый шепот за моей спиной... Все это слилось в одну картину, и я стояла не в центре, как обычно, а где-то с краю, потому что теперь от меня ничего не зависело.

Возле выхода он все-таки обернулся, но его глаза нашли не меня, а другого человека, незаметно оказавшегося поблизости, — того, с лицом эскимоса.

— Это она, — громко сказал Кирилл Туканову, и его тут же дернули вперед.

Я успела заметить, как странно блеснули его глаза и как скривилось лицо в пугающей гримасе. На меня Кирилл так и не посмотрел, и, честное слово, в ту секунду я была этому даже рада.

Глава 10

Сергей неслышно подошел и остановился в дверях, хмуро глядя на человека, сидевшего в кресле, которое обычно занимал Илюшин. В эту секунду ему очень не нравился ни человек, ни то, что он говорил.

Точнее, она. Виктория Венесборг.

Бабкин категорически заявил напарнику свое несогласие с тем, чтобы превращать штаб-квартиру в филиал гестапо, на что Макар с присущим ему видимым легкомыслием спросил: «Сергея, разве тебе не любопытно, что из всего этого получится?» На замечание Сергея, что из этого может получиться все, что угодно, в том числе криминальный труп, Илюшин отреагировал насмешливым пожатием плеч и своим обычным пожеланием: «Не смотри столько боевиков, в них все неправда».

Однако Бабкин вовсе не шутил, упоминая о криминальном трупе. Ему не нравилось то, что говорила и делала их клиентка, которую они спасли от какого-то мелкого провинциального бандита на джипе. Вполне возможно, он и не был бандитом, но пока его действия говорили об обратном.

Сергей считал, что единственным здравым решением будет доставка «клиента» в милицию и оформление протокола с показаниями двух свидетелей, то есть их с Илюшиным. Парень напал на женщину почти в центре города и пытался похитить ее, и лишь по счастливой для нее случайности ему не удалось этого сделать.

Когда Бабкин, попрощавшись с клиенткой и посадив ее в такси, поднялся в квартиру Илюшина, тот стоял возле окна и смотрел вниз.

— Уехала, — отчитался Сергей.

— Еще нет... — рассеянно отозвался Макар. — Пытается выехать из двора. А что это за катафалк движется за ней следом? Машина сопровождения? Тогда зачем ей такси?

— Какой еще катафалк?

Бабкин подошел к окну, уставился вниз, и отменная зрительная память вспышкой подсказала ему, что похожую машину он видел минимум два раза: в Голицыне, где она смотрелась на дороге как крейсер среди болота, и по пути обратно в Москву. Тогда он не придумал этому значения — мало ли кому по пути с ним в столицу, — но сейчас совпадение оборачивалось закономерностью.

— Это не сопровождение, — озабоченно бросил он. — Пошли!

Быстро соображающий Илюшин уже в лифте начал звонить

Венесборг, но в ответ слышал только короткие гудки, говорившие о том, что кто-то дозвонился до абонента раньше их, либо о том, что у их клиентки что-то случилось с телефоном. В конце концов Макар махнул рукой на попытки предупредить ее и выразил надежду, что они догонят Викторию на дороге — отставали они совсем немного.

Но они совершили ошибку, рванув напрямик к гостинице, — это стало ясно спустя десять минут бессмысленного ожидания возле колонн с греческим портиком, украшенным аляповатыми неоновыми буквами — названием отеля. Тогда Макар догадался связаться со службой заказа такси, и минуту спустя они мчались к скверу, возле которого водитель высадил их клиентку.

Даже без пробок они едва не опоздали. Но парень был так поглощен своим делом, что не заметил ни подъехавшего «БМВ», ни двоих мужчин, подбежавших к его машине, и в результате они взяли его чисто — без драк и прочих осложнений. Однако в итоге Сергей пожалел об этом: они смогли беспрепятственно привезти его в квартиру Макара, и теперь их клиентка играла в подобие допроса, а Илюшин, по вечной привычке проявлять любопытство там, где оно могло оказаться пагубным, без слов дал понять, что разрешает ей любые действия с пленником.

— Что Кирилл приказал тебе сделать со мной? — Холодный голос прервал размышления Бабкина.

Для женщины, потерявшей сознание от удара по затылку и провалявшейся некоторое время со связанными руками, Венесборг выглядела довольно прилично. Платье ее помялось и испачкалось в траве, дорожки спустившихся петель пересекали чулки, а на запястьях так и остались красные полосы, но она держалась с удивительной выдержкой, хотя Сергей видел, чего ей это стоило. По возвращении в квартиру Макара она одним махом, не закусывая, осушила предложенную Илюшиным стопку коньяка и лишь после этого справилась с голосом, который то и дело срывался — но не вверх, а на тихий испуганный шепот.

Бабкин перевел взгляд на бандита. Тот сидел с вызывающей усмешкой на привлекательном орлином лице и в такой свободной позе, как будто руки у него не были скованы наручниками. С первого взгляда Сергей дал ему немногим больше тридцати, но теперь, присмотревшись, решил, что парень младше. Горькая складка возле губ выросла его, а еще — низкий голос. Бабкин подумал о том, что надо бы еще раз взглянуть на его паспорт, чтобы проверить свои догадки.

— Я не знаю никакого Кирилла. Зачем ты меня сюда привезла? Да еще и в наручниках? Это, красавица, уголовное дело.

— Между прочим, он совершенно прав, — тихо заметил Бабкин подошедшему Илюшину. — Макар, давай от него избавляться.

— Давай! — немедленно согласился тот. — Цемент? Подвал? Яма в лесу?

— В каком смысле «цемент»? Черт, Макар! Не до твоих шуток!

— А вот ему, похоже, очень даже до. — Илюшин кивнул в сторону скованного бандита. — Смотри, он методично выводит ее из себя.

По лицу Виктории Бабкин понял, что Макар прав. Она изо всех сил сохраняла видимость спокойствия, но ноздри ее подрагивали, и скулы ходили, словно она то и дело сжимала зубы. «Сорвется она на него, ой, сорвется... Стукнет чем-нибудь в отместку за то, что он ее приложил». Он с тоской подумал о том, что вместо того, чтобы заниматься делами, вынужден контролировать фанатичную бабу во избежание неприятностей для них самих.

— Зачем ты их сюда привез, а?

— Хотел посмотреть, кто кого, разумеется! — Макар взглянул на него с невинным лицом, и Бабкин едва не выругался. — Брось, Серега! Мне в самом деле интересно увидеть, как все будут выпутываться из этой нестандартной ситуации.

Он вошел в комнату и непринужденно уселся на подоконник.

— Ну да... — проворчал Бабкин, заходя следом за ним. — Особенно мы.

Парень, из которого они пока не выжали никакой информации, посмотрел на них без особого интереса либо же тщательно скрывал его. Предусмотрительный Илюшин захватил из джипа сумку с документами, и теперь они знали, что перед ними Данила Сергеевич Прохоров, родился и зарегистрирован в городе Антонове. Сергей чувствовал, что ему стоило бы самому побеседовать с Даниилом Сергеевичем, но Виктория Венесборг взяла дело в свои руки, и момент, когда парня можно было расколоть, теперь казался Бабкину безвозвратно упущенным. Он уважал клиентку, но видел, что с их пленником она ничего не добьется. С ним нужно было действовать иначе, чем это делала Венесборг.

Бабкин знал по опыту, что такие парни ловятся на лесть, на рассчитанные уколы самолюбия или же на возможность рискнуть... Но только не на угрозы. А Венесборг, убедившись, что он ничего не собирает рассказывать по доброй воле, начала ему угрожать. Вкрадчивым голосом она перечислила, какие обвинения будут ему предъявлены, и красочно обрисовала перспективы расследования. Из слов Виктории следовало, что перспективы эти для Даниила Сергеевича мрачны

и крайне нежелательны, а потому ему надо честно рассказать ей о том, кто его отправил и с каким заданием.

Но теперь, когда парень пришел в себя, ему было что ей противопоставить.

— Валяйте, пишите заявление в прокуратуру! — Он пошевелил пальцами, разминая их. — И я тоже напишу. Так и будем заявлениями меряться.

— Наши победят, — подал голос Макар. — Ты один, а нас трое. У Виктории след на голове от удара. В твоей машине полно улик.

Бабкин подумал, что улики эти очень шаткие, и солидное впечатление производят только вместе, в букете. Но парень словно прочитал его мысли.

— След на голове от удара можете записать на счет ее бывшего мужа, — наугад предложил Данила и с удовлетворением заметил, что женщина вздрогнула и покраснела. — Ну, хотел я у нее кошелек отобрать, и слегка не рассчитал силу.

— А в машину ты меня засунул, чтобы кошелек удобнее доставать было?

— Угу. А вообще-то нет. В машину я тебя положил, чтобы удобнее было экстренную помощь оказывать! Ты ведь без сознания валялась, тебе нужно было помочь. Что ж я, не человек, что ли?

Он нагло ухмыльнулся ей в лицо и подумал, что еще пара минут — и он добьется своего: она на него бросится. А затем эти двое измолотят его по полной программе, особенно старший, тот, что приезжал в Голицыно: угрюмый здоровенный мужик, владеющий неизвестными Даниле единоборствами, стриженный, накачанный — похоже, все-таки никакой не сыщик, а бывший уголовник из спортсменов. «Надо было приложить его палкой там, на острове, — мелькнуло к голове у Прохорова. — Чтоб пару-тройку ребер сломать. Жаль, не приложил». Второй, веселый лохматый светловолосый парень лет двадцати шести, казался Даниле куда менее опасным, хотя временами, когда он ловил на себе холодный взгляд внимательных серых глаз, его охватывало сомнение и в безобидности второго.

Данилой Прохоровым поначалу, когда его только привезли в эту светлую квартиру, заваленную книгами и фотографиями, овладело отчаяние обреченности. Именно от этого на него снизошла бесшабашность, позволявшая бодро огрызаться на все вопросы красивой измученной тетки, которая чего-то или кого-то очень сильно боялась — впрочем, не его. Сперва он еще лелеял надежду переубедить ее, заставить отказаться от расследования, но после первых же минут допроса понял, что уговорами

ничего не добьется. Данила ощущал это интуитивно, поскольку хорошо чувствовал женщин, и сейчас он отчетливо видел, что перед ним одержимая. Одержимые встречались ему нечасто, но вполне достаточно для того, чтобы Прохоров мог сделать для себя некоторые выводы. Одним из них был: «Никогда не спорь с одержимой».

Он и не стал спорить. Придя в себя, он принялся ее провоцировать — то расчетливо, то подчиняясь внутреннему чутью, надеясь, что она выйдет из себя и проговорится. Все женщины в ярости становятся болтливыми, это он наблюдал не раз. Американка разъярится, и тогда он узнает, кто же она такая и чего хочет. А узнав, решит, что ему предпринять дальше и что ей сказать.

В одном Данила был уверен — рассказывать ей правду он не станет, даже если его будут пытаться.

— Что ты собирался со мной сделать? — наклонилась к нему Виктория. Помада на ее губах давно смазалась, и в уголке остался скомканный розовый след.

Данила Прохоров смотрел на нее, а в памяти его вставала другая женщина. Нежная синева ямки на шее, пересохшие губы в крохотных трещинках — темные, как поздняя черешня, влажный от пота завиток волос под ушной раковиной... Будь оно все проклято, он никогда не избавится от этого наваждения!

Эта, в кресле напротив него, была самкой — сильной, хищной, опасной, как скорпион... Он подумал о том, что ничего не добился бы от нее, а убить, конечно, не убил бы — кишка у него тонка для такого дела. Ради Танюши он прикончил бы любого, но не беззащитную же бабу... Даже и скорпионшу.

Баба что-то говорила с холодной улыбкой на изогнутых губах, а он ничего не слышал: в ушах у него звучал стон, Танин стон, от которого он не мог избавиться вот уже много лет. С того самого дня...

Тогда он увидел Татьяну с братом случайно: возвращался летним жарким днем с купания и, разглядев издали знакомую фигуру, по какому-то неясному побуждению скользнул в заросли, чтобы не заметили. Они пробежали мимо, и что-то в ее лице заставило его пойти за ними.

Следить оказалось легче, чем он ожидал, потому что девушка ни разу не обернулась. Лишь на берегу, когда ее слабоумный брат пошел вперед, посмотрела на дорогу, но Данила был настороже и метнулся за дерево. Тогда, рассмотрев ее, он окончательно понял, что дело нечисто: не просто так они с Лешкой отправились купаться на Курешу.

Он дождался, пока они переправятся на остров, а затем поплыл за

ними следом. Пловец Прохоров был отличный, и ему не понадобилось искать доску, чтобы оказаться на другом берегу. Любопытство разбирало его все сильнее, и, едва выбравшись на песчаную отмель, он побежал по следам, ощущая себя гончей собакой и даже, кажется, чувствуя запах недавно прошедшей здесь девушки.

Но когда он подкрался к яме — дождавшись, чтобы Таня ушла, оставив брата одного, — то в нос ему ударил совсем другой запах. Запах крови и смерти.

Данила не особенно испугался. Скорее оторопел в первые секунды, но затем, поняв, что здесь произошло, пришел в себя и стал ожидать развития событий с мрачным любопытством. Значит, Танькин дурачок угробил рыбака и привел сюда сестру, чтобы показать, что он натворил? И что же станет делать наша нелюдимая красотка?

Когда Прохоров понял, что, то едва не присвистнул, и в душе его поднялось чувство, похожее на уважение. Он наблюдал из-за кустов, как Татьяна ушла, как вернулась с лопатой, как закапывала тело, и неслышно исчез с места происшествия лишь тогда, когда она начала маскировать могилу. Дальнейшее Данилу не интересовало.

Смерть незнакомого человека не волновала его, он воспринимал ее с философским спокойствием: любому могло не повезти, и лежал бы сейчас в яме, присыпанный тонким слоем земли... О слабоумном он тоже не думал: убил и убил, что с дурака взять? Но мысли его неотрывно кружились вокруг Татьяны, и вечером, не выдержав, Данила отправился к дому девушки.

Он не мог сказать самому себе, зачем туда идет. Доносить на нее Прохоров не собирался, и все произошедшее рассматривал исключительно с позиции собственной выгоды, а какую выгоду он мог извлечь из знания, что Танька покрывает своего младшего брата? Но когда он увидел ее, провожающую родителей на вечерний автобус, то сердце у него забилося чаще: он понял, как можно использовать ситуацию, и его охватило злое предвкушение торжества.

Он едва дождался, когда она вернется домой. Проникнуть в их сад было делом нескольких секунд, и Данила замер у двери, размышляя, как лучше поступить: войти в дом или вызвать ее во двор... В доме был дурачок, который мог помешать, и это останавливало Прохорова — тем более что Данила видел последствия его гнева. Стучаться в окно ему тоже не хотелось: девчонка могла попросту не выйти, увидев его.

Размышляя о том, что же ему придумать, Прохоров окончательно стал воспринимать происходящее как увлекательную игру с такой ставкой, ради

которой стоило бы сыграть и в более опасные игры. Воспоминание о нанесенном девчонкой оскорблении подогревало его, а мысль о том, что ему предстоит, будоражила воображение. Он почти собрался постучать, но тут его колебания разрешились сами собой: хлопнула дверь, и Татьяна показалась на крыльце.

Ему даже не пришлось заманивать ее в сарай: она сама зашла внутрь, сжимая в руках какую-то тряпку. Когда Данила скользнул следом за ней и на секунду заслонил собой тусклый вечерний свет, синим прямоугольником падающий в вязкую черноту сарайного нутра, она обернулась и вскрикнула. И тут же спрятала за спину то, что было у нее в руках.

— Закопать хочешь? — вкрадчиво спросил Прохоров. — Это сжечь нужно, а не закапывать.

Он шагнул в сторону, и теперь видел ее лицо. У него все вспыхнуло внутри оттого, что и сейчас — перепуганная до смерти, тщетно пытающаяся овладеть собой — она все равно держала голову высоко и смотрела на него, задрав подбородок, будто сверху вниз, хотя была ниже Данилы. Чертова гордячка!

Прохоров невольно восхищался ею и одновременно жалел, и, чтобы заглушить это чувство, начал говорить. Он размеренно перечислил все, чему был свидетелем, и испытал удовлетворение, увидев, как она содрогнулась при упоминании срока, который они с братом заработали в этот день. Потом заверил, что тело не найдут, если только никто не подскажет, где нужно искать... И собирался сказать о том, что такой человек стоит перед ней, но Татьяна перебила его:

— Что тебе от меня надо?

Он усмехнулся.

— А то ты не знаешь? Мне от тебя только одно надо.

Выражение ее лица ясно показало, что она понимает его.

— Иди сюда, — вполголоса приказал Данила. — Иди...

Если бы она стала плакать, просить его отпустить ее, то Прохоров беспрекословно ушел бы сам. Но она шагнула ему навстречу с таким вызовом в глазах, с таким презрением, что с этой секунды прочие варианты стали для него невозможны.

То, что произошло затем, было совсем не похоже на случившееся с Данилой Прохоровым раньше. Позже он заставил себя думать, что это оттого, что он взял ее силой. Но дело было в другом...

Спустя некоторое время, выходя из сарая, он, наряду с торжеством, ощущал странную, непривычную пустоту внутри, словно его выпили до дна. Он носил ее в себе еще несколько дней, и пустота эта стала

заполняться лишь позже — тем, от чего он предпочел бы избавиться, если бы у него был выбор. Воспоминаниями о прошедшей ночи и темной, смутной тоской по несбыточному.

Уйдя в свои мысли, Прохоров не сразу заметил повисшее вокруг него молчание.

— Я почти все знаю, — нарушила тишину женщина, и голос ее теперь звучал утомленно. — Тебя нанял Кирилл, чтобы ты похитил меня или убил. Мы сможем доказать это, не сомневайся. Хочешь облегчить свою участь — расскажи все сам. Честное слово, я тебя отпущу.

Виктория подумала о том, вложила ли она в последнюю фразу достаточно убедительности. Отпускать этого урода, едва не похитившего ее, а теперь откровенно глумящегося над ней, явно полагающего, что он будет пользоваться заступничеством Кирилла, не входило в ее планы. В комнате работала звукозаписывающая аппаратура — Вика сама попросила Илюшина, чтобы он включил ее, — и теперь она напряглась, подобралась внутренне, мысленно представляя, как этот молодой красавчик идет за наживкой и попадает в ее песчаную яму.

— Даю слово, я отпущу тебя, — повторила она для верности, закрепляя наживку на дне ловушки. «Отпущу, как же... Нет, мальчик, ты еще в суде будешь свидетельствовать против своего босса». — Слышишь? Я не буду мстить, не думай.

Она сделала шаг к нему и прикоснулась к его руке, на запястье которой поблескивал браслет наручников.

От ее прикосновения Прохоров, не ожидавший этого, вздрогнул и словно проснулся. До сих пор все его мысли были заняты только одним — самобичеванием, вызванным собственной беспомощностью. Теперь до него дошло, что то, о чем ему говорят, звучит более чем странно.

— Какой еще Кирилл? — брезгливо спросил он. — Что ты несешь? Не знаю я никакого Кирилла!

Вика сжала зубы, чтобы не закричать на подонка, и вдруг Бабкин, стоявший неподвижно, сделал шаг вперед и наклонился над Прохоровым, всматриваясь в его лицо. Данила непроизвольно отпрянул назад.

— Чего тебе...

Догадка, осенившая Сергея, на первый взгляд не имела под собой оснований, но на второй...

— Это же ты был на острове... — полувопросительно-полуутвердительно сказал он. — Шалаш разрушил. Лодку угнал, опять-таки... Кстати, зачем шалаш-то нужно было ломать, а? Лодка — это я еще

могу понять, а вот шалаш?

Данила облизнул пересохшие губы, уперся взглядом в темно-карие, глубоко посаженные глаза, серьезно смотревшие на него. Посверлил мужика несколько секунд, а затем решил, что нечего в гляделки играть, не маленькие.

— Давно пора было снести его к такой-то матери, — неожиданно для себя сказал он, не отводя глаз.

— А что ж меня не убил? — удивился здоровяк. — Хорошая возможность была...

«На черта мне сдалась твоя возможность, — хотел сказать ему Прохоров. — Лодку с острова увела Танька, и не уплыла на ней, а спрятала в кустах выше по течению. От страха у нее совсем крыша съехала, не соображала, что делает: оставив дома брата под присмотром Матвея, бросилась к реке и решила, что нужно любыми способами прогнать тебя, бродящего с металлоискателем среди деревьев».

Данила едва успел за ней. После того как мужик обнаружил пропажу лодки, времени на раздумья у Прохорова не оставалось, и он решил, что самым правильным будет напугать его. Он велел Татьяне вернуть лодку на место, а сам, прихватив палку покрепче, отправился к шалашу.

Любой нормальный человек после того, что устроил Прохоров копателю, свалившемуся из Москвы, бежал бы сломя голову. А этот не только остался, но и исхитрился починить сломанный металлоискатель. Нападать на него вторично Данила не решился, и им с Танькой осталось только вернуться домой и надеяться на то, что никакая техника не поможет приезшему найти тело, восемь лет пролежавшее в земле. Но они ошиблись.

— Хорошая, — вслух сказал Прохоров. — В другой раз так и сделаю.

— Огорчу: другого раза у тебя не будет.

— Не зарекайся.

— Сережа, да что вы с ним разговариваете? — вмешалась Виктория, вставая. — Все, давайте заканчивать этот балаган.

«И как, любопытно, ты собираешься его заканчивать?» — хотел спросить Данила. Но тут заиграл телефон, и Венесборг отвернулась от него.

— Да. Да, я слушаю. Нет, говорите.

И, после паузы:

— Что-о?!

В голосе ее прозвучал такой ужас, что Макар с Бабкиным переглянулись и оба посмотрели на Данилу, как будто он мог что-то объяснить. Но Прохоров сам готов был отдать многое в обмен на то, чтобы

получить ответы на свои вопросы.

— Этого не может быть! — выкрикнула Венесборг. — Как же так... Если они сделали... Нет, стойте!

Собеседник что-то говорил Вике, и, слушая его, она бессильно опустила в кресло, закрыла лицо рукой, забыв про Макара, Сергея и пленника, сидевшего в наручниках.

— Ясно. — Безжизненным голосом проговорила она, когда в трубке закончили. — Все понятно. Спасибо, что предупредили, Семен Аркадьевич.

И, не слушая продолжения, нажала на кнопку отбоя.

У Кирилла снова болела голова. За правым виском образовался берег, на который набегали волны боли: сначала едва шурша, затем сильнее, и наконец смывали все и отступали с тем же шуршанием, с которым и появились. В камере следственного изолятора, куда его перевели сутки назад, кроме Кирилла, находилось еще семь человек, но последние несколько часов они почти не существовали для него. Разве что тенями на стене, неразличимыми голосами и назойливой вонью. От всех них исходил такой смрад, что Кирилл постоянно морщился.

Он ни с кем не разговаривал: лег на свое место и вот уже сутки лежал, вставая лишь затем, чтобы помочиться да когда его вызывали к следователю. По возвращении все попытки расспросов Кручинин пресек одним взглядом, и больше к нему не лезли — чувствовали, что выйдет себе дороже. Да он никого особенно и не интересовал.

Для Кирилла Кручинина в камере находилось не семь человек, а восемь. Он слушал этого восьмого, и взгляд у него становился пустой и вместе с тем сосредоточенный, какой бывает у людей, незаметно ковыряющих болячку и старающихся скрыть это.

Восьмой беспрестанно говорил что-то негромким монотонным голосом, и от его монотонности Кириллу хотелось либо заснуть, либо заорать. Он не вслушивался особенно в произносимое, потому что и так знал, о чем идет речь: сначала Сенька нудел, что не нужно обижать Вику, затем вспоминал что-нибудь из своей тюремной жизни и, наконец, издали, очень осторожно заводил речь о деньгах. Повторялся их разговор в ту последнюю поездку раз за разом, словно при переключении каналов Кирилл попадал на одну и ту же радиостанцию.

От напряжения последних месяцев Кручинин дьявольски устал и теперь ощущал себя так, будто ему на спину прыгнул зверь, который догонял его все это время и не мог догнать. Но теперь ему дали такую

возможность. «Сам виноват. Недооценил стерву...» — Кирилл не ругал себя, а лишь констатировал факт.

Сенька по-прежнему ходил по камере, посматривал на Кручинина маленькими своими крысиными глазками, тряс головой, как собачонка, которой в уши попала вода, и Кирилл лениво думал о том, что до паранойи он еще не добрался, но, похоже, словил то, что называют глюками. Это не слишком его беспокоило, поскольку он был человеком с плохо развитым воображением, но причиняло некоторые неудобства. Основное заключалось в том, что придурок Сенька повторял одно и то же, словно надеясь переубедить Кирилла.

Он подумал, что если Головлев и при жизни отличался занудством, то с чего бы ему измениться после смерти? От этой мысли Кирилл рассмеялся, и в камере на него покосились враждебно и настороженно.

А Сенька талдычил свое: про жену, про тюрьму, про деньги... «Сказано тебе, — в ярости обратился к нему Кирилл, как к живому, — нет у меня твоих денег! Все! Были — да вышли! Ясно?»

Головлев терялся от слов Кирилла и взывал к совместному прошлому и дружбе. «Да какой я тебе, к черту, друг?! — рычал Кручинин. — Ты, кретин, меня с кем-то путаешь». Тогда Сенька напоминал о договоре, который они заключили, и вот этого Кирилл слушать совсем не хотел — посмеивался, мысленно пожимал плечами: молодой он был, глупый, вот и заключил тот договор. А сейчас — совсем другое время, и сам он другой. С того Кирилла можно было спрашивать, а с этого уже нет. «Все, Сеня. Поезд-то ушел! Тю-тю».

Боль за виском наплывала волнами, и Кручинина не на шутку беспокоило, что она становится все сильнее. Он скрипнул зубами и перевалился на бок, лицом к стене, и тут же выругался: прямо перед его лицом на ней было нацарапано «Вика». В следующий миг он хрипло рассмеялся: удачное напоминание, и как раз вовремя. Вот человек, который виноват во всем — в том, что он лежит в вонючей камере рядом с недочеловеками и разговаривает с бывшим приятелем, который сдох восемь лет назад, и в том, что происходит с его бизнесом.

«Убить меня хочешь, девочка? Кирилла Кручинина в тюрьму загнать? Ну попробуй, попробуй... Сейчас твой ход, а потом будет мой».

Он негромко рассмеялся, и продолжал смеяться, глядя на надпись «Вика», выцарапанную на уровне его глаз. Даже нахлынувшая боль не заставила его оборвать смех. Так человек, радующийся хорошей шутке, посмеивается долго-долго, находя в ней все новые смешные стороны.

Никто не нарушал молчания, и Вика сидела, не говоря ни слова, по-прежнему закрывая лицо ладонью. Наконец она отняла руку, и Илюшин с Сергеем поразились тому, что увидели.

Она изменилась на глазах. Вся уверенность, все спокойствие слезли с нее, как слезает клочьями обгоревшая кожа, и остались опустошение и недоверчивый страх, как у повзрослевшего ребенка, который давно перестал верить в мертвецов, встающих из могилы, и вдруг увидел одного из них.

— Виктория, что случилось? — осторожно спросил Макар. — Что вас так расстроило?

Она продолжала молчать, будто не слышала.

— Вика... — сочувственно позвал Бабкин. — Может быть, вы...

— Они его отпустили, — выговорила Вика ровным, лишенным красок голосом, не глядя на них.

— Кого? Вашего бывшего мужа?

— Да. Кирилла. Я была уверена, что... Нет, это неважно.

— На каком основании его отпустили? — уточнил Сергей, подождав и не дождавшись продолжения.

— Экспертиза показала, что эпидермис под ногтями Сени не Кирилла.

— Значит, все-таки там есть эпидермис? — нахмурился Илюшин. — Серега, это возможно?

— Конечно. Содрал кожу с того, с кем он боролся...

— Это неважно! — повторила Виктория, повысив голос. — Вы понимаете? Все это больше неважно! Следователь был вынужден его отпустить, потому что единственная улика, на которую мы рассчитывали, оказалась ложной! Теперь он на свободе, и я больше никак не доберусь до него.

— Выходит, вашего приятеля и в самом деле убил другой человек... — протянул Сергей, которого новость тоже поразила. Уверенность их клиентки в том, что убийца — ее бывший муж, была так заразительна, что он и не сомневался в результатах экспертизы. И вот теперь получалось, что...

— Они уже нашли преступника? — быстро спросил он, не заметив, как вздрогнул после этого вопроса Данила Прохоров.

— Не знаю... — отозвалась Виктория. — Кажется, нет... не знаю...

Она расползлась в кресле. Не буквально, потому что по-прежнему сидела в той же позе — опустив плечи, уронив руки на колени. Но одному из мужчин, смотревших на нее, показалось, будто из позвоночника этой собранной, волевой, жестокой женщины вынули металлический стержень,

на котором все держалось, и ее красивое тело вот-вот рыхло осядет, сползет на пол.

Забыв о Прохорове, Бабкин сделал шаг вперед и присел перед ней на корточки.

— Не паникуйте вы так, — рассудительно сказал он. — Вспомните: вы сами говорили, что хотите для вашего мужа только справедливости. Ничего страшного не произошло.

Она подняла на него серые глаза, которые, казалось, изменили цвет: из глубоких, зачаровывающих, как озерная глубина, стали цвета долго лежавшего пепла.

— Вы не понимаете... — тихо проговорила она. — Я знаю, что это он его убил. Что бы там ни говорили улики, знаю. Он каким-то образом переиграл меня, и я даже не понимаю как. Все было бессмысленно. Он все равно сильнее. Ничего не изменилось.

Она встала, и Сергей вынужден был подняться вместе с ней.

— Спасибо, Макар Андреевич, за помощь. — Она говорила сухо и официально. — Мы с вами в расчете?

Илюшин, поколебавшись, кивнул.

— Тогда желаю удачи. До свиданья.

— Как до свиданья? — поразился Бабкин. — А с этим что делать? — Он указал на Прохорова, не проронившего ни слова и пытавшегося понять, что изменилось для него с полученной новостью.

Вика остановилась в дверях, безучастно обернулась к Даниле.

— С этим... Какая разница? Отпустите его. Он, кажется, хотел меня убить... Вы ведь хотели меня убить, так? — обратилась она к Прохорову. — Можете сделать то, за что вам хотели заплатить.

Трое мужчин заговорили одновременно.

— Не мелите чепуху! — жесткий голос Макара.

— Вика, вы с ума сошли?! — протестующий — Бабкина.

— Да ты дура чокнутая! — возмущенный — Прохорова.

Не ответив ни одному из них, Виктория Венесборг вышла из квартиры и тихо прикрыла за собой дверь.

— Макар, я ее догоню, — восторженно воскликнул Бабкин.

— Нет смысла. Ей нужно прийти в себя, мы тут ничем не поможем.

— Да она в таком состоянии под машину попадет!

Илюшин пожал плечами:

— Она потрясена, конечно, но не до потери инстинкта самосохранения. Хотя меня, признаться, удивляет такая реакция. Ладно... Мы свою часть работы выполнили, на этом дело предлагаю считать

закрытым.

Бабкин перевел взгляд на Прохорова.

— А с этим красавцем что делать будем?

— То, что она и сказала.

Сергей пристально посмотрел на напарника и сделал короткий жест, предлагая выйти и обсудить вопрос с глазу на глаз. Макар скептически покачал головой, но подчинился. Они вышли, и до Прохорова донеслись негромкие голоса, но слов он не мог разобрать. Затем закрыли дверь, и голоса пропали.

Оставшись один, Данила Прохоров сделал то, что сильно удивило бы Бабкина, если бы он мог это увидеть, и заставило бы по-другому взглянуть на их пленника. Вскочив, он пружинистыми шагами подошел к письменному столу, подцепил скованными руками стакан, из которого торчали карандаши и ручки, опрокинул его на сиденье кресла, чтобы не загремели, и, поискав, вытащил оттуда канцелярскую скрепку. Разогнув ее зубами, он перехватил скрепку пальцами так, чтобы один конец ее оказался в скважине наручников, и принялся поворачивать, будто прислушиваясь к чему-то.

С первого раза у него не вышло, потому что скрепка выпала, и пришлось повторять все заново: поднимать, пристраивать в пальцах. К счастью для Прохорова, запястья у него были узкие, и наручники, обхватывавшие их неплотно, скользили по рукам, отчего у него появлялась свобода маневра со скрепкой. Данила орудовал импровизированной отмычкой до тех пор, пока не почувствовал, что она встала как надо. Тогда очень осторожно, стараясь не дышать, он нажал на длинный ее конец, как на рычаг, и услышал негромкий щелчок. Секунду спустя он уже сбросил наручники, мысленно благодаря свою полукриминальную юность за полученные навыки.

Из того, что услышал Прохоров, он вывел одно: здесь ему больше делать нечего. У него было ощущение, что теперь он знает еще меньше, чем раньше, и это его не устраивало. Данила понял из разговора, что женщина, которую он едва не похитил, считала виновным в убийстве своего друга кого-то другого, и ее ошеломила новость о том, что убийца — не тот другой. Но что она предпримет, придя в себя, когда перед ней встанет вопрос, заданный здоровяком — кто же настоящий преступник? — Прохоров не знал.

Данила старался рассуждать, встав на ее позицию. Хотела она найти убийцу? Хотела. И даже наняла для этого специального человека. Более того, она, по всей видимости, подкупила следователя, и дело закрылось с

такой быстротой, которая в России обеспечивается исключительно большой личной заинтересованностью, а та, в свою очередь, только хорошим кушем.

Ее догадка не подтвердилась, и женщина ушла... Но по прошествии некоторого времени она, возможно, решит, что не стоит отказываться от поисков настоящего убийцы. И что тогда делать? Как он сможет ее остановить?

Прохоров решил, что ответы на эти вопросы следует искать где угодно, но только не в этой квартире, а каждая секунда раздумий приближала его к вероятности не выбраться отсюда в ближайшее время. Он скользнул к двери, постоял, прислушавшись, и приоткрыл ее. Коридор был пуст. Из соседней комнаты слышались неразборчивые голоса, и Прохоров быстро прошел мимо нее, стараясь ступать бесшумно. Плечом он задел висевшую на стене фотографию в рамке и едва не уронил ее, но в последнюю секунду поймал и осторожно придержал, матеря хозяйина квартиры: лучше бы картины вешал — они тяжелые, их уронить куда сложнее.

Разбираться с замком не потребовалось, потому что дверь была открыта — после ухода женщины его сторожа даже не потрудились запереть ее. Вырвавшись из квартиры, Данила, не доверяющий лифтам, рванул вниз по лестнице со спринтерской скоростью и пролетел двадцать пять этажей, даже не заметив.

В холле вязала консьержка, и запыхавшийся Прохоров замедлил шаг, чтобы не вызывать подозрений. Он устремился к наружной двери, как вдруг увидел в окно стоявшую снаружи Викторию. В тот самый момент, когда Данила затормозил, едва не упав на ступеньках, женщина, тряхнув головой, спустилась вниз с крыльца и медленно пошла вдоль дома, не обращая внимания на прохожих, оборачивавшихся на нее.

Дальше Прохоров не колебался. Подчиняясь внутреннему голосу, требовавшему контролировать человека, от которого, как он считал, зависит его дальнейшая судьба, Данила выскочил на улицу и пошел за ней следом, держась на приличном расстоянии и постоянно оглядываясь в опасении увидеть за своей спиной широкоплечего Сергея или его худого и опасного, как кобра, напарника. Но страх его был напрасен: за ним никто не шел, и мало-помалу Прохоров успокоился. Ему требовалось время, чтобы принять какое-то решение, и потому он продолжал идти за женщиной в измятом сером платье и порванных чулках.

Глава 11

Когда Кирилл Кручинин вышел из здания во двор, он зажмурился и неприятно поразился тому, насколько глаза отвыкли от яркого света за короткое время. Американские клены подметали двор пыльными ветвями, и он сорвал один лист, растер в пальцах и понюхал.

— Ты, Кирилл Андреевич, прямо как после долгой отсидки, — раздался сзади бодрый голос. — Лето еще на дворе, лето, не сомневайся.

Обернувшись, Кручинин увидел чернявого Давида, спешившего к нему с распростертыми объятиями, и пошел ему навстречу. За несколько шагов до помощника Кирилл сделал легкое движение, едва заметное, которое было затруднительно трактовать однозначно — что-то вроде подергивания плечами, — но Давид отчетливо осознал, что с объятиями торопиться не стоит, и опустил руки. К шефу он подошел, полностью перестроившись, и крепко пожал ему ладонь.

— Здорово, Кирилл Андреевич! Как ты?

— В норме. Пошли.

Пока они шли к машине, Кручинин то и дело проводил рукой по подбородку. За последние дни у него отросла щетина, и ему хотелось первым делом принять ванну и побриться, но он видел по лицу Давида, что у того есть новости. И подозревал, что они не доставят ему радости, а значит, их нужно услышать как можно скорее.

— Поехали, Сань, — сказал Давид, и шофер тронулся с места. — Ну что, давай сначала тебя домой забросим?

Он не собирался выражать сочувствие шефу, потому что понимал: сейчас это может лишь вывести Кручинина из себя. Вид у Кирилла Андреевича, подумал исполнительный директор, жутковатый: глаза красные, запавшие, в прожилках, черная щетина расползлась по щекам и подбородку, а лицо осунулось так, словно он не несколько дней провел в камере, а пару месяцев. Труднее всего оказалось выдерживать его взгляд — тяжелый, давящий взгляд волка, выбравшегося из капкана и бегущего по следу охотника вместо того, чтобы спрятаться в укрытии.

— Ты погоди домой, — приказал Кручинин. — Сначала говори, что случилось.

— В каком смысле?

— В прямом. Давай, не крути. Что у нас еще?

Давид покосился на шефа, поразившись его пронизательности, и,

вздыхнув, начал рассказывать. Кирилл мрачнел с каждым его словом, похрустывал пальцами, и Давиду стоило больших трудов не дергаться при каждом щелчке, противном, словно давили таракана.

Новости были краткими: банк, в котором Кручинин взял приличную сумму под модернизацию производства, в одностороннем порядке повысил процентную ставку по кредиту.

— Кризис, что ты хочешь, — убитым голосом говорил Давид. — И ни к чему не придерешься!

Оборудование для цехов уже было закуплено у Виктории Венесборг, а возвращать кредит фирме Кручинина было нечем — все деньги он вложил в производство.

— В первый цех вчера приезжали, забрали машины...

— Как?! — не поверил Кирилл. — Да они что, сдурели?! Ты куда смотрел?!

— А я что сделаю?! Не подкопаешься!

— Черт, да невозможно за три дня такое повернуть!

— Ну, как видишь, возможно...

Интонация Давида заставила Кручинина пристально взглянуть на него.

— Что еще? Давай, выкладывай.

— Кирилл Андреевич, ты же понимаешь — бабла на возврат кредита нет... И они это тоже понимают...

— Не тяни кота за яйца.

— Ты же знаешь, сколько мы должны...

— Короче, Склифосовский!

— Они попытаются изъять часть имущества в счет погашения кредита.

Кручинин откинулся на спинку кресла, осмысливая сказанное.

— Что, цеха???

Давид молча кивнул. Кирилл грязно выругался сквозь зубы.

— Слушай, что происходит, а?! Как это можно проделать за такой короткий срок?! И потом, они же себе не враги! Пока суд идет, я успею...

Он замолчал, осененный новой мыслью, и подозрительно взглянул на исполнительного директора.

— Подожди-ка... Давид, это что — нас, типа, на abordаж берут? Перекупают?

Его помощник издал невнятный звук, который можно было трактовать и как согласие, и как отрицание. Но самое главное Кручинин услышал — Давид был ничуть не удивлен его предположением.

Кирилл втянул воздух сквозь сжатые зубы, как человек, откусивший

слишком горячий кусок мяса.

— Предположения будут? Ну?!

Его «ну» прозвучало так угрожающе, что Давид сдался.

— Баравичов, — выдавил он. — Поговаривают, что руководство «Альфы» сдало нас ему с потрохами.

— Похоже на то... — отозвался Кирилл, барабанив пальцами по колену. — Похоже на то...

Он погрузился в глубокое раздумье, и Давид, искоса взглянув на шефа, почел за лучшее его не трогать. Неприятности, которые поначалу валились на них снежными шапками, а затем накатили снежным комом, теперь превратились в лавину, грозившую похоронить под собой и его, и Кручинина, и весь их «Мясновских». Вновь отметив про себя, как сильно изменился Кирилл всего за несколько дней, Давид цинично подумал, что он-то из-под этой лавины выберется, а вот шеф — вряд ли. У него было предчувствие, что Кручинину схватка с конкурентами дастся слишком дорогой ценой.

— Денег никто не дает, вот что... — скривившись, сказал он. — Не было бы долбаного кризиса, перекредитовались бы и заткнули дыру. Я сунулся везде, где мог, — повсюду отказ.

В памяти Кирилла всплыл стеклянный купол, и, вспомнив разговор, он почувствовал внезапное облегчение — все оказалось не так плохо, как могло быть.

— Деньги будут, — бросил он.

— Откуда?!

— Сказал, будут, значит, будут. А эти суки вместе с Баравичовым подавятся нашими цехами. Фабрика им не нужна, нет?

Давид придерживался мнения, что и фабрика нужна тоже, но предпочел оставить его при себе. Его очень интересовало, где шеф собирается найти средства на погашение кредита, но он видел, что обсуждать эту тему с ним не будут.

— Это все она... — подал голос Кручинин, и Давид не сразу понял, разговаривает ли он с ним или сам с собою. Подождав, он осторожно уточнил, кого имеет в виду Кирилл Андреевич.

— Вику, Вику... Ее рук дело. Так взяться за нас могла только она. Баравичов у нее — пешка. Пляшет под ее дудку, вот и все.

Наблюдательный Давид, давно сделавший свои выводы об отношениях Виктории Венесборг и своего босса, аккуратно спросил:

— А уговорить ее не получится, а, Кирилл Андреевич? Может, перемирие заключить? Сожрут они нас, как пить дать.

Кручинин молчал, но скулы его наливались кровью, и его помощник пожалел о своем вопросе. Он ждал, что шеф взорвется, но Кирилл, к его удивлению, не возразил ни слова.

— Добьется своего, — пробормотал он. — Вика-Викуша, что ж ты творишь, стерва?

Кручинин уперся затылком в подголовник и прикрыл глаза. Ровный шум мотора усыпляюще действовал на него, и он отключился от происходящего, забыв и об исполнительном директоре, с тревогой ожидавшем его ответа, и о шофере.

Сознание его раздвоилось. Остатки здравого смысла подсказывали заключить перемирие с Викой, хотя бы попытаться, но зверь, сидевший внутри, только свирепо оскаливался: он знал, что никаким перемирием не утолить ту жажду крови, что разрасталась в нем. Ее можно было утолить, лишь расправившись с человеком, осмелившимся бросить ему вызов и проколоть его шкуру до крови в нескольких местах. Оскалившийся зверь никому не прощал нанесенных ему ран.

«Перемирие... Ха-ха! Выманить ее, усыпить бдительность — и наброситься. Она не будет ждать... она поверит... Нет? Значит, нужно сделать так, чтобы поверила. Убедительность, мягкость... Может, добавить немного испуга...»

Ему представился снег, падающий на Вику, и с неожиданной четкостью, преподнесенной проснувшимся воображением, Кирилл увидел себя разделившимся на мириады снежинок, в каждой из которых торчала крошечная, незаметная глазу ледяная игла. Он мягко обрушился на Вику сверху, притворился теплым одеялом, укутывал ее плечи, и видел, как она смеется, лоя на ладонь снежинки. Затаившись, он наблюдал, как она макает варешку в снег, а затем машет ею, стряхивая снежную пыльцу. Он позволил себе казаться таким безобидным, каким только может быть снег в двух шагах от дома, где горит желтым светом окно и поднимается пар над стаканом с горячим чаем. Он усыпил ее, закрутился у нее перед глазами сверкающим калейдоскопом, ошеломил стрельчатой красотой снежинок, и когда она замерла, принялся обволакивать ее, погружая в снег, будто в теплую воду, убаюкивая, покачивая, не переставая засыпать снежинками.

Он видел, что она застыла на месте, не мешая ему накручивать, словно снежную сахарную вату, все новые и новые слои снега. И тогда он пронзил ее всеми ледяными иглами, впился в беззащитную кожу, разорвал ее, будто зубы вампира, и слушал, как звучит ее дикий, отчаянный крик, полный изумления и боли.

От крика Кирилл вздрогнул и непроизвольно дернул подбородком.

Видение исчезло. Черт, что с ним?! Он что, спит наяву, в машине? Какой снег, какие снежинки? Ему и в самом деле нужно заключить с ней перемирие, пока не стало слишком поздно. Он встретит ее, заболтает, заставит поддаться его влиянию, и в итоге она сама поймет, что им выгоднее дружить, а не вырывать друг из друга заживо клочья мяса.

Кирилл Кручинин достал телефон и позвонил Виктории.

Но когда после разговора он убрал телефон в карман, крик бывшей жены все еще звучал в его ушах, и слушать его было наслаждением.

Виктория

Я шла по улице, не выбирая направления, не замечая даже, куда иду. Несколько раз я ловила на себе взгляды прохожих, но мне потребовалось увидеть свое отражение, чтобы осознать, почему на меня так смотрят.

И ужаснуться...

Выглядела я кошмарно. Разорванные чулки, смятое платье в зелени травяных разводов, торчащие из пучка на голове пряди, как перья птицы, которой поиграла и выпустила кошка... Кажется, я напоминала людям жертву группового изнасилования, чудом спасшуюся от мучителей.

Но, как ни странно, именно это помогло мне собраться. Я всегда придавала очень большое значение внешнему виду, и теперь, увидев себя, поняла, что мне нужно что-то предпринять, и немедленно, иначе я нарвусь на неприятности. В большом городе, если ты не хочешь притянуть их к себе, ты не должен выглядеть как жертва. А я ею выглядела.

К счастью, в этом спальном районе было полно магазинчиков, и я нырнула в один из них. Двадцати минут мне хватило, чтобы переодеть чулки в примерочной, а заодно привести лицо в порядок. Все, кроме его выражения, потому что даже тренировка с эмоциями не помогла. Из зеркала на меня смотрела сорокалетняя женщина с туповатым лицом. Мне не сорок, и я не глупа, но зеркало в магазине было безжалостно.

Как мой муж, подумала я. О да, Кирилл будет безжалостен! Он выбрался из-под того танка, который должен был раскатать его, вдавить в землю, и он не из тех, кто прощает покушения.

Я представила, что он может сделать со мной, и на минуту мне стало так жутко, что я вынуждена была присесть на стул в примерочной. Руки тряслись. Иррациональный страх охватил меня и не отпускал до тех пор, пока я мысленно не сказала: все, хватит, ты убиваешь сама себя.

Это подействовало. Своим страхом я действительно убивала себя, и

делала это куда эффективнее, чем получилось бы у Кирилла. Не стоило облегчать ему задачу...

Когда я расплачивалась за чулки, зазвонил телефон, и я уронила его на пол в надежде, что он разобьется. Потому что знала, кто мне звонит. Но корпус выдержал, и, поняв, что от разговора мне не уйти, я подняла его с пола.

— Здравствуй, дорогая, — тихо и почти нежно сказал Кирилл. Слышно было так хорошо, что я с трудом подавила порыв обернуться — мне показалось, что я увижу его за спиной, в двух шагах. — Как поживаешь, Викуша?

— Твоими молитвами. — Кажется, мой голос все-таки дрогнул. — Как ты сам?

— Ты знаешь, лучше, чем могло бы быть. Принимаю ванну, лежу в пене... — Он издевался надо мной. — Пускаю целлулоидных утят. Знаешь, желтеньких таких? Плещусь в водичке...

— Кровь смываешь с рук? — не выдержала я.

Не стоило этого говорить! Глупая, ребяческая выходка! Но голос его был так вальяжен и расслаблен, что я не совладала с собой. Повисла пауза, а когда Кирилл заговорил, он уже не издевался:

— Ну вот что... Надо встретиться. Есть что обсудить.

Теперь его слова падали по одному, как камни — ровные серые глыбы, каждая из которых способна убить. Я пыталась выиграть время, увернуться от камней:

— Зачем нам встречаться?

— Ты знаешь зачем. Да не бойся, Викуша. Я же тебя не съем.

Я отчетливо увидела, как, произнеся это, он провел языком по губам.

— Попробуешь съесть — подавишься.

— Скорее отравлюсь.

— Грубишь...

— Ну что ты, ласточка! Отдаю тебе должное.

Я не сразу нашлась, что ответить, потому что мне польстило то, что я услышала. Это было смешно и отчасти жалко, но всегда приятно, когда сильный противник ценит тебя по заслугам.

— Я заберу тебя через час там, где ты скажешь, — веско добавил он.

Вы не поверите, но я едва не согласилась! Стоило Кириллу заговорить в приказном тоне, как во мне всплыли воспоминания о том времени, когда я подчинялась ему во всем, и потребовалось сделать усилие, чтобы выбраться из-под давящей силы привычки. Привычка требовала покорно сказать: «Хорошо, Кирюша», и ждать, пока приедет мой властный муж и

сделает все так, как надо. Я и не догадывалась, до какой степени это укоренилось во мне! Впору было повторять, как заклинание: «Ты не имеешь власти надо мной! Ты не имеешь власти надо мной!», и я бы так и сделала, если бы собиралась обмануть саму себя. Но себя не обманешь: это неправда.

— Через два часа, — поправила я, надеясь, что голос скроет мою растерянность. — И не рассчитывай на то, что я сяду в одну машину с тобой.

— Викуша! Ты меня обижаешь...

— Встретимся в каком-нибудь ресторане. Где-нибудь в центре.

— «Под куполом», — спокойно предложил он.

— Что?

— Ресторан так называется — «Под куполом». Встречаемся там через два часа, и не опаздывай. Не на свидание идешь!

Я была уверена, что после этих слов он ухмыльнулся. Раздались короткие гудки, и я обнаружила, что девушка-консультант вопросительно смотрит на меня.

— Что? — спросила я, и, кажется, вышло довольно резко. — Что-то не так?

— Вы очень побледнели, — сказала она, будто оправдываясь. — С вами все в порядке?

— Да... да. Спасибо.

Я схватила свои покупки и поспешно вышла из магазина, мельком взглянув на себя в зеркало и торопливо отвернувшись. Цвет лица как у утопленницы, полежавшей в холодной озерной воде, а выражение такое, словно я жертва, обреченно ждущая, когда ее утопят. Нет, если я хочу переиграть Кирилла, мне нужно держать себя в руках...

Я прошла еще несколько шагов, думая об умении властвовать собою, и, только встав у проезжей части, чтобы поймать машину, поняла, что сказала себе. «Если я хочу переиграть Кирилла...» Так я этого хочу?! Несмотря на то, что полчаса назад считала себя проигравшей по всем фронтам?!

Что-то случилось со мной за то короткое время, что я разговаривала с ним... Телефонный разговор подстегнул меня, мобилизовал во мне силы, о которых я и не подозревала. И дело было не в Кирилле, дело было во мне самой: стыд, охвативший меня за собачью готовность подчиняться ему во всем, подействовал на меня как удар кнута. Я сама себя ударила.

Добравшись до гостиницы, я возбужденно принялась ходить по комнате из угла в угол, не в силах остановиться. Времени до встречи

оставалось все меньше и меньше, но вместо того, чтобы привести себя в порядок, я лихорадочно обдумывала план дальнейших действий.

Итак, та карта, на которую я поставила почти все, проиграла: мне не удалось доказать, что Кирилл виновен в Сениной смерти. Но оставался человек, которого я совершенно выкинула из головы, решив, что и здесь потерпела полное поражение.

Алиса Кручинина... Возможно, я преждевременно сбросила эту девочку со счетов?

У меня не вышло соблазнить ее Романом, не получилось влюбить ее в подставного красавца, а все почему? Потому что она *слишком сильно любит своего мужа*. И я опрометчиво решила, что это является непреодолимым препятствием к тому, чтобы использовать девочку. Но кому, как не мне, знать, что любая сила оборачивается слабостью, если нажимать на правильные рычаги?

Я резко остановилась посреди комнаты и стояла так, заново перебирая все, что мне было известно об Алисе Кручининой, представляя себе маленькие бумажные карты, на каждой из которых был записан случайный факт, касающийся ее. Колода перетасовывалась, из нее вылетали короли и дамы, но на этот раз карты складывались не так, как прежде. Я вспомнила, как сожалела о несбыточности одной идеи, и вновь подумала о том, что поторопилась: что угодно может осуществиться, если приложить к тому старания. А та идея... она и в самом деле была невероятно удачной, осенившей меня в счастливую минуту. Одним ударом разрубить узел, который затянулся почти намертво, и не где-нибудь, а на моей шее, потому что я знала — Кирилл не оставит меня в покое! Нужно лишь выбрать правильное оружие и точку, в которую ударить. Определенно, моя идея нравилась мне все больше и больше.

Скажите на милость, почему бы Кириллу Кручинину не убить свою жену?

Помните, я уже задумывалась над этим? И пришла к выводу, что слишком мал шанс *удачного* развития событий — *удачного для меня*, вы понимаете? Но зачем ждать шанса, если можно самой подтолкнуть события в правильную сторону?

Не сомневаюсь, сейчас вы сочли меня жестокой... Поверьте, мне не доставляет удовольствия мысль о том, что придется пожертвовать этой славной девочкой. Но глупо из-за сантиментов отказываться от возможности, которую ждал много лет! Клянусь вам, я искренне жалею ее, но Кирилл не оставил мне выбора. Это игра, понимаете? Либо вы пешка и вас едят, либо вы игрок, и тогда, хотите вы того или нет, вам придется

жертвовать пешкой. Моя игра стала значить для меня так много, что теперь я готова пожертвовать любой фигурой на доске, если это поможет мне выиграть партию.

Знаете, что я поняла? Я становлюсь такой же, как мой муж. Нет, даже хуже, потому что Кирилл всегда был зверем: сначала маленьким зверьком, потом молодым, наглым, свирепым, и, наконец, стал взрослым матерым хищником. А я считала себя человеком. С каждым моим следующим шагом человеческого во мне остается все меньше, и вылезает звериное, темное, отчасти пугающее меня саму, но отчасти вызывающее восхищение, как некая скрытая способность, которой я сама от себя не ожидала. Быть зверем — значит выбирать любые пути для достижения своей цели, и если вы как следует поразмыслите, то поймете, что это означает быть свободным.

Доставая телефон, я не имела ни малейшего понятия, как буду использовать маленькую Алису во второй раз. Моя рыжеволосая золотая рыбка, исполняющая желания, должна сама попасться в сеть, но из чего я сплету ее, мне пока неизвестно. Передо мной маячил самый простой вариант: рассказать ей всю правду о нас с Кириллом и показать досье, собранное на него, — уверена, там было чему произвести на нее впечатление. Я даже пожалела, что такая тривиальная мысль не пришла мне в голову раньше, и вместо этого я пошла куда более извилистым путем, на котором закономерно потерпела поражение.

Но рассказать правду — самое простое... Следовало подумать, как разыграть мой спектакль дальше, чтобы золотая рыбка не только не выскользнула из сети, но и заманила в нее акулу, а поэтому нельзя было потерять ни крупицы информации. Никогда не представляешь, что именно пригодится в качестве наживки.

Из фирмы, занимавшейся для меня сбором сведений, мне звонили накануне, и я знала, что ничего существенного они не нашли. Человек, вышедший из тюрьмы за покушение на убийство Кирилла Кручинина, переехал жить в Краснодар, и уже поэтому не представлял для меня интереса. Я не спросила, появились ли новые факты по Алисе Кручининой — я давала задание раскопать по ней все, что только возможно, — но здесь на успех вряд ли приходилось рассчитывать.

Тем не менее я позвонила своему помощнику и распорядилась привезти мне все данные, собранные сотрудниками фирмы. Интернет, обещанный мне при заселении, не работал в отеле уже вторые сутки, а бегать с ноутбуком в поисках подходящего кафе, где можно было бы подключиться к Сети, не входило в мои планы.

Только после этого я стала собираться, изредка поглядывая на часы — до встречи оставалось сорок минут. В сумочке, которую я чудом не потеряла, бродя по городу в приступе паники (теперь мне было стыдно вспоминать об этом), обнаружилась брошь, найденная сыщиком в шалаше. Золотая птица с зеленым глазом... Я в который раз вспомнила о Сене и подумала, что он обязательно помог бы мне, если был бы жив. Он хорошо ко мне относился.

Я надела тонкое черное платье и приколола к нему брошь. Золотое на черном... Могло получиться крикливо, но не получилось: смотрелось изысканно и загадочно. Мне снова подумалось невесть отчего, что птица поможет мне, и я подмигнула ей перед тем, как отвернуться от зеркала.

Обнаружив побег пленника, Сергей и Макар отреагировали на это по-разному: первый выругался и метнулся наружу, но быстро убедился, что Данилы Прохорова простыл и след. Второй пожал плечами, сбросил с кресла рассыпанные ручки, и упал в него, откинувшись на спинку. Когда запыхавшийся Бабкин вернулся, Макар созерцал любимую фотографию, висевшую на стене: маяк, стоявший над скалистым обрывом.

— Вот сукин сын... — выдохнул Сергей. — Как он ухитрился?..

— Судя по замеченной мною скрепке, открыл ею наручники. Парень-то не так прост, как показался вначале.

— Мне он и вначале не казался простым. Что будем делать?

— Да ничего, — пожал плечами Илюшин, не сводя глаз с маяка. — Зачем нам что-то делать? Работа выполнена, а Венесборг и ее смуглый поклонник пусть разбираются сами.

— А если он ее убьет?

Макар перевел на него взгляд, и в нем мелькнула ирония.

— Неужели тебя это огорчит? Ладно, ладно, шучу! — Он поднял ладонь в предостерегающем жесте, видя, что напарник рассержен. — Успокойся, не убьет. Сейчас он направляется к своей машине в надежде, что ее не угнали за последние несколько часов, а после помчится домой со всей скоростью, на которую способен его «Чероки».

— У тебя волшебное зеркальце завалялось, а? — поинтересовался Бабкин. — Откуда такая уверенность? По-моему, все совсем иначе: сейчас он выслеживает нашу клиентку, чтобы закончить то, в чем мы ему помешали.

— Этот тип не казался мне слабоумным, а сделать то, что ты ему приписываешь, может только слабоумный. Если его действительно нанял бывший муж, он сообщит ему о провале всей операции и заляжет в кусты.

Мы его видели, мы можем дать показания, так не дурак же он, в конце концов! Зачем ему подставляться с убийством или похищением, если он станет первым, на кого падут подозрения?

— Ты упускаешь кое-что из виду. — Бабкин опустил у стены и запрокинул голову назад, разминая хрустнувшую шею. — Если его нанял бывший муж, то все правильно. А если нет? Если он преследует ее по каким-то личным мотивам? Тогда он воспользуется ситуацией, выследит ее и прикончит.

Илюшин хотел заметить, что это их уже не касается, но посмотрел на крутящего шейей напарника и передумал.

— Ты у нас просто ходячая совесть! — недовольно заметил он. — Опекун дамочек, попавших в беду. Раньше я не замечал в тебе такого альтруизма.

— Должен же тебя хоть кто-то уравнивать, циничный ты наш, — парировал Бабкин. — А бабу мне просто-напросто жалко. Загнала сама себя в переplet, а потом махнула на себя рукой. Обидно, если такая красота пропадет.

— Искусственная, прошу заметить, — уточнил Макар.

— В каком смысле?

— В таком, что природа, конечно, потрудилась над лицом госпожи Венесбург, но не меньше над ним потрудился пластический хирург. Ладно, это лирика. Как ты собираешься ее искать?

Вместо ответа Сергей выразительно посмотрел на телефон.

— Ну-ну, — отозвался Илюшин. — Попробуй.

Бабкин набрал номер, подождал и, когда трубку сняли, торжествующе взглянул на Макара.

— Виктория?... Да, Сергей. Хотел спросить — с вами все в порядке? Нет, почему... А где вы сейчас? Ага, ясно. Так, значит, в порядке?... Ну и отлично. Всего хорошего.

— Где она? — спросил Макар по окончании разговора.

— В гостинице. Говорит, что нормально доехала и теперь собирается отдохнуть. Она не настроена общаться, отвечала односложно, но вполне любезно.

— Предлагаю тебе на этом успокоиться, — небрежно посоветовал Илюшин. — Или ты собираешься убедиться своими глазами, что она сказала тебе правду? — добавил он, видя, что Бабкин оглядывается, словно что-то ищет.

Сергей отыскал наконец визитку гостиницы и похлопал Макара по плечу.

— Я всего лишь собираюсь довести дело до конца. Много времени это не займет — съезжу к отелю, осмотрюсь, проверю, не околачивается ли там наш сбежавший похититель. Если я прав, то он обнаружится рядом с ней.

Пока она стояла в дверях ресторана, спокойно оглядывая зал и ища его глазами, пока неторопливо шла, покачивая бедрами, которые обрисовывало черное, очень идущее ей платье, Кирилл смотрел на нее с улыбкой и думал о том, как хорошо было бы ударить ее по лицу прямо сейчас, как только она подойдет. Не просто дать пощечину, а вмазать кулаком, от души, чтобы хрустнули выбитые зубы, а подбородок залило кровью.

— Рад тебя видеть, — сказал он, когда она села.

— Я тебя тоже.

Они замерли друг напротив друга в одинаковых позах: откинулись на спинки стула, руки расслабленно положив на стол. Ни один толкователь языка жестов, взглянув на них, не сказал бы, что перед ним люди, мечтающие уничтожить друг друга.

— Неплохо выглядишь...

— Ты тоже.

Они примерялись друг к другу, сохраняя лица непроницаемыми, ничего не выражающими, кроме любезности. Но официант, неслышно появившийся рядом, умудрился поздороваться почти беззвучно и так же беззвучно оставил два меню для клиентов, решив не задерживаться возле этого столика. Он и сам не мог бы объяснить почему: красивые, явно успешные мужчина и женщина, неуловимо похожие друг на друга — так бывают похожи супруги в счастливых парах... Но чутьем человека, по роду деятельности зависящего от людей, с которыми он общается, официант понял, что от этих двоих лучше находиться подальше. Что-то жуткое витало в воздухе рядом с ними, словно невидимый глазу черный смерч, всасывающий в свой бешеный круговорот всех неосторожных, оказавшихся слишком близко.

Несколько минут они молчали, делая вид, что выбирают блюда, но каждый ткнул наугад в то, что оказалось наверху страницы. Затем отложили меню в сторону одинаковым жестом и посмотрели друг на друга в упор, уже без фальшивых улыбок, без масок вежливости. И в эту секунду на их лицах промелькнуло одинаковое выражение, словно они отразились друг в друге.

Битва началась.

— Ты меня до тюрьмы и до сумы хочешь довести? — без предупреждения спросил Кирилл. — Или есть альтернатива?

Вика помедлила с ответом лишь секунду — все-таки его прямота смутила ее.

— Ты же знаешь, альтернатива есть всегда.

— Маленькая месть за счастливые годы семейной жизни, а?

— Скорее благодарность учителю за преподанный урок, выраженная в форме практической отработки материала.

— Слушай, девочка моя... — Он перегнулся через стол и взял ее за руку. Вика вздрогнула, но руки не отдернула. — Я знаю, что виноват перед тобой. Не считай меня зверем. Если бы у меня была возможность переиграть все заново, я бы поступил иначе — тогда, при разводе.

Вика негромко рассмеялась, высвободила пальцы и провела по его щеке. Теперь настала очередь Кручинина сдерживаться, чтобы не отшатнуться от ее прикосновения.

— Что, дорогой, сильно прижало, да? — сочувственно спросила она, ведя пальцем от скулы вниз, к уголку обветренной губы.

Кирилл медленным движением перехватил ее кисть, поднес к губам и поцеловал, сдерживая желание вцепиться зубами в белую тонкую кожу. Затем повернул руку женщины запястьем вверх и, прежде чем Вика сообразила, что он делает, прижал к нему палец, считая учащенные удары пульсы.

— Беспокоишься о моем здоровье?

— Проверяю, есть ли у меня шанс.

— Шанс на что? — Она притворилась непонимающей, но он улыбнулся так, что притворство стало бессмысленным. — Милый, ты же не считаешь меня душой до такой степени? Или полагаешь, что можешь затащить меня в постель, после чего я растаю, и мы разойдемся, пожелав друг другу всего хорошего? Нет! Не разочаровывай меня! Не хочу верить, что ты настолько поглупел с возрастом!

— Это не я поглупел, а ты похорошела. В постель я хотел бы тебя затащить независимо от того, чем окончится наша маленькая игра.

Вика подумала, что не может понять, говорит он сейчас правду или лжет и насколько наигранно вождение в его глазах.

Официант поставил перед ними тарелки, но ни он, ни она не притронулись к еде.

— Чего ты хочешь, девочка моя?

«Девочка моя»... Он никогда не называл ее так прежде, а ей всегда хотелось услышать это от него. Чтобы избавиться от щемящего чувства, она возразила чуть резче, чем было нужно:

— Девочка твоя — это женщина, на которой ты женат, Кирилл. А я

уже давно не девочка.

— И давно не моя.

— Исключительно твоими усилиями.

— Я уже сказал тебе, что жалею! Клянусь, я жалею о том, как обошелся с тобой.

— Видимо, жалость проснулась в тебе за то время, что ты сидел в камере. Потому что прежде ты мне об этом не говорил, — съязвила Вика.

— В какой-то степени ты права, — спокойно сказал он. — Раньше я не понимал, как сильно тебя обидел. А потом увидел, что ты готова на все, и понял, в чем причина. Можешь считать меня тупым бараном, но так оно и есть.

«Все, — решила она, — пора. Сейчас как раз подходящий момент для того, чтобы убедить его».

— Ты в самом деле жалеешь о том, что выгнал меня? — Голос ее дрогнул как раз в той мере, в какой и должен был. Это получилось от волнения другого рода — она страшно боялась, что Кирилл раскусит ее игру, но вышло очень естественно.

— Да. — Убедительности ему было не занимать, потому что мысленно он добавил: «Мне стоило убить тебя тогда — сейчас было бы меньше хлопот и плясок на задних лапках перед тобой, мстительная сука». — Я не знаю, что могу сделать для тебя, Викуш. Скажи, что?

«О-о, в ход пошли взятки. Ты слишком дешево считаешь купить меня, милый».

Она молчала, опустив глаза, чтобы он не видел их выражения. Ее целью было убедить его в том, что она больше не представляет опасности, и теперь нужно было понять, не поторопилась ли она, не сдалась ли слишком быстро.

«Чертова сука... Хрен поймешь, что у тебя на уме. Я готов трахнуть тебя сорок раз подряд, лишь бы ты отцепилась от меня. Неужели Давид прав и все получится проще, чем я ожидал?»

— Если я попрошу тебя отдать мне твой бизнес, ты согласишься?

Он подумал совсем немного и отрицательно качнул головой, увидев, где ловушка.

— Нет. Извини. Есть такие игрушки, которыми большие мальчики не жертвуют.

— Даже ради девочки? — нарочито удивилась она.

— Даже ради девочки, — усмехнулся Кирилл.

«Что, стерва, устраиваешь проверку? Если бы я согласился, ты бы поняла, что все это чушь, потому что ни один мужик в здравом уме не

пойдет на такое... Не держи меня за кретина, придумай что-нибудь посложнее».

— А знаешь, Кирилл, ты мне уже дал все, что я хотела, — медленно проговорила Вика, — когда признал свое поражение. Ведь признал, правда? Наша с тобой встреча — лучшее тому подтверждение. Так что давай не будем тратить времени зря. Если хочешь знать правду, я все решила еще до того, как пришла сюда.

Она поднялась, воротник ее платья сдвинулся, открывая брошь, и золотая птица сверкнула под лучами вечернего солнца, падающими сквозь стеклянный купол. Кирилл перевел взгляд на украшение и окаменел, словно человек, толкнувший балконную дверь, за которой вместо тверди балкона оказалась свистящая пропасть в двадцать этажей с крошечными машинками на дне. Будто наяву, его обдало дыханием ветра, готового слизнуть человека, балансирующего на краю бездны.

Вика не поняла, отчего он изменился в лице. Она смотрела на Кирилла, заставляя себя выдавливать победительную улыбку, показывающую, что она знает куда больше, чем говорит. Бывший муж смотрел на нее каким-то напряженным взглядом, и она улыбнулась еще шире. «Я переиграла тебя, потому что ты не знаешь, чего от меня ожидать», — говорила ее улыбка, и ни один человек не заподозрил бы эту женщину в лицемерии. Не заподозрил и Кирилл.

Глаза его сузились, превратившись в щелочки, и хотя Вика не понимала, с чем связана такая перемена, она уловила угрозу. Это был не ровный фон опасности, окружавший ее прежде, а нечто, подобное вспышке. Как животное, инстинктивно бегущее при первых, еще не осознаваемых толком признаках лесного, пожирающего все пожара, она встала, не отдавая себе отчета в своих действиях, и наклонилась к нему. Золотая птица оказалась перед лицом Кирилла и уставилась на него зеленым глазом.

— Я больше не держу на тебя зла, дорогой, — мягко проговорила Вика, не замечая, что он не сводит застывшего взгляда с броши на ее платье. — В конце концов, мы оба знаем, что теперь ты зависишь от меня, а не наоборот. Я не стану этим злоупотреблять.

Она повернулась и пошла к выходу, отсчитывая про себя такт, чтобы не ускорять шаги. «Бог мой, кажется, я его убедила. Главное, что я нигде не переигрывала... Если бы притворилась, что растаяла от его обаяния, он бы мне не поверил».

Кирилл достал телефон и набрал номер водителя, ждавшего внизу.

— Сейчас выйдет женщина в черном платье, — очень тихо и

отчетливо сказал он. — Поедешь за ней. Куда она, туда и ты. Понял?

— А вы, Кирилл Андре...

— Понял, твою мать? — страшным голосом повторил Кручинин, и шофер заткнулся.

Кирилл отшвырнул трубку и уставился на прозрачную дверь невидящим взглядом.

Официанту, пробежавшему мимо с подносом, показалось, что мужчина за столиком издал странный звук, похожий на горловое рычание. Но, затормозив и бросив взгляд на хорошо одетого мужчину лет сорока с жестким волевым лицом и ярко-голубыми глазами, отливавшими льдом, он решил, что ошибся. Такие не рычат. Они перегрызают горло молча, не размениваясь на лишние звуки.

«Она знает».

Кирилл ощутил, будто по его спине снизу вверх ползет змея, переливая холодное тело с одного позвонка на другой, и подбирается все ближе к шее. Он рефлекторно дернул головой, провел рукой по затылку, словно стряхивал гибкую тварь, несущую ему смерть.

«Она знает».

«Значит, ты все решила еще до того, как пришла сюда... — Каждое ее слово теперь, после того, что она ему показала, получило новое истолкование. — Как же ты узнала? Хотя это неважно! Как-то узнала...»

Не замечая, что делает, Кирилл смял в кулаке скатерть, и тарелки поехали ему навстречу, угрожая остановившись на краю стола.

Он почти купился! Если бы в последний момент она не показала ему, что все ее слова были ложью и нагой, вызывающей игрой, он бы остался в уверенности, что ему поверили. Но она выбрала другой способ — дала понять, чего ему стоит ждать. «Что, решила, что Кирилл Кручинин совсем никуда не годится и не сможет ничего сделать? Рано ты так решила».

Выйдя из ресторана, он позвонил начальнику службы безопасности. Теперь действовать следовало быстро — так быстро, как только возможно. «Не исключено, что прямо из ресторана она поехала к...»

Телефон не отвечал, и он выругался, набрал исполнительного директора. Тот схватил трубку после первого же гудка, как будто ждал его звонка.

— Где Туканова носит... — начал Кирилл, и его тут же прервали.

— Сбежал Туканов! — взвизгнул Давид. — Я тебе собирался звонить. Исчез! Нигде его найти не могут!

— Тихо! — рявкнул Кручинин, и на него обернулись прохожие. — Откуда известно, что сбежал? Может, по делам поехал, а телефон забыл

где-то? Что ты несешь?

— Да брось, Кирилл Андреевич! — Давида окончательно понесло. — Что ты как маленький, ей-богу! Ничего он не терял, ничего не забывал, это и дураку понятно! Почувствовал, что жареным запахло, — и удрал!

— Каким еще жареным... — по слогам проговорил Кирилл, ощущая, что от ярости сводит скулы. — Ты что, нажрался, твою мать?!

— Да не пьян я! Говорю тебе, он удрал! И парни его ни черта не знают, стоят болванчиками...

— Его же, кретина, потом на работу никто не возьмет, если так оно и есть, — удивленно сказал Кручинин, на короткое время забыв о том, зачем ему понадобился Туканов.

— Да, вот только нам от этого не легче! Как крысы с корабля, честное слово!

Слова Давида вернули Кирилла к мысли о том, что ему необходимо сделать.

— Я перезвоню.

Он убрал телефон и встал возле дороги, сунув руки в карманы, покачиваясь на носках вперед-назад. Если Вика, выйдя из ресторана, направилась к тому человеку, к которому она собиралась ехать, то ему, Кручинину, крышка. Все, конец. Игра закончена.

Если нет, у него еще остается шанс. Но решить проблему руками Туканова, как он планировал, не получится.

— Значит, придется самому, — вслух сказал Кирилл Кручинин почти спокойно.

Телефонный звонок выдернул его из размышлений.

— Кирилл Андреевич, дама ваша — в гостинице, — почтительно сообщил водитель.

— В гостинице? — Он задумался ненадолго. — Так, оставайся там, тебя сейчас сменяют. Следи за выходом. И вот что, Дима... Если ты ее потеряешь, я тебе сверну шею вправо. Осознал?

Водитель по имени Дима хотел пошутить в ответ, но внезапно так зримо увидел, как Кручинин своими крепкими руками с короткими мужицкими пальцами сворачивает ему шею *вправо*, что сглотнул и быстро ответил:

— Не потеряю, Кирилл Андреевич.

Глава 12

Когда Сергей Бабкин проехал мимо сквера, черного джипа «Чероки» там уже не было. «Либо ты, голуба, облегчил мне работу, потому что машинка-то у тебя заметная, либо ее попросту угнали», — решил он. Однако возле отеля джипа не обнаружилось, и он, покрутившись вокруг, припарковал «БМВ» в переулке напротив и приготовился ждать. У него почти не было сомнений в том, что Прохоров здесь объявится. Данила очень удивился бы, если б узнал, что Бабкин счел его таким же одержимым, к каким он сам отнес Викторину Венесборг.

Однако время шло, а Прохоров не появлялся. Сергей представил, как посмеивается над ним Макар, и недовольно поморщился: пожалуй, следовало бы и в самом деле оставить эту бессмысленную затею. Илюшин полагал, что причиной беспокойства Бабкина о судьбе их клиентки была симпатия или угрызения совести, однако в действительности Сергеем управляло задетое самолюбие. Какой-то наглец сбежал у них из-под носа из квартиры Илюшина и теперь, возможно, хочет довести до конца то, что запланировал... «Врешь, голуба, — усмехался про себя Бабкин, оглядывая окрестности и отмечая, что изменилось за последний час, — на этот раз я тебе точно помешаю».

Как только Виктория вышла из отеля и села в такси, Сергей, не колеблясь, двинулся за ней. Он подождал возле ресторана, затем, незамеченный, сопровождал ее до гостиницы и по дороге уже почти решил, что сейчас зайдет к ней, убедится, что все в порядке, и на этом навсегда распрощается с госпожой Венесборг, как вдруг понял, что не он один следует за желтым такси.

Длинный черный «Мерседес» с тонированными стеклами двигался в потоке плавно, словно крупная рыба, и вид имел хищный и голодный. «Мерседес» отъехал от ресторана, в этом Бабкин был уверен, и теперь направлялся к гостинице, почти вплотную прижимаясь к машине, в которой сидела Виктория. Рассмотрев водителя, Сергей убедился, что это не Прохоров.

«А ты еще откуда взялся? — мысленно спросил он, выруливая за новым преследователем. — Красавец, нас тут слишком много, тебе не кажется?»

Так они доехали до отеля. «Мерседес» остановился нагло, неподалеку от входа, а Сергей снова занял свой наблюдательный пост, несколько

озадаченный происходящим. Он позвонил Макару, доложил обстановку, снова выслушал предложение не заниматься ерундой и возвращаться домой и снова упрямо покачал головой.

— Подожду немного, затем поставлю даму в известность — и тогда поеду, — сказал он, сам зная, что лукавит.

Судя по хмыканью Макара, тот понимал это не хуже его.

— Не вляпайся только ни во что, — посоветовал он. — Предоставь дамочке самой разбираться со своими поклонниками.

Второй человек из тех, кого Илюшин назвал поклонниками, сидел в эту секунду на ступеньках небольшой церквушки, почти незаметной на фоне торчащих вокруг высоток. Увидев «БМВ» здоровяка, Данила Прохоров похвалил себя за сообразительность: он действительно забрал машину у сквера, но отогнал ее за гостиницу и припарковал неподалеку от черного хода, справедливо рассудив, что по тачке вычислить его проще всего. И оказался прав, приняв эту меру предосторожности: угрюмый стриженный мужик и в самом деле появился возле отеля. Сперва, заметив его, Данила ощутил неприятное холодное покалывание в спине, а затем обрадовался: значит, он все-таки переиграл его, уже во второй раз! Первый был тогда, когда он сбежал, не сказав ни слова о том, что привело его в Москву.

Женщина, о которой он размышлял, сидя на каменных, нагретых за день ступеньках старой церкви, в эту секунду открыла дверь и кивком пригласила войти мужчину лет сорока, маленького и очень худого. В руке мужчина держал папку, которую и протянул ей почтительным жестом.

— Внутри — диск, — предупредил он.

— Замечательно, — рассеянно сказала Вика, просматривая распечатки. — Большое вам спасибо.

Услышав в этом «спасибо» недвусмысленную просьбу оставить ее одну, маленький и очень худой человек вежливо попрощался и растворился в коридорах отеля.

— Так-так-так... — пробормотала Вика, садясь на диван и сосредоточенно просматривая документы. — Значит, со всей семьей перебрался в Краснодар... Ах, как жаль!

Она разочарованно прищелкнула языком, вскочила и прошла по комнате. Сергей Бабкин, увидев ее сейчас, не узнал бы в этой собранной стремительной женщине то отчаявшееся существо, которое вышло из квартиры Илюшина несколькими часами ранее. Она вернулась на диван, схватила папку. В глазах ее горел азартный огонь, словно в папке могла находиться карта с сокровищами, проворные пальцы быстро перебирали

шуршащие бумаги...

— Алиса, Алиса... — вполголоса говорила Вика, откладывая в сторону справки, касающиеся несостоявшегося убийцы Кирилла. — Что нового, девочка моя? Ну же, давай! Должно быть что-то новое!

Однако содержимое папки, озаглавленной «Алиса Кручинина», заставило ее рассерженно хлопнуть по бумаге ладонью. От удара листы упали и рассыпались, и Вике пришлось ползать по ковру, собирая их. Она вскочила, потянувшись плавным кошачьим движением, и вдруг швырнула листы вверх, так что они снова разлетелись — на этот раз по всему номеру.

— К дьяволу!

«Я только зря трачу время. Не нужно больше ничего искать — надо встретиться с ней. Ей всего двадцать два, она молодая влюбленная дурочка, похожая на меня — не внешне, конечно же, а степенью своего доверия и любви к мужу. В нашей игре не обойтись без жертвы, а девочка идеально подходит на эту роль. Вопрос лишь в том, как именно...»

Не додумав мысль до конца, Вика потянулась за телефоном и набрала номер Алисы Кручининой — память на числа была у нее отменная, она запомнила телефон с одного взгляда. Ею овладело состояние, когда все, что ни делаешь, кажется подвластным твоему желанию, и она отчетливо представила тонкую, гибкую, как ветка, рыжеволосую девчонку с веснушчатым носом и прищуренными от солнца глазами, а затем заставила ее покачаться из стороны в сторону, сгибаясь, словно та была резиновой. Такая разминка всегда помогала ей, и единственный человек, с кем это простое упражнение не срабатывало, был ее бывший муж.

— Да? — вопросительно сказал в телефоне приветливый голос.

— Алиса?

— Да...

— Здравствуйте. Меня зовут Вика, я бывшая жена Кирилла.

Она сделала паузу и, задержав дыхание, вслушивалась в молчание.

— Простите.... Какого Кирилла? — наконец нерешительно уточнили в трубке.

— Кирилла Кручинина, вашего мужа, — вздохнув, ответила Вика.

— Я не знала, что он уже был женат, — признались с обескураживающей прямотой.

— Был. Алиса, можно с вами встретиться? Думаю, нам есть о чем поговорить.

«Соглашайся! — мысленно крикнула она. — Соглашайся, соглашайся-соглашайся-соглашайся!» Она вновь представила фигурку с рыжими волосами — темный силуэт, словно вырезанный на фоне окна,

представила, как девочка слегка наклоняет голову влево, потому что держит телефон возле левого уха, и мысленно заставила фигурку кивнуть головой. «Так... вот так... и еще чуть-чуть...» Голова фигурки склонилась так низко, что волосы упали ей на лоб, и она застыла в таком положении — нелепая и отчасти пугающая. «Замри».

— Хорошо, — по-прежнему чуть недоуменно сказала Алиса Кручинина, и Виктория улыбнулась. — Если вы хотите, можем встретиться... завтра?

— Нет-нет, пожалуйста, давайте не будем откладывать и увидимся сегодня! — попросила Вика и, почувствовав, что девочка колеблется и вот-вот откажется, мысленно заставила фигурку еще раз кивнуть головой, а затем повторила для убедительности: — Пожалуйста, прошу вас! Это очень важно...

— Хорошо. Почему бы и нет?..

«Умница, малышка! Почему бы и нет?»

— Где вам удобно встретиться? — голосом послушной школьницы спросила Алиса.

— Давайте встретимся в торговом центре «Прометей». Там наверху, на третьем этаже, есть тихое кафе, где можно посидеть...

«К тому же это место неподалеку от твоего дома, и тебе будет легче согласиться».

— Отлично, — сказала Алиса Кручинина.

— Через час?

— Хорошо. Простите, а как я вас узнаю? — спохватилась она.

Вика позволила себе усмехнуться.

— О, я думаю, с этим проблем не возникнет, — текучим, нежным голосом сказала она. — До встречи, Алиса.

Стоило ей отложить телефон в сторону, как он тут же зазвонил. Испугавшись, что жена Кручинина все-таки решила перенести встречу, Вика схватила сотовый, но экран высветил имя — «Сергей Бабкин». Сейчас оно не вызвало у нее ничего, кроме раздражения: она слишком далеко ушла от того момента, когда сыщики что-то значили для нее. Люди, которых Вика не могла использовать в своих интересах, теперь только мешали ей, тратили ее драгоценное время, а Илюшин и Бабкин сыграли свои роли и стали отработанным материалом.

— Алло, — резко сказала она.

Неторопливый голос, прерываемый помехами, лаконично сообщил ей о том, что за гостиницей наблюдают, и что от ресторана такси Виктории вел черный «Мерседес».

— Я подумал, вам стоит об этом знать, — закончил Сергей.

«Кто это может быть?» Она не слишком встревожилась, но следовало учитывать новый фактор в своих расчетах.

— Это тот же самый...

— Нет. — Бабкин понял, о ком она говорит. — За рулем другой человек.

«Кирилл?»

— Спасибо за заботу, — сказала Вика, которой даже не пришлось в голову поинтересоваться, откуда у Бабкина такие сведения. Она уже торопилась забежать на час вперед, туда, где ее ждала заинтересованная и удивленная Алиса, даже не догадывающаяся о том, что ей предстоит, и все мысли Вики были только об этой встрече. Сказанное Бабкиным представлялось сущими пустяками, досадной помехой, которой легко можно было избежать.

— Я что-нибудь придумаю, — пообещала она, горя желанием поскорее закончить разговор. — Еще раз благодарю за заботу.

— Да, в общем, не за что, — отозвался Бабкин, несколько задетый подчеркнутой официальностью ее слов. — Всего хорошего.

Виктория Венесборг не стала тратить времени на пожелания: она уже повесила трубку.

Сергей, не желая признаваться самому себе в том, до какой степени уязвил его этот разговор, пожал плечами и завел машину. Если она «что-нибудь придумает», значит, пусть придумывает без него. Он отъехал от гостиницы, решив, что не даст Илюшину повода иронизировать в очередной раз, и не заметил, как человек, сидевший на ступеньках церкви, проводил его внимательным взглядом.

Вика забыла о Бабкине сразу же, как только бросила телефон. Мысленно она уже решила возникшую проблему и даже посмеялась про себя над мужем, зачем-то придумавшим контролировать ее передвижения. «Нет-нет, дорогой... Твоя Алиса сбежит от тебя, ничего не сказав, а пока ты спохватишься, я успею поговорить с твоей милой девочкой. Милые девочки не рассказывают любимым мужьям о том, что собираются встретиться с их бывшими женами — особенно если они ничего не знали об их существовании».

Она вызвала горничную. Виктории хватило трех минут и нескольких купюр, чтобы заручиться обещанием девушки вывести ее через черный ход, где через полчаса должно было ожидать заказанное горничной такси.

Увидев, что «БМВ» оставил свой наблюдательный пост, Данила поднялся. Поднял глаза на окна гостиницы, словно надеялся увидеть за одним из них женщину, которую поджидал, сам толком не зная для чего, и обежал взглядом серый фасад с белыми колоннами. Солнце садилось и расплавленно сверкало в окнах, как будто за ними варили красно-золотой сироп.

Этот огромный город, жаркий, разгоряченный, как толстая деревенская баба после тяжелой работы, действовал на него отупляюще, и Прохорову казалось, что мысли в голове ворочаются тяжело и с трудом. Он прошел несколько шагов и остановился в нерешительности, на миг окончательно перестав понимать, зачем он здесь и чего дожидается. Но затем, встряхнувшись, быстро пошел к джипу, огибая серое здание отеля.

Им руководили не рассуждения, а инстинкты. Все, чего хотел Данила, — это оказаться в своей машине, изолированным от толпы людей, и дать себе передышку — он просидел возле церкви пару часов, не меньше. Но когда он забрался в джип и увидел сквозь лобовое стекло, как из дверей торопливо выходит женщина в черном платье, то почти не удивился.

— Кирилл Андреевич, они договорились встретиться в «Прометее», — доложил Кручинину молодой парень из службы безопасности, принятый Тукановым на работу всего пару месяцев назад и в отсутствие непосредственного начальства отвечавший за прослушивание телефона Алисы Кручининой. — В смысле, ваша жена и эта... Венесборг... На третьем этаже, возле кафетерия.

— Я понял, — оборвал его Кирилл. «Место немногочисленное, но соваться туда нельзя. Придется ждать, пока они поговорят, а ждать нельзя! Вот же сволочь...»

Он бессильно скрипнул зубами. Она дразнит его, откровенно и неприкрыто! Сначала встретится с его женой, а потом отправится делать то, ради чего и затеян весь этот спектакль. И тогда точно всему придет конец — и его бизнесу, и ему самому.

«Врешь, сука! Я тебя переиграю».

— Говорят, возле кафе будут встречаться, а кафе-то закрыто... — внезапно задумчиво проговорил охранник, про которого Кирилл совсем забыл.

От неожиданности Кручинин вздрогнул.

— Что ты сказал?

Мальчишка смутился.

— Я говорю, Кирилл Андреевич, ваша жена с... с подругой

собираются встречаться в «Прометее», возле кафе, а кафе-то там не работает!

— Откуда знаешь?

— Я туда позавчера заезжал. Там ремонт, наверху все отделы убрали, витрины затянули пленкой. Кризис же, вот они аренду и не тянут... И кафетерия больше нет, одна барная стойка стоит, и все.

Кирилл без выражения смотрел на охранника, и тот под его взглядом едва сдерживался, чтобы не отступить назад. Что он такого сказал?

— Так что, может, вашей жене другое место выбрать? — несмело предложил он, сам чувствуя, что говорит что-то не то. — Вы извините, Кирилл Андреевич, но там правда грязно...

— Нет! — выдавил Кирилл.

— А-а-а... ну, тогда... — Парень окончательно растерялся, не зная, что говорить и делать теперь. Шеф не сводил с него странного, замершего взгляда, словно гипнотизировал.

— Грязно, говоришь... — протянул он. — И народу мало... Ну, я предупрежу жену, чтобы не назначала там встреч, а ты свободен.

Охранника как ветром сдуло. Когда он исчез, Кирилл засмеялся — сначала тихо, затем все громче и громче, и наконец на глазах его выступили слезы от хохота. Вика представилась ему крысой, которая сама кладет себе приманку в крысоловку, а затем пытается достать ее, и дверца с треском захлопывается.

— Ну ты и дура... — удовлетворенно пробормотал Кручинин, вытирая выступившие слезы. «Там-то я тебя и поймаю. А Лиска мне в этом поможет».

«Вывезти ее из города не получится: есть вероятность, что по дороге нас остановят или она сумеет привлечь внимание. Охрану использовать нельзя... сдадут, уроды... значит, все придется проделать вдвоем с Лисой». Наверху торгового центра огромные площади, и если они смогут беспрепятственно попасть туда, то у него появляется шанс навсегда избавиться от Вики. Как обезопасить себя от обвинения в убийстве, он придумает позже, а пока ему нужно обезопасить себя от нее, от ее яда.

Все получится, если она не насторожится, не заподозрит, что он следит за ней. Сообразив это, Кручинин позвонил водителю, покорно ждавшему возле отеля, и приказал возвращаться в офис. Затем вынул из кобуры пистолет, проверил, заряжен ли он, и спустился в аптеку на первом этаже. Голова была ясной и очень холодной, почти звенящей льдинками изнутри, где пульсировала только одна мысль: «Я не дам ей этого сделать».

Как он и ожидал, в аптеке нашлись хирургические перчатки. На всякий

случай Кирилл купил еще пару бинтов, не задумываясь особенно над тем, зачем они нужны ему, и сунул свои приобретения в карман брюк. С каждой минутой человек в нем уступал место проснувшемуся и с трудом сдерживающему себя зверю, который открыл желтые глаза в ту секунду, когда Вика наклонилась над Кириллом, показав ему брошь в форме птицы. Зверь не мог рассуждать здраво, он вообще не мог рассуждать, он хотел только одного: немедленно уничтожить тварь, которая представляла для него смертельную опасность.

«Алиска... Алиска мне поможет. Умная моя девочка, хорошая моя девочка... Мы с ней вдвоем все сделаем. А лишние люди нам не нужны. Брать никого не будем».

Он спрятал в карман ключи от своей машины и взглянул на часы. До встречи его бывшей жены и Алисы оставалось тридцать минут.

Тридцать минут, тридцать минут... Вика выбежала с черного хода, не зная, что ее меры предосторожности были напрасны: «Мерседес» стремительно удалялся от гостиницы. Нырнув в такси, она назвала адрес и откинулась на спинку сиденья, репетируя первую фразу, с которой она обратится к девочке. «Здравствуйте, Алиса. Спасибо, что согласились прийти». Главное — не слова, а интонации, и она чуть приподняла брови вверх, придавая лицу открытое выражение, и беззвучно пошевелила губами.

В общих чертах план уже был готов, и сейчас Виктория отыгрывала запасные ходы на случай, если что-то пойдет не так, как надо. «Но что может пойти не так? Она заинтригована, может быть, немного испугана... В любом случае пять минут у меня есть, а за пять минут можно многое сказать».

В папке, брошенной рядом на сиденье, лежали фотографии Кирилла — на них хорошо было видно, как он проводит время со своими шлюхами. Пару месяцев назад Вика решила, что сделать снимки будет нелишним, и теперь хвалила себя за предусмотрительность. Да, они пригодятся. Сначала ошеломить доверчивую странноватую девочку, затем, пока она не успеет собраться, рассказать об их прежних отношениях... А дальше — экспромт, в зависимости от реакции Алисы.

«Идеально было бы, если б она согласилась отомстить мужу. Месть... почему бы и нет? Плохо, что это не в ее духе, но никогда не знаешь, на что способна оскорбленная женщина. Тогда все просто: мы с ней готовим план, затем я сдаю ее Кириллу и наблюдаю за развязкой.

Но, возможно, она решит проявить порядочность. Если так, то...»

Заиграл телефон, и Вика, отвлеченная от своих мыслей, рассеянно достала его из сумки.

— Виктория, это Олег, — деликатно сказали в трубке, и она тут же вспомнила маленького худого человека, принесшего ей документы. — У нас тут появилось кое-что новое... Если вам актуально...

— Новое — какого рода? — спросила Вика, нахмурившись.

— Честно скажу, наша недоработка, что мы сразу на это дело не вышли... Я вам извинения свои приношу... — Человечек говорил неторопливо и словно получая удовольствие от того, что переставлял слова местами. — Может, это и несущественно, но вам вроде бы нужна полная информация...

— Да говорите уже, наконец! — не выдержала она. — Перестаньте ходить вокруг да около.

— В общем, такое дело...

Когда Виктория Венесборг вышла из такси возле торгового центра, взгляд ее уперся в машину Данилы Прохорова, который потерял осторожность и приблизился вплотную к желтому «Рено», а затем обнаружил, что уже не успевает скрыться незамеченным. Широко раскрытые серые глаза на долю секунды остановились на водителе, а затем женщина отвернулась и медленными шагами пошла к вращающимся стеклянным дверям.

Прохоров смотрел ей в спину, ничего не понимая. Она его видела! Она должна была его узнать! Но в то же время он готов был поклясться, что во взгляде ее не мелькнуло ничего, даже отдаленно похожего на узнавание.

Собственно говоря, во взгляде ее не мелькнуло вообще ничего. Это был пустой взгляд человека, которого сильно ударили по голове.

Такси отъехало, Данила припарковался на его месте, и, очень озадаченный, вышел из машины. Женщина зашла в круглосуточно работающий торговый центр — высокий, четырехэтажный, в котором, однако, витрины ярко светились лишь на первых двух этажах. Четвертый был совсем темный, накрывавший здание черной шапкой, а третий — тусклый, будто где-то в сердцевине этажа зажгли слабый фонарь, свет которого едва доходил до окон.

«На шопинг, значит, приехали...» — сказал себе Прохоров и сплюнул в сторону.

Но интуиция Данилы подсказывала ему, что дело вовсе не в покупках. Слишком странное было у нее лицо... такое, словно она узнала невероятную новость, не слишком радостную. «Правда, и не сказать, чтобы

грустную. Узнала, в общем, что-то... А меня вот не узнала».

Усмехнувшись дурацкому каламбуру, Данила захлопнул дверь и направился к входу в «Прометей». Как бы то ни было, он больше не будет находиться в стороне от событий.

Вика шла по торговому центру, поражаясь тому, насколько безлюдно вокруг нее. В стеклянных клетках магазинов на втором этаже застыли консультанты, которых легко было перепутать с манекенами, на первом скучали продавщицы возле касс большого продуктового отдела, и все вечернее пустынное здание с галереями, опоясывающими гармошку эскалаторов, казалось засыпающим животным, в утробе которого по недоразумению очутились люди.

Эскалатор, ведущий на третий этаж, не работал, и вход на него перегораживала цепочка с недвусмысленным запретительным знаком. Даже не посмотрев в сторону охранника, видневшегося в конце галереи, Вика поднырнула под цепочку и пошла вверх по ступенькам, глядя ладонью черную ленту неподвижных перил.

Галерея третьего этажа, едва освещенного малочисленными лампами, выглядела совершенно заброшенной, хотя Вика заезжала сюда всего несколько дней назад. Опустошенные витрины, затянутые рекламными плакатами закрытые двери... Она подняла голову вверх и посмотрела на четвертый этаж, но ничего не смогла разглядеть — там было совсем темно. Внизу ходили покупатели с тележками, а охранник на втором этаже стоял в той же позе, отвернувшись в сторону.

Непроизвольно стараясь держаться подальше от темных провалов магазинов, Вика пошла налево — туда, где еще недавно работала маленькая кофейня. Тогда здесь пахло кофе и жареными орешками, посетители сидели за столиками, расставленными в кармане галереи, и у стойки время от времени зверски шумела кофе-машина, заглушая музыку торгового центра.

Сейчас вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь негромким гулом снизу, но Вике казалось, что она вот-вот взорвется сотней голосов. Сцена — вот чем была галерея третьего этажа, и она ждала актеров для предстоящего спектакля.

Навстречу, от стойки бара, шагнула фигура — невысокая, стройная, с копной рыжих волос. Вика сделала несколько шагов и остановилась.

— Привет, Алиса. Спасибо, что согласилась прийти.

— Здравствуйте.

Алиса Кручинина откровенно рассматривала ее, и Вика усмехнулась.

— Ты не видела меня раньше?

— Нет. — После паузы. — Я бы вас запомнила.

— Точно, ты бы меня запомнила! — Виктория хрипло рассмеялась. — У нас с тобой много общего, Алиса. Гораздо больше, чем может показаться со стороны.

Девушка не пошевелилась, не отвела взгляда, но что-то в ее глазах заставило Вику резко обернуться. Кирилл, показавшийся ей в тусклом свете огромным, как тролль, возник из-за ближайшей витрины, и приближался так быстро, что даже если бы в его руке она не видела пистолета, то все равно не пыталась бы бежать.

Викихватило лишь на то, чтобы, вскрикнув, броситься к перилам в надежде привлечь внимание охранника. Тот так и не изменил положения: стоял спиной к ней возле витрины.

«Это не охранник! — вдруг с ужасом поняла она. — Это манекен!»

А в следующую секунду ледяная рука зажала ей рот.

— Это у нас с тобой много общего, — прошептал ей в ухо Кирилл, воткнув под лопатку Вике дуло пистолета с такой силой, словно держал нож. — Мы оба хотим друг друга убить. Разница в том, что у меня это получится.

Он с легкостью потащил загребавшую ногами женщину вглубь, подальше от края галереи, чтобы их не заметили случайные покупатели. Алиса стояла неподвижно и смотрела на них, сжав кулаки.

— Пошли, — бросил ей Кирилл. — На четвертый этаж!

Извивающаяся Вика поняла, почему она до сих пор жива и отчего он не придушил ее сразу. «Они хотят сбросить меня с четвертого этажа! Ему нужен либо несчастный случай, либо самоубийство, а для этого на теле не должно быть следов насилия». В отчаянной попытке освободиться она попробовала укусить его ладонь, но это было бесполезно, а когда она замахала руками, щелчок сзади заставил ее замереть.

— Выстрелю. — Кирилл произнес это бесцветным голосом, и Вика сразу ему поверила.

Да, если она не оставит ему шанса убить ее по-тихому, он выстрелит. Он не будет рассуждать о том, как избежать наказания или придумывать объяснения — он сперва убьет ее, а потом станет решать возникшие в связи с этим проблемы.

Кручинин волок Вику в сторону лестницы, и Алиса молча шла за ними, похожая на привидение. «Значит, она знала все заранее. Он ее предупредил. Она меня встретила, и теперь им остается только сбросить меня сверху и сбежать».

Вика представила, как ее тело падает вниз с четвертого этажа, и застарелый страх — боязнь высоты — ожил в ней с такой силой, что она извернулась по-кошачьи, ударила Кирилла ногой в пах и, как только его рука разжалась, отскочила в сторону, с ужасом ожидая выстрела.

— Сука, — прохрипел Кручинин, согнувшись пополам. — Лиса, не пускай ее!

Вика оказалась в ловушке: за спиной ее была витрина магазина, впереди стоял Кирилл, дорогу влево преграждала Алиса. Но даже если б девушки и не было, пистолет в руке ее бывшего мужа не оставлял ей шансов.

— Слушай, — сказала она, обращаясь только к нему, и стерла кровь с треснувшей губы. — Ты ничего не знаешь.

— Сука... — Он смотрел озверело и, кажется, даже не понимал, что она говорит. — Попробуешь кричать...

— Послушай меня, идиот! Я не собираюсь кричать! Я хочу тебе кое-что объяснить...

— Откуда птицу взяла, а? Сенька, сволочь, подбросил?

«Какую птицу?!»

— О чем ты говоришь?! Ты с ума сошел?

— Думала, я тебя не поймаю, а?!

Он сделал к ней шаг, и Вика вжалась в стену.

— Клянусь, я не понимаю, о какой птице ты говоришь! — скороговоркой произнесла она. — Объясни мне! Ты видишь, я не кричу, хотя могла бы!

Кирилл остановился, потому что внезапно почувствовал сомнение. Он готов был отдать правую руку, поручившись за то, что недоумение в ее глазах было не сыгранным, а искренним. И дело здесь было вовсе не в том, что она боялась смерти.

— Птица, — прорычал он и ткнул пистолетом Вике в грудь.

Она едва сдержала крик ужаса, но он не выстрелил, а просто показал ей, что имеет в виду, и, опустив глаза, она неожиданно поняла, о чем он.

— Брошь?! При чем здесь брошь?!

Она умоляюще посмотрела на Алису, но та стояла на месте, сильно побледнев, и на ее лице было смятение.

— Клянусь, я ничего не знаю про брошь! — повторила Вика дрожащим голосом, обращаясь уже к Кириллу. В эту минуту ей было проще иметь дело с ним, и не потому, что пистолет был в его руке. — Мне привез ее сыщик! Сергей! Он нашел ее в вашем шалаше!

— Шалаше?!

— Да! Она была спрятана в земле, в маленьком тайнике! Сыщик отдал ее мне, и больше я ничего не знаю!

Она тихо заплакала, и Кирилл чуть опустил пистолет. С минуту он смотрел на Вику, скорчившуюся возле стены, и совсем забыв про ту, что стояла молча в нескольких шагах от него, а потом негромко рассмеялся.

От неожиданности Вика подняла голову и недоверчиво уставилась на него. Кирилл продолжал смеяться, и это была горькая, злая, недоверчивая насмешка над самим собой и над тем, как все сложилось.

— Ты дура, да? — спросил он, брезгливо рассматривая ее. — Столько лет... так ничего и не поняла? Это я ее убил! Понимаешь? Я!

— Кого?! — выдохнула Вика.

— Ту стерву, из-за которой Сенька пошел срок мотать! Орала она громко, вот я и не сдержался.

Девчонка заорала так, что у него заложило уши от ее визга, и Кирилл слегка приложил ее — без особой злобы, просто чтобы пришла в себя.

— Услышат... — проскрипел сзади Сенька.

— Нет здесь никого. Слышь, ты, нервная, снимай шубу.

Он ведь и не особенно разозлился на нее за этот истошный вопль. Но когда она остервенело вцепилась ему в лицо и снова завизжала как драная кошка, Кирилла окатила волна страшного, непереносимого бешенства, и он, выхватив нож, ударил ее с силой туда, где уже расстегнутая наполовину шуба расходилась, открывая что-то белое, кружевное, вызывавшее в памяти редкие слова вроде «батист» или «гипюр». Визг словно надломился, и она, не издав даже стоны, свалилась им под ноги. Кирилл стоял и тупо смотрел, как по этому белому, кружевному стремительно расплзается, словно красные чернила по промокашке, ее кровь. Он перевел взгляд на лицо девчонки — оно на глазах бледнело. Она упала в сугроб, и задранный вверх подбородок торчал из снега так, что сразу становилось ясно: то, что случилось, необратимо.

— Твою мать... — потрясенно охнул сзади Сенька. — Кирюх, да ты ее кончил.

Они даже не стали оттаскивать тело в сторону — разделали ее прямо там, выгребли все, что было при ней. Кирилл никогда не видел, чтобы баба таскала на себе столько драгоценностей. Целую тонну, не меньше! Перед тем как уйти, Кручинин бросил взгляд на застывшее мертвое лицо, и мысль его заработала.

— Если нас возьмут, скажешь, что это ты ее, — сквозь зубы бросил он Головлеву, когда они быстрыми шагами, но не переходя на бег, уходили

дворами и переулками.

— Чего это? — вскинулся тот.

— Скажешь, что был один, — продолжал Кирилл, в котором внутренний метроном начал отсчитывать время до того момента, когда Сеньку схватят, и времени этого оставалось очень немного. — Если двое, то сам знаешь — дадут по полной. А так отсидишь лет пять, тебе еще срок скостят за примерное поведение.

— Да ты чё, спятил?...

— Тихо. Слушай.

Пока Кирилл говорил, Сенька не перебивал его.

— Деньги останутся у меня, — сказал Кручинин, — я вложу их в дело. Ты сам знаешь, что у меня они будут работать, а у тебя как вода через пальцы утекают. Ты в этом ничего не понимаешь, оно и не требуется — у тебя я есть. Выйдешь через пять лет, твоя доля будет тебя ждать, станешь обеспеченным человеком. Или не веришь, что я за пять лет подняться смогу?

Сенька искоса взглянул на напарника, но вместо ответа спросил другое:

— А с чего ты решил, что нас обязательно возьмут?

— Не нас, — поправил Кирилл. — Тебя. Возьмут, точно тебе говорю. Девка-то непростая, и зря мы к ней сунулись.

— Зря ты ее ножом пырнул, вот что!

Кирилл остановился, развернул за плечи щуплого Головлева лицом к себе и наклонился к нему.

— Нет, Семен, — доверительно сказал он. — Это не я ее пырнул. Это ты ее пырнул.

Когда разбирали цацки, Кручинину бросилась в глаза брошь, сдернутая Сенькой с блузки девчонки, — на застежке остался клочок вырванной ткани. Летящая птица, то ли аист, то ли цапля: сама золотая, а глазик — маленький, зеленый, вроде кошачьего. Головлеву тоже вещица приглянулась: он все поглаживал ее пальцем, словно расстаться не мог. Кирилл даже посмеялся над ним в конце концов, хотя тогда уже не до смеха было: увидели в новостях, кого убили, и внутренний метроном защелкал быстрее, оставляя времени совсем немного.

Продажей драгоценностей занимался Сенька, не посвящая приятеля в свои дела, и Кручинин торопил его, опасаясь, что возьмут их раньше, чем они успеют получить деньги. Из-за этого, может быть, Головлев в итоге и погорел: сбытчик сдал его с потрохами, а все потому, что человек оказался непроверенный, не из тех, с кем привык работать Семен. Зато деньги они

получили — такую сумму, какой раньше Кирилл в руках не держал. И когда Сеньку действительно взяли, обещание свое Кручинин выполнил: раскрутил дело. На первоначальный капитал ему только-только хватило, но затем все пошло удачно, и Кручинин, как он сам о себе говорил, поднялся. Правда, Сеньку закрыли не на пять лет, как тот рассчитывал, а на шесть с лишним, но это уже была не Кирилла забота.

То, что Банкир, с которым он обедает раз в месяц, — отец их жертвы, вскоре после смерти дочери переехавший из своего города в Москву, Кручинин узнал случайно: увидел у него на рабочем столе фотографию девчонки в белой кружевной блузке и оцепенел, в одно мгновение вспомнив все: и блузку, и ее визг, и выпяченный в небо подбородок. Фамилию убитой он запомнил еще тогда, когда о них стали писать газеты, но ему и в голову не пришло сопоставить ее с фамилией своего нового приятеля. Сперва Кручинину было не по себе. Но после, осторожно разведав подробности личной жизни Банкира и окончательно убедившись, что это и в самом деле он, Кирилл даже стал находить удовольствие в том, чтобы иногда, под настроение, позволять себе всякие забавные мысли в компании Банкира. Поглядывал на него за бокалом красного вина, а сам вспоминал кровь, растекающуюся по кружеву, и изнутри поднималось что-то такое сладостное и щекочущее нервы, как будто прижимаешь острую бритву к коже и никак не обрежешься.

Однако мысли мыслями, а одно он знал точно: Банкир убьет его, если узнает, кто причина смерти его обожаемой дочери. Он — не менты: ему не нужны будут доказательства. И раз уж судьба, считал Кирилл, скорчила ему хитрую гримасу, и единственный человек, готовый дать ему денег, заставит его подыхать в мучениях, если узнает правду об их прошлом, — значит, нужно скорчить такую же гримасу судьбе. Никто ничего не узнает.

Увидев золотую птицу на Викином платье, Кирилл понял, что произошло. Сенька не продал брошь, а отдал ее Вике, рассказав о том, как она попала к нему. Или же Головлев, пугливая сволочь, подстраховался на случай своей смерти, придумав хитрый фокус с письмом от нотариуса, и уже семь лет назад Вика знала правду, но понятия не имела, что с ней делать. И лишь теперь, когда она раздобыла достаточно полную информацию о его жизни, ей пришлось в голову использовать птицу — показать ее человеку, который сам подарил ее дочери, и ответить на все его вопросы. Кирилл поступил бы точно так же.

Но от одного шага, решил он, Вика все же зря не удержалась — от того, чтобы не показать ему брошь. Если бы она сделала все втихую, его тело уже искали бы с милицией, но ей мало было уничтожить его — она

хотела сперва показать, что он в ее полной власти. Зря показала, потому что Кирилл ее опередил.

— Ты убил девушку, из-за которой посадили Сеню? — сдвинув брови, повторила Вика, словно не в состоянии была поверить ему. — Как?! Это был ты?! Но почему же он тогда на суде признался??!

Дурак ты, Кирюша, сказал себе Кручинин. Сам себя перехитрил. Ни черта она не знала, и брошь оказалась у нее случайно.

— Почему сел? — усмехнулся он. — Потому что жадный был твой Сеня до денег, урвать хотел побольше. Вот мы и договорились, что он за меня сидит, а я за него деньги зарабатываю. Каждому — по способностям. Алиби мне родители-алкаши за бутылку согласились сделать. Они бы и без бутылки согласились, но так оно надежней вышло.

— А потом? — прошептала она так тихо, что он не сразу расслышал.

— Потом? А что потом? Потом Семен вышел и стал денег с меня требовать.

— А ты не хотел ему давать...

— Не хотел. Потому что поумнел с годами и понял, что Сеньке на зоне шесть лет чалиться было не особенно в тягость, а я в это время потом и кровью на булку с маслом зарабатывал. Нет, денег-то я ему предложил — половину того, что мы за цацки выручили. Только вот, Викуш, какая проблемка нарисовалась: Сеньку-то это не устраивало! Ему больше хотелось. А на «больше» я был не согласен.

— И ты его привез на остров и там убил... — одними губами сказала Вика.

— Само собой, — легко согласился Кирилл. — А как же иначе-то, Викуш? Если со мной по-плохому, так и я по-плохому. А если по-хорошему, вон, как Алиска, то и я с ней по-хорошему.

Он кивнул на жену, словно она была неодушевленным предметом.

— Но частички кожи... частички кожи под ногтями не твои, — с усилием выговорила Вика, даже не взглянув в сторону Алисы. — Как же так?

— Слушай, а там совсем смешно получилось, — почти охотно сказал Кирилл. — Представляешь, на остров заплыл какой-то малолетний придурок из деревни — настоящий придурок, вроде дауна. Сцепился с Сенькой, они подрались и в яму брякнулись. Придурок испугался и свалил, а Сенька остался в яме лежать, потому что расшибся о камни. Я от их воплей проснулся, выхожу из шалаша, смотрю — один драпает, а второй валенком лежит. Я спустился, камешек покрупнее взял и огрел Сеню по

глупой головушке пару раз. Да ему бы и одного хватило — треснула его коробка, как гнилой орех.

Вика вцепилась ногтями себе в руку с такой силой, что на коже выступила кровь.

— Там и была одна гниль внутри, гниль да глупость. Но самое смешное... — он затрясся в беззвучном смехе. — Самое-то смешное, Викуш, потом случилось! Прибежал этот идиот обратно, а с ним девчонка, и давай они нашего Сеню закапывать! Решили, значит, что это даун его прикончил и теперь нужно тело спрятать. Посмотрел я на них, посмеялся, а потом домой поехал. Вот так вот, Викуш. Вот так. Ну что, интересную историю я тебе рассказал?

Вика смотрела на него, не моргая, и он легко мог читать на ее белом перепуганном лице все нехитрые мысли. «Думает, с чего это я с ней так разоткровенничался... Правильно думает, в верном направлении. Именно потому, девочка моя, именно потому».

Кирилл поднял пистолет и улыбнулся бывшей жене краешком рта.

— Ты же все понимаешь, правда? — мягко сказал он. — Не могу, Викуш, тебя тут оставить. Пойдем наверх.

Она выпрямилась и вытерла слезы тыльной стороной ладони.

— А хочешь, я тебе кое-что расскажу? — спросила она.

— Наверх пошли, — приказал Кручинин скучным голосом, решив, что она тянет время. — До трех считаю, потом выстрелю.

Вопреки его ожиданиям, она не испугалась, хотя он говорил правду. У них ушло слишком много времени на ностальгические воспоминания, и Кручинин понимал, что сюда вполне может подняться кто-нибудь из продавцов или охранников с вечерним обходом центра.

— Сосчитай до десяти, — посоветовала Вика. — Пока считаешь, я успею тебе рассказать кое-что о твоей жене. То, чего ты наверняка не знаешь.

Алиса вздрогнула, подалась ей навстречу, и Вика, взглянув на нее, уловила мольбу в ее взгляде. Но сейчас ей было не до того, чтобы жалеть кого-то, кроме себя. Так или иначе, но она собиралась реализовать свой план.

— О жене? — протянул Кручинин. — Лиска, она собирается мне что-то о тебе рассказать, слышишь?

И с ласковой усмешкой взглянул на Алису. Но то, что он увидел на ее лице, стерло эту усмешку. Обернувшись к стоящей у стены Вике, он бросил лишь одно слово:

— Говори.

Пистолет по-прежнему был нацелен Вике в живот, и она ощутила, как внутренности сворачивает спазмом. На мгновение ее охватил животный ужас, и в голове промелькнула нелепая мысль: «Я не знаю, сколько там пуль», — как будто это имело какое-то значение. Она сглотнула, отвела взгляд от пистолета и даже нашла в себе силы усмехнуться точно так же, как он, и выговорить четко и неторопливо, не глотая слова:

— Задай ей один вопрос. Спроси, какая фамилия у ее отца.

— Детка, она о чем? — вкрадчиво проговорил Кирилл, оборачиваясь к Алисе, но не выпуская Victорию из поля зрения. — А?

Алиса молчала.

— Эй, скажи ему! — подзадорила ее Вика. — Что, не хочешь? Так я сама скажу.

— Ее девичья фамилия — Веснянина, — процедил Кручинин.

— Правильно, Веснянина. Только это фамилия по матери. А по отцу у твоей любимой жены совсем другая фамилия. Сказать, какая?

Вспышка бешенства в его взгляде была ей ответом, и Вика попятилась бы, если бы было куда. Кирилл сделал еще шаг к ней, и она торопливо проговорила, почти выкрикнула:

— Пронькина! Пронькина ее фамилия по отцу!

Кручинин остановился, нахмурившись, и вдруг проблеск узнавания мелькнул на его лице.

— Пронькин?! Это же...

Расширенными от недоверчивого изумления глазами он уставился на Алису. Виктория, замершая у стены, подумала, что никогда прежде не видела его настолько ошеломленным.

— Это же зиц-председатель... Тот лох, который сдох в тюрьме! Придурок!

— Не смей!

Неистовая ярость, прозвучавшая в голосе Алисы, поразила их обоих. С девочкой, до того казавшейся заторможенной и закрывшейся от происходящего, произошло преобразование настолько стремительное, что ни Кирилл, ни Виктория не ожидали этого, и Вика подумала, что, если бы пистолет был в руке Алисы, участь ее мужа была бы предрешена.

— Так ты дочь Пронькина?! — повторил Кирилл, словно не в силах поверить.

Но зрительная память уже подсказала ему, что это правда. Он вспомнил Пронькина, над которым смеялся весь завод, его рыжеватые торчащие волосы, придававшие ему вид полубезумного изобретателя, и увидел в лице женщины, стоявшей напротив, его черты. Кручинин

выругался и сделал шаг назад, словно встретил призрака.

— Но зачем же ты... — выговорил он, — зачем же ты замуж за меня вышла? Зачем спасла-то, дура? Или ты любила меня?

Омерзение, отразившееся на ее лице, яснее всяких слов дало ему ответ.

— Любила? Тебя?

Она покачала головой и неожиданно улыбнулась — нежной, еле заметной улыбкой.

— Я любила папу с мамой, — сказала Алиса Кручинина, и это прозвучало беззащитно и по-детски. — И сейчас люблю.

Алиса

Я уже говорила вам, что меня зовут Алиса? Кажется, да, и даже призналась, что это мое второе имя. Но я не говорила вам всего остального...

Видите ли, я почти никогда не вру, только кое о чем умалчиваю. А знаете почему? Потому что на вранье человека очень легко поймать. А вот на умалчивании — куда сложнее. Я — виртуоз умалчивания, поверьте. Думаю, даже искренне рассказывая вам обо всем, что происходило в моей жизни, я смогла не сболтнуть лишнего.

В детстве я поменяла имя: мне не нравилось быть Ириной, и я стала Алисой. А чуть позже, когда мне выдавали паспорт, я сменила и фамилию: некрасивую папину на звучную мамину, девичью. Папа несколько не возражал. Он очень любил меня, мой маленький смешной папа... Не просто любил — обожал, и я купалась в их с мамой любви, в нежности, в солнечном счастье, которое считала привычным существованием для себя.

Но все разрушилось тогда, когда отец решил, что ему нужно зарабатывать деньги. Он так старался быть добытчиком, так хотел, чтобы мы им гордились! А мама — она же ничего не понимала! Господи, они были такие бестолковые, такие далекие от мира, в который сунулись, что даже мыши в кошачьей клетке чувствовали бы себя привычнее, чем мои родители в мире Кирилла Кручинина.

Если бы вы только видели, как радовался мой бедный папа, принося домой большие, по его меркам, деньги... Он рассказывал, что нужен людям в фирме, изображал в лицах все серьезные разговоры, случавшиеся у него за день, и только иногда, когда мама начинала задавать слишком подробные вопросы, мрачнел и замыкался в себе. Что-то ему не нравилось в

происходящем, но его сумели убедить, что все идет как надо. А он сумел убедить нас.

В конце концов все закончилось тем, чем должно было закончиться. Я видела папу за неделю до того, как... Он был не просто уничтожен — он был раздавлен, и самое ужасное заключалось в том, что он раздавил себя сам. Мы так и не узнали достоверно, что произошло в тот день в камере, и как случилось, что... Но мне всегда казалось, что для папы это был единственный выход. Понимаете, он ведь был патологически, невероятно честен и очень порядочен. Он не смог бы иначе.

А мама... Она не смогла без папы. Моя любимая, смешная, веселая мама, целовавшая меня в нос по утрам, державшая меня за руку на улице — всю жизнь, всегда, — водившая по моему лицу пушистым одуванчиком и приговаривавшая: «Наша Алиска — как одуванчик»... После того, что случилось с папой, она попала в больницу и больше не вышла оттуда. Все закончилось очень быстро. Все всегда заканчивается быстро для слабых — бог милостив к ним и не мучает их.

Самое тяжелое выпадает на долю тех, кто остается. Я осталась, и вначале я была одна, но это оказалось так невыносимо, что я вернула себе маму с папой. У меня почти получилось. Мне, правда, ужасно мешал Максим — то, что я видела в его взгляде, безжалостно выбрасывало меня обратно из моего маленького, изо всех сил удерживаемого на месте мира в тот мир, где с моей семьей случилось страшное. Где моих родителей больше не было. Поэтому я избегала говорить с ним, избегала встречаться, хотя иногда — совсем редко — мне казалось, что если и был человек, который смог бы мне помочь, то это... Впрочем, неважно.

Видите ли, я поняла, что не смогу успокоиться до тех пор, пока человек по фамилии Кручинин остается на свободе и живет счастливо. Мой папа говорил, у меня математический склад ума, и, наверное, это правда — иначе как бы мне удалось проделать все то, что я проделала в следующие два года? Я стала привлекательной, я научилась танцевать, я узнала, где человек по фамилии Кручинин любит проводить свободное время... И в конце концов познакомилась с ним. Более того, я спасла ему жизнь.

Мне становится смешно, когда я думаю, как часто люди ошибаются в оценке причин чьих-то действий. Все вокруг решили, что я спасла своего любимого мужчину, в то время как единственным моим желанием было убить его.

Понимаете, мне никогда не удалось бы подойти так близко к нему! Никогда — несмотря на все мои старания, на все попытки сделать из себя такую женщину, какая могла бы ему понравиться.

Но иногда возникает ощущение, будто бог держит тебя в ладонях. И смотрит на тебя внимательным взглядом, словно спрашивая: ты уверена в своем желании? Это действительно то, чего ты хочешь?

И тогда самое главное — не отвести взгляда от неба. «Да. Это действительно то, чего я хочу».

Я не могла знать, что именно в тот день, когда я «просто так загляну» к Кириллу, в его офис ворвется полусумасшедший человек с пистолетом и таким лицом, как будто по нему топтались ботинками, а потом следы исчезли, но воспоминание о чужих грязных подошвах осталось. Помню, как отчетливо я поняла, что он вот-вот выстрелит, и с ужасом смотрела на его прыгающий небритый подбородок и мертвенно-бледные губы с синеватым оттенком — такие бывают у перекупавшихся детей. Смотреть ему в глаза я не могла. Вы понимаете, он не промахнулся бы с такого расстояния. И он собирался выстрелить.

Меня охватил не ужас, а чувство сродни звериной тоске, когда я поняла, что человек, разрушивший мою семью, уйдет из этого мира легко и почти безболезненно — от пули, попавшей в сердце. Такую смерть нужно заслужить! Это смерть для героев, для тех, кого любит бог, а не для того, кто, не задумываясь, уничтожил моего отца, даже не помня его имени. Если бы в ту секунду нужно было пожертвовать левую руку ради того, чтобы Кирилл остался жив, я бы сделала это не задумываясь, осознавая, что и калекой смогу заставить его платить за то, что он сотворил со всеми нами.

Но мне не потребовалось ничем жертвовать, потому что мое умное тренированное тело все сделало раньше, чем я сама сообразила, как поступить. Мои ноги вынесли меня на два шага вперед, плечи развернулись, и Кирилл оказался за моей спиной. Конечно, он торчал за мной как глыба, но для его несостоявшегося убийцы мое появление все изменило.

— Не надо, — попросила я его, молясь, чтобы он понял: не убивай его сейчас, не дай ему уйти так легко, оставь мне шанс рассчитаться с ним сполна. — Прошу тебя, не надо!

И он опустил пистолет. Показалось мне или нет, но в глазах его промелькнула растерянность — не оттого, что он увидел девушку, защищавшую любимого мужчину, а оттого, что он понял, какое чувство управляет мною. А в следующий миг откуда-то сбоку выпрыгнул человек и сбил его с ног, ударил, потом еще раз, и бил до тех пор, пока чей-то отчаянный крик не остановил его. Только много позже я узнала, что, оказывается, кричала я. А потом уткнулась в грудь Кирилла и зарыдала — от облегчения, что он остался жив. И от того, что по его глазам я поняла:

тот путь, на прохождение которого мне потребовались бы годы, я прошла за те несколько минут, что стояла под прицелом пистолета.

Мне обязательно нужно было, чтобы он меня любил. С людьми, которые вас любят, вы можете сделать очень многое, прежде чем они поймут, что происходит. Любящие люди беззащитны, как веточки: гни их, ломай, жги, обрывай листья, срежай кору... Мне нужно было, чтобы человек, убивший мою семью, стал такой веточкой, и я могла бы делать с ним что хочу. Конечно, он не полюбил меня в том смысле слова, какой вкладываем в него вы или я — он физически не способен на такое чувство, как безногие не способны на бег. Но в его извращенное понятие о любви входит доверие, и потому он стал доверять мне, устраивая проверки лишь изредка.

Как-то раз он подсунил мне человека, рассказавшего глупейшую историю о какой-то женщине, вздумавшей выйти за него замуж. И тот даже предложил мне взять деньги. Но в глубине души я ожидала чего-то подобного, и потому отказалась не раздумывая.

Дальше все было проще. Я разрушала его бизнес изнутри, исподволь, пользуясь тем, что он доверяет мне, и, поверьте, проявила радующую меня саму изобретательность. Если бы вы слышали, как я уговорила главного бухгалтера уйти из фирмы, то вы бы мною гордились. С журналистами все оказалось проще, а уж подкупить работника, смешавшего порченное мясо со свежим, и вовсе далось мне без проблем. Я сильно удивила Баравичова, придя к нему с неожиданным предложением, но в конце концов мы отлично поняли друг друга, хотя, кажется, он до сих пор считает меня ненормальной.

Что не на шутку озадачило меня, так это появление Романа. С одной стороны, Кирилл вполне мог устроить проверку на прочность, подсунив мне привлекательного мужчину и наблюдая, сдамся ли я или же сохраню верность мужу. С другой, мне казалось, что моя верность не имеет для него такого большого значения, чтобы из-за нее устраивать подобные проверки. Нет, что-то здесь не складывалось.

Но в случайности с рисунками и красивыми историями о придуманной девушке я тоже не верила. Мне оставалось одно: постараться как можно больше разведать у Романа, чтобы узнать, кто за ним стоит и что этому кукловоду нужно.

С Алисой в стране чудес они просто угадали. Ориентировались на имя и не знали, что именно ею я себя и представляю. А все остальное сложилось само. К тому времени, когда я отчетливо поняла, что не Кирилл стоит за этими людьми, он и сам вступил в игру — и немного испугал меня

своей проверкой. Детектор лжи! Но я ведь говорила вам, что почти никогда не вру. Это помогает жить той жизнью, которой жила я.

Не думайте, что это страшно, и не думайте, что это просто. Я сказала себе, что должна выполнять свою работу. И когда он хотел, чтобы я танцевала для него, я танцевала. Стриптизершу у шеста никто не спрашивает, нравится ли ей выгибаться, призывно оттопыривая зад, — вот и меня не спрашивали. И я работала, как стриптизерша, послушно исполняя то, что от меня требовалось. Правда, плата за мою работу была куда выше, чем мятые купюры, даже самого большого достоинства.

Вы представить себе не можете, как я заботилась о предохранении. Я не продумала этого сразу, и потом меня словно обожгло, когда я представила, что могу зачать ребенка от Кирилла. Как ни странно, но секс не вызывал у меня и десятой части подобных эмоций: механическое действие, которое далеко не всегда доставляет удовольствие обеим сторонам. Все, что мне нужно было, — это терпеть и чуть-чуть играть. Кирилл не был внимателен ко мне, и я радовалась этому так, как иная женщина радуется редкой небрежной ласке любимого мужчины.

Я приучила Кирилла к тому, что могу пропадать где угодно, и он не беспокоился и не пытался меня найти, если только я возвращалась не позже полуночи. Наверное, он думал, что я не в себе, и в каком-то смысле так оно и было. Но я не смогла отказать себе в удовольствии купить двух неразлучников, удивительно напоминавших моих родителей.

Глядя на них, я думала, что нет ничего хуже, чем убить невинных, беззащитных — тех, кто не может причинить вреда. Мой муж только и делал, что убивал пересмешников. Он делал это не со зла, а потому что такова его природа — природа человека, давящего жизни всех, кто оказался рядом в неудачную для себя минуту. Каждое утро я смотрела на маленьких смешных птичек и вспоминала, как счастливы мы были.

Даже жаль, что я не успела реализовать идею по вычислению того, кто продавал информацию Баравичову. В результате нехитрой комбинации виноватым должен был остаться Давид, правая рука Кирилла... Уверяю вас, он никогда не смог бы доказать свою невиновность — зерна сомнения, посеянные в мозгу моего мужа, сделали бы свое дело, и Кирилл избавился бы от Давида. А вместе с ним — от весомой доли профессионализма и, главное, осторожности, которой так не хватает ему самому.

Я очень многое не успела сделать. Женщина, взявшаяся из его прошлой жизни, — похоже, еще одна из породы пересмешников — нарушила все мои планы, но я даже не могу сказать, что сожалею об этом.

Наверное, я слишком устала.

Вика засмеялась низким смехом, и Кирилл вздрогнул, услышав его.

— Папу с мамой любила... — повторила она. — Дорогой, ты только подумай, как просто и красиво тебя использовали!

— Заткнись!

— Все вернулось бумерангом, Кирюша... Сколько ты прожил счастливой семейной жизнью? Год? Полтора? И все это время думал, что рядом с тобой преданный человек? Да у тебя просто талант окружать себя преданными людьми!

— Я сказал, заткнись!

— А если нет, то что ты сделаешь? Убьешь меня? Доставишь такое удовольствие своей — ха-ха! — любимой жене? Она посадит тебя, Кирилл, ты же это понимаешь! Посмотри на нее!

Ствол пистолета теперь был нацелен на Вику.

— Или ты попробуешь убить нас обоих? — продолжала она, не обращая больше внимания на оружие. — Тогда, боюсь, тебя ждет электрический стул! Ах, позволь, у вас же нет электрического стула... Тогда пожизненное. Тоже неплохой вариант, как ты считаешь?

Лицо Кирилла исказилось так, что Вика решила — сейчас раздастся выстрел. Но он не выстрелил.

— Или все-таки ее? — Вика кивнула в сторону Алисы. — Мы с тобой играли в честную игру — нам есть за что расплачиваться друг перед другом. А вот то, что твоя жена сделала с тобой... — Вика развела руками, — я даже не знаю, как это назвать. Пожалуй, она отомстила за нас обоих, так что я клянусь оставить тебя в покое.

Ее настораживало, что Алиса Кручинина молчит и смотрит на нее пристально, словно пытается проникнуть в ее мысли — от этой девчонки теперь можно ожидать чего угодно.

— Знаешь, это было даже весело, — внезапно сказала Алиса и сделала шаг к мужу. — Особенно когда ты упрашивал меня поработать бухгалтером.

— Стой, сучка, где стоишь, — предупредил тот.

— Целый год... — подала голос Вика. — Не могу даже представить, сколько дел она натворила в твоей фирме!

— Знаешь, почему сбежал Туканов? Это я его заставила. — Второй шаг навстречу мужу.

— Стой на месте!

— Кирилл, а когда она спала с тобой, она кричала? И ты за весь год не понял, что она кричит от отвращения?

— Заткнитесь обе, суки!

— Еще немного — и ты потерял бы все. — Третий шаг навстречу мужу. — Да ты уже почти потерял.

— А ты, должно быть, думал, что это я продала тебя Баравичову! — сочувственно покачала головой Вика. — Нет, Кирилл, ты ошибся — он не стал со мной сотрудничать. Понятно почему — ему вполне хватало твоей женушки!

— А теперь, когда я знаю историю с убийством, — сказала Алиса Кручинина и пошла к Кириллу, двигаясь легко и грациозно, словно танцуя, — клянусь, первое, что я сделаю, это расскажу ее твоему Банкиру. Тогда он убьет тебя, а я останусь жить!

По губам ее скользнула странная невеселая улыбка.

И прежде чем Виктория успела сказать хоть слово, прежде чем Данила Прохоров, стоявший за углом ближайшего магазина, успел добежать до них, Кирилл Кручинин поднял пистолет и всадил три пули в худенькое тело Алисы Кручининой.

А в следующий миг Кручинина ударило, будто снарядом, и он отлетел к поручням, ограждавшим галерею. Большое, тяжелое тело его от этого удара перевалилось через перила, и последнее, что успел увидеть Кирилл, прежде чем полететь вниз, это перепуганное лицо охранника, которого его бывшая жена приняла за манекен.

Эпилог

Самолет взлетел с часовым опозданием, и пассажиры ругались и ворчали, срывая злость на стюардессах. Женщина лет тридцати пяти в черном платье сидела молча, не обращая ни на кого внимания, и на все предложения стюардесс отвечала отрицательным движением головы.

Мужчина, расположившийся в соседнем с ней кресле, не без оснований считал себя дамским любимчиком, хотя ему давно перевалило за сорок. По опыту он знал, что самолетные знакомства бывают очень удачны, и считал грехом не воспользоваться таким случаем. Бросив на соседку заинтересованный взгляд, он с трудом смог отвести глаза и решил, что познакомится с ней во что бы то ни стало.

Выждав подходящий момент, он завел ничего не значащий разговор о погоде и задержках рейсов. Женщина отвечала вежливо, но сухо, и тогда, слегка раздосадованный, он прямо спросил, как ее зовут.

— Вика. Вика Кручинина.

А замужем ли такая прелестная женщина?

— Я вдова. — Она в первый раз за все время полета взглянула на него.

Стареющего ловеласа поразило выражение глубокой тоски в ее глазах. Поразило настолько, что он, почти профессиональный ловец женщин, смешался, забормотал что-то невнятное, какие-то извинения, и в конце концов скомкал беседу и отвернулся в сторону. А женщина в соседнем кресле отвернулась к иллюминатору и полулежала с открытыми глазами, в которых не отражалось ничего, кроме безбрежного, чистого голубого неба.

Максим Белоусов отложил в сторону совок, поднялся и отошел на пару шагов назад, оглядел результат своей работы. Мелкие рыжие бархатцы на могиле все-таки выстроились неровно, но он решил не пересаживать их, а вот светло-зеленый мох, выложенный вокруг цветов, пришлось поправить, чтобы смотрелось аккуратнее. В конце концов он добился того, чего хотел, и решил, что на сегодня достаточно.

Мелкий мусор, появившийся внутри ограды за то время, что его не было, Максим собрал в пакет и положил возле калитки, напомним себе захватить его в машину. Обернулся к крестам и в который раз испытал острое чувство сожаления, глядя на знакомые фотографии.

Шаги за его спиной раздалась как раз тогда, когда он собирался уходить.

— Хорошо получилось, — тихо сказала Алиса, прижавшись к нему.

Максим покосился на нее, отметил полуобморочную бледность, капли мелкого пота на висках, и тяжело вздохнул.

— Ты зачем из машины вышла? — сердито спросил он. — Я же тебе сказал: пятнадцать минут — и вернусь!

Не отвечая, Алиса присела на корточки — с видимым трудом — и поправила самый маленький цветок, наклонившийся надо мхом.

— Я уже присесть могу, — выдохнула она, задрала голову и глядя на него снизу вверх. — Не болит!

Он поднял ее со всей нежностью, на какую был способен, и едва удержался, чтобы не подхватить на руки.

— Я сама пойду! — Она предупреждающе выставила в стороны локти.

— Сама, сама! Топай давай, инвалид.

Очень медленно, сильно прихрамывая, Алиса вышла из ограды и побрела по дорожке к выходу с кладбища. Максим задержался на несколько секунд, глядя на фотографии мужчины и женщины, неуловимо похожих друг на друга — пухлых, рыжеволосых, улыбающихся ласковыми улыбками.

«Она вас наконец-то похоронила, — мысленно обратился он к ним. — Так что спите с миром. А я за ней присмотрю».

Он прикрыл калитку, догнал Алису, обнял ее и пошел рядом, то и дело отступаясь с узкой дорожки во влажную после дождя траву.

— Как нет билетов? — убитым голосом сказала Татьяна. — Посмотрите еще, пожалуйста!

— Девушка, ну что я буду смотреть? — устало спросила пожилая билетерша за окошечком. — Вот, пожалуйста, здесь все показано... — И она ткнула пальцем в экран, как будто Татьяне что-то говорили суматошные квадратики, окрашенные в красные и зеленые цвета. — Видите, нет свободных мест? А, нет, подождите-ка...

Таня прижалась к окошечку, умоляя своего ангела-хранителя смилостивиться над ней и Матвеем и подарить два места — всего два, дорогой ангел, это ведь такая малость! Пусть даже они будут в конце зала...

— Нету. Увы, девушка, ничем не могу помочь.

Таня кивнула головой. Так она и думала. Ей ничем не могут помочь.

— Два в разных местах зала есть, — равнодушно поведала билетерша. — Двух рядом нет.

— В разных местах? — встrepенулась Таня, к которой вдруг вернулась

надежда. — А где?

— Партер, третий ряд, десятое место, и восьмой ряд пятнадцатое место, — отгарабанили из-за стекла. — Будете брать?

— Буду!

Татьяна знала, что сидеть без нее Матвей не станет. Она и сама не представляла, как же так: она сидит где-то сзади, а он — через несколько рядов от нее... Ничего, она с кем-нибудь поменяется, и они сядут рядом. Она что-нибудь придумает, будет убедительной и устроит своему сыну настоящий праздник. Он так мечтал попасть на «Золушку» еще раз...

— Простите, мне это неудобно. — Светловолосая женщина, сидевшая рядом с девочкой лет шести, была вежлива, но непреклонна.

— Девушка, а меня вы уже спрашивали! — сердито встряла чья-то бабушка по соседству, хотя Татьяна и не пыталась обращаться к ней.

Таня кивнула, чувствуя себя виноватой за свой вопрос. На что она рассчитывала? Никто, придя на детский спектакль, не захочет смотреть его отдельно от своего ребенка. Желающих поменяться не нашлось — ни в дальнем ряду, ни в ближнем.

«Добрые люди, добрые люди, будет ли чудо со мной, иль не будет? — усмехнулась про себя Татьяна, вспомнив песенку Золушки. — Нет, не будет. Никакого чуда не случится».

— Ты что, меня одного оставишь? — подозрительно спросил Матвей, когда она усадила его на место в третьем ряду.

— Я чуть подальше сажу, во-он там! — С фальшивой бодростью она махнула рукой назад. — Совсем недалеко. Ты уже большой мальчик, а большие мальчики могут без мам смотреть спектакль. Ты же не испугаешься, правда?

Она произнесла последнюю фразу и сама себя отругала: зачем, зачем она ему это говорит? Зачем заранее настраивает сына на страх?

Но он насупился и помотал головой.

— Ну что ты, Матюша? — жалобно спросила Таня, наклоняясь и пытаясь заглянуть ему в глаза. — Матюш, ну ты же смотрел этот спектакль! Там нет ничего страшного, честное слово!

— Я не из-за страшного... Я из-за другого...

— А из-за чего?

Матвей хотел объяснить, что рядом с мамой все выглядит и воспринимается иначе, и именно из-за этого чувства он так любит сидеть рядом с ней в театре или в кино... Но не смог. Он сморщил нос и буркнул одним словом:

— Неиззачего. Просто так.

— А раз просто так, тогда нечего мне нервы трепать! — тут же вышла из себя Татьяна. — Радуйся тому, что я вообще смогла билеты достать! Все, сиди тут, а я пошла на свое место!

— Смотри-ка, свет гасят, — вполголоса заметила сидящая возле Матвея женщина своей дочери. — Третий звонок уже был, скоро спектакль начнется.

— Иди, а то Золушку не увидишь, — примирительно сказал Матвей. — И Лесничего тоже.

Вместо ответа Татьяна провела рукой по его вихрастой макушке и принялась протискиваться мимо детей и их родителей. Когда она разыскала свое место, спектакль уже начался, и на нее недовольно зашикали.

«Господи... посадила одного... накричала на него... что я за мать такая?!»

В полумраке зрительного зала она жадно высматривала обросший затылок сына, и тяжелая, давящая нежность стискивала сердце. Маленький, один, с нервной, вечно ругающей его матерью, которая даже не смогла купить два билета на спектакль рядом... Против воли в голове всплыло воспоминание: покрасневший Данила, подкидывающий мальчика, и замерший в воздухе Матвей, хохочущий во все горло. И как Прохоров приехал к ней, когда все закончилось, и рассказал о том, что теперь они с Алешкой могут жить спокойно, никого не боясь, и повторил те слова, которые она не захотела услышать и принять всерьез в их предыдущем разговоре. Теперь они эхом отдавались у нее в ушах. «Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж. Я люблю тебя, Танюша».

«А что, если...» Но она отогнала предательскую мысль. «Чудес не бывает, вот что я вам скажу. Никаких чудес не бывает. Мы не будем жить долго и счастливо. Я не выйду за него замуж. То, что *так* началось, не может закончиться хорошо!»

«А что, если...» Лицо Данилы, смотревшего на нее с сумрачной тоской, с какой-то неутолимой жадью, заслонило танцующую на сцене Золушку. «Он мог бы сделать вас счастливыми. Ты могла бы сделать его счастливым...» — шепнул чей-то тихий голос — чужой, не ее собственный.

— Нет!

Кажется, она сказала это вслух, потому что с соседнего кресла на нее удивленно покосились. Таня постаралась взять себя в руки.

«Нет! — про себя возразила она искушающему голосу. — Или ты думаешь, что я не знаю, чем все закончится?! Он побалуется нами, как игрушками, а затем выбросит! Я не хочу... не могу.... Я боюсь!!!»

Золушка на сцене подошла к краю и теперь стояла в лужице расплескавшегося желтого света, прижимая к себе швабру. Это была та же самая актриса, что и в прошлый раз — большеглазая, с золотистыми, как у куклы, локонами и грустной улыбкой на нежном полудетском личике.

— Ах, как бы я хотела пойти на бал... — мечтательно сказала Золушка в затихший зал. — Там, должно быть, прекрасно, правда?

Зал молчал.

«Правда, — молча ответила Таня. — Только тебе там нет места. Твое место здесь, с сыном и больным братом».

Золушка на цыпочках пробежала по сцене, умоляюще приложила руки к груди:

— Вы думаете, я не смогла бы танцевать как настоящая принцесса? Нет-нет, я научилась, посмотрите!

В оркестровой яме светло заплакали скрипки, и девочка закружилась под музыку со шваброй в руках.

«Кого ты обманываешь, Золушка?»

— Честное слово, у меня получится!

Прыжок, почти бесшумное приземление, руки, в упоении раскинутые в стороны...

— Смотрите!

Пируэт, еще один — и вдруг швабра надломилась с громким треском, и девочка упала.

Зал дружно ахнул, и Татьяна ахнула вместе с ним. Она едва не бросилась к сцене, потому что ужасно испугалась за несчастную маленькую замарашку. Но та вскочила, обвела взглядом зал.

— У меня не получилось... — растерянно сказала она, и Таня не смогла понять, кто это говорит — Золушка или актриса. — Ах, добрые люди, добрые люди... Неужели мне до конца жизни оставаться Золушкой?! Неужели я никогда, никогда не буду счастлива?!

Последнюю фразу она произнесла с такой тоской, что Татьяне стало не по себе.

— Пап, мне ее жалко, — вдруг отчетливо произнес детский голос за ее спиной.

— Мне тоже... — шепотом ответил мужской, и Тане захотелось обернуться, посмотреть на этого папу.

Она не обернулась, потому что Золушка на сцене снова начала петь, и Татьяна не могла отвести от нее глаз. Но песенка, в которой раньше звучала надежда, теперь, после ее падения, воспринималась иначе. На минуту Тане даже показалось, что сегодня она и все дети в этом зале вместе с ней

увидят другой спектакль, с иной концовкой: Золушка так и не попадет на бал, принц не узнает о ней, и фея будет появляться лишь иногда, на праздники, и дарить крестнице кастрюли, половники и прочие необходимые кухонные принадлежности. Старшие сестры выйдут замуж, мачеха разведется с Лесничим и уедет с новым мужем в другое королевство, а Золушка так и останется жить при дряхлеющем отце, незаметно старея сама.

Добрые люди, добрые люди,
Кто пожалеет, а кто-то осудит...

«Чудес не бывает, милая Золушка. Господи, почему же мне так хочется, чтобы с тобой — ты слышишь, хотя бы с тобой — случилось чудо! По-настоящему!»

И неужели на белом коне
Счастье мое не приедет ко мне?!

«Потому что, если бы оно случилось, это означало бы, что оно может случиться и со мной! Со всеми нами, Золушка...»

Девочка на сцене замерла, остановившись на самом краю, протянула руки к залу. Высокий чистый голос запел умоляюще:

Добрые люди, добрые люди,
Будет ли чудо со мной, иль не будет?

Она не просто спрашивала, она просила о помощи, умоляла оставить ей хотя бы надежду на сказку, которая едва не разрушилась, когда она упала под взглядами переполненного театра.

Будет ли чудо со мной, иль не будет?

«Чудес не бывает, Золушка...»

И вдруг зрительскую тишину прорезал отчаянный громкий голос:

— Будет!

Мальчик в третьем ряду вскочил, всем телом подался к Золушке, обернувшейся к нему:

— Будет!!!

«Матвей?!»

Татьяне показалось, что она со своего места уловила изумление, мелькнувшее на лице актрисы. Золушка сбилась, и, вместо того чтобы начать следующий куплет, уставилась на мальчика.

— Я тебе говорю, будет! — в третий раз упрямо крикнул Матвей, позабывший обо всем и даже о маме, сидевшей где-то за спиной, далеко в темноте.

— Будет, будет! — внезапно поддержал его неподалеку девчоночий голос.

— Да! Будет! — выкрикнул ребенок, сидевший за Таней, и словно по сигналу, поданному предводителем, по всему залу стали раздаваться детские голоса:

— Будет!

— Будет, Золушка!

— Золушка, не плачь! Будет!

Оркестр смешался и замолчал. Актриса на сцене стояла, оторопев, расширенными глазами глядя в зал, где вскочившие дети выкрикивали одно слово, и отдельные их выкрики уже слились в громкий, скандирующий хор:

— Будет! Бу-дет! Бу-дет!

Захлебнувшийся оркестр вдруг пришел в себя, и опять зазвучала музыка, под которую улыбающаяся актриса закружилась на сцене. Татьяна стояла, прижимая руки к губам, видя перед собой сквозь слезы лишь сына, обернувшегося назад и вертящего головой в попытках найти ее, со счастливым выражением на лице: «Мама! Получилось!» Золушка снова пела, но это была другая песня — радостная, почти ликующая, и вслед за ней Таня верила, что все еще произойдет, все еще будет, и ничего не поздно исправить, потому что чудеса случаются — случаются со всеми...

*Но никогда не устану опять
Верить, надеяться, ждать и мечтать.
Верить,
Надеяться,
Ждать
И мечтать.*

---

notes

Примечания

1

О расследовании дела Гольц читайте в романе Е. Михалковой «Знак истинного пути».